

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 2 (183) февраль 2026

В НОМЕРЕ:

Кабышев С. В.

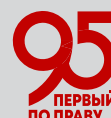
Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности

Лаптев В. А.

Об отдельных позициях Верховного Суда РФ в части применения положений статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ

Лушникова М. В.

Компенсация за задержку выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, в контексте налоговых споров



LEX RUSSICA



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия “Яблоко”».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.
Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 27.02.2026
Объем 23,36 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна. Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

27.02.2026
Volume: 23.36 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Кабышев С. В.** Об идентичности национальной системы образования
в ценностных координатах российской государственности 11

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Минеева Т. Г., Щерова Н. С.** Юридические общества
дореволюционной России и развитие отечественной журналистики 22

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Грошев С. А.** Налогообложение стейкинга цифровых валют
в Российской Федерации: возникновение дохода
для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль 30
- Алехин В. А.** Современные вызовы финансово-правовому
регулированию деятельности государственных внебюджетных фондов
в условиях реализации концепции устойчивого
социально-экономического развития России 47

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Победоносцева Е. Н.** Оспаривание прокурором соглашения об уплате
алиментов на содержание несовершеннолетних детей: миф или реальность? 58
- Леканова Е. Е.** Виды облигаций, доступные при условии успешного
прохождения тестирования: правовые реалии и перспективы 73

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Зайков Д. Е.** Проблемы возмещения судебных издержек,
понесенных при рассмотрении заявления
о наложении судебного штрафа, в арбитражном процессе 81

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Лагошин Е. В.** Цифровая объективизация результатов
интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них 91

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Лушникова М. В.** Компенсация за задержку выплаты
заработной платы и других выплат, причитающихся работнику,
в контексте налоговых споров 100

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Лаптев В. А.** Об отдельных позициях Верховного Суда РФ в части
применения положений статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ 109
- Богусевич С. И.** О возможности противопоставления
корпорации корпоративного договора ее участников 121

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

- Берг Л. Н.** В поисках оптимальной модели правового регулирования нейрогенетики в Российской Федерации 137

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Малина М. А.** Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в деятельности следователя 150

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Синцов В. А., Гайдов Д. В.** Несообщение о преступлении: критический анализ уголовно-правовой нормы 165

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Воронина Н. П., Тун Гуанфа.** Правовое регулирование сохранения биоразнообразия, генетических ресурсов растительного и животного мира в РФ и КНР: генезис и современное состояние 174

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Вэй Дэпэн, Зубович М. М.** Правовые отношения в сфере применения труда курьеров в КНР 189

Contents

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

- Kabyshev S. V.** The National Education System Identity
in the Axiological Coordinates of Russian Statehood 11

PAGES OF HISTORY

- Mineeva T. G., Shcherova N. S.** Legal Societies
in Pre-Revolutionary Russia and the Development of Russian Journalism 22

FINANCIAL LAW

- Groshev S. A.** Taxation of Digital Currency Staking
in the Russian Federation: Recognition of Income
for Personal Income Tax and Corporate Profit Tax Purposes 30

- Alekhin V. A.** Contemporary Challenges to the Financial Law
Regulation of State Extra-Budgetary Funds in the Context
of Implementing Russia's Sustainable Socio-Economic Development Concept 47

CIVIL AND FAMILY LAW

- Pobedonostseva E. N.** Challenging a Child Support
Agreement by the Prosecutor: Myth or Reality? 58

- Lekanova E. E.** Types of Bonds Available Upon Successful
Completion of Testing: Legal Realities and Prospects 73

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS

- Zaikov D. E.** Issues in Reimbursing Legal Costs Incurred in Arbitrazh
Proceedings When Considering an Application for the Imposition of a Judicial Fine 81

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

- Lagoshin E. V.** Digital Objectification of the Results
of Intellectual Activity and the Exclusive Rights Thereto 91

LABOR RELATIONS AND SOCIAL WELFARE

- Lushnikova M. V.** Compensation for Delayed Payment
of Wages and Other Employee Entitlements in the Context of Tax Disputes 100

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Laptev V. A.** On Certain Opinions of the Supreme Court
of the Russian Federation Regarding the Application of the Provisions
of Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation 109

- Bogusevich S. I.** On the Possibility of Opposing
a Corporate Agreement of Its Participants to the Corporation 121

MEDICAL LAW

- Berg L. N.** In Search of an Optimal Model for the Legal Regulation of Neurogenetics in the Russian Federation 137

CRIMINAL PROCEEDINGS

- Malina M. A.** Problems and Prospects of Artificial Intelligence Application in the Investigator's Activities 150

CRIMINAL LAW

- Sintsov V. A., Gaidov D. V.** Failure to Report a Crime: A Critical Analysis of the Criminal Law Norma 165

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCE LAW

- Voronina N. P., Tong Guangfa.** Legal Regulation of Biodiversity Conservation and Genetic Resources of Flora and Fauna in the Russian Federation and the People's Republic of China: Genesis and Current State 174

FOREIGN EXPERIENCE

- Wei Depeng, Zubovich M. M.** Legal Relations in the Sphere of Courier Labor in the People's Republic of China 189

Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности

Аннотация. В статье с конституционно-правовых позиций исследуется идентичность системы образования России как ключевой элемент суверенного государственного развития. Автор разграничивает категории национальной и конституционной идентичности, утверждая, что Россия в своем конституционном процессе движется к более полной формализации исторически сложившихся ценностей, определяющих систему образования. Конституционная идентичность системы образования определяется как совокупность ее существенных параметров, обусловленных ценностями, принципами, языковой и цивилизационной самобытностью народа, явно или имплицитно закрепленных в Конституции РФ и вытекающих из национального наследия. Ключевыми характеристиками этой идентичности выделяются фундаментальность, единство обучения и воспитания, связь образования с жизнью и стремлением к прогрессу. Автор обосновывает, что российское образование основано на холистской (целостностной) парадигме, где личность обретает смысл через служение народу и государству, а не через автономию от общества. Эта парадигма находит свое конституционное закрепление, особенно после поправки 2020 г., которая прямо связала образование с задачами патриотического воспитания и укрепления суверенитета. В статье подчеркивается центральная роль педагога как носителя ценностей российской цивилизации и дается критический анализ таких вызовов, как внедрение компетентностного подхода и технологий искусственного интеллекта. Формулируются концептуальные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в области образования.

Ключевые слова: система образования; национальная идентичность; конституционализм; патриотизм; стратегия развития образования

Для цитирования: Кабышев С. В. Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 11–21. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.011-021

© Кабышев С. В., 2026

* Кабышев Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
svkabyshev@mail.ru

The National Education System Identity in the Axiological Coordinates of Russian Statehood

Sergei V. Kabyshev, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
svkabyshev@mail.ru

Abstract. The paper examines, from a constitutional law perspective, the identity of the Russian education system as a key element of sovereign state development. The author distinguishes between the categories of national and constitutional identity, arguing that in its constitutional process Russia is moving toward a more complete formalization of historically established values that determine the education system. The constitutional identity of the education system is defined as a set of its essential parameters shaped by the values, principles, linguistic and civilizational distinctiveness of the people, explicitly or implicitly enshrined in the Constitution of the Russian Federation and deriving from the national heritage. The key characteristics of this identity are determined as fundamentality, the unity of educating and upbringing, and the connection of education with life and the pursuit of progress. The author substantiates that Russian education is based on a holistic paradigm, in which the individual acquires meaning through service to the people and the state rather than through autonomy from society. This paradigm finds its constitutional consolidation, especially following the 2020 constitutional amendment, which directly linked education with the objectives of patriotic upbringing and the strengthening of sovereignty. The paper emphasizes the central role of the teacher as a bearer of the values of Russian civilization and provides a critical analysis of such challenges as the introduction of the competence-based approach and artificial intelligence technologies. Conceptual proposals are formulated for improving legislation and law enforcement practice in the field of education.

Keywords: educational system; national identity; constitutionalism; patriotism; educational development strategy

Cite as: Kabyshev SV. The National Education System Identity in the Axiological Coordinates of Russian Statehood. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):11-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.011-021

1. Развитие системы образования Российской Федерации представляет собой ключевой элемент в процессе консолидации ценностных и мировоззренческих основ единства российского народа. Оно служит принципиальным условием для обеспечения непрерывной исторической преемственности между поколениями и формирования нравственно зрелой, интеллектуально развитой, социально ответственной личности. Важнейшим аспектом этого развития выступает подготовка востребованных во всех отраслях национальной экономики и социальной сферы квалифицированных кадров, которые осознают стремление к профессиональному и личному успеху как неотъемлемую и органичную составляющую благополучия всего российского государства. Становление такой образовательной системы, незыблемой основой которой является признание и гарантирование безусловного приоритета национальных ценностей, стратегических интересов и долгосрочных це-

лей развития страны, предполагает и особый прагматический подход к международному сотрудничеству, которое должно строиться на принципах подлинного равноправия, взаимной выгоды и содержательного диалога. Таким образом, формирование и совершенствование системы образования, отвечающей глубинно укорененным в социальной среде представлениям о национальной идентичности, является стратегической задачей общенационального масштаба, ресурсом общественного развития, историческим императивом и непреложным требованием времени для российской государственности, от реализации которого напрямую зависит будущее страны.

Национальная идентичность носит объективный характер в сфере ценностей и норм, составляющих ее внутреннее содержание. Существование политического сообщества изначально зиждется на совокупности общих ценностных ориентиров, которые, собственно, и выражают

эту национальную идентичность, создавая тем самым естественный противовес безграничному росту индивидуализма, ориентированного на автономную систему личных предпочтений. «Социальная динамика по-прежнему измеряется привычными показателями роста ВВП, материального благосостояния и качества среды обитания человека. Но не меньшее значение имеют ориентиры идентичности, приверженность сообществу, с которым индивид себя отождествляет, позитивному видению будущего, его (индивида) нацеленность на *личное* и *общественное* развитие. Именно такого рода ценностные ориентации определяют социальный климат в обществе»¹.

Те основы национального самосознания, которые нашли свое закрепление в конституционной форме и характеризуют унаследованную от предков совокупность ценностей, традиций и идеалов, определяющих дух, вневременные особенности культурного, цивилизационного и политико-правового развития народа, обретают высший нормативный статус конституционной идентичности. Именно они формируют нормативное содержание, задают вектор толкования и практического применения всех ключевых конституционных институтов. Конституционную идентичность правильно рассматривать как духовную сущность (этос) нации-государства, отраженную в основах конституционного строя, в фундаментальных принципах и нормах Конституции, притом в широком социокультурном контексте, учитывающем как общие закономерности, так и специфические черты исторического пути страны². В то же время необходимо понимать, что национальная идентичность, даже будучи адекватно и полно формализованной на высшем нормативном уровне (в конституции), отнюдь не является автоматически данной социальной реальностью, раз и навсегда установленным фактом. Между ее концептуальным, идеальным выражением и живой общественной тканью могут возникать и зачастую

возникают определенные «зазоры», несовпадения между национальной и конституционной идентичностями. Подобные расхождения могут порождаться, в частности, необдуманно или неадаптированными заимствованиями чужих конституционных идей, доктрин и интерпретаций, а также разрывом между формально закрепленной конституционной идентичностью и сложными социальными реалиями, нашедшими отражение не только в обыденном, но и в профессиональном правосознании. Полноценная реализация национальной, выраженной в конституционных нормах идентичности — это сложная, многотрудная задача общегосударственного масштаба, определяющий вклад в решение которой обязана внести национальная система образования, устроенная в соответствии со своими фундаментальными канонами и принципами.

Таким образом, взгляд на систему образования с позиции национальной идентичности позволяет видеть их глубокую и комплексную взаимозависимость и взаимообусловленность. Система образования должна укладываться в национальную социокультурную парадигму, воплощать и воспроизводить национальную идентичность через созидательный диалог между традициями и инновациями, обеспечивая в конечном итоге историческую преемственность в эволюционном общегосударственном развитии, что оказывается возможным, если только сама эта система в своих основных, важнейших параметрах остается привержена национальному педагогическому наследию, отвечает требованиям конституционной идентичности.

Конституция России, будучи не только юридическим, но и духовно-ценностным актом, выступает нормативным каркасом для национальной идентичности, придавая ей легитимную форму и высшую юридическую силу. Соответственно, применительно к системе образования она служит не просто отражением, а источником, формой конституционной легитимации

¹ Идентичность : Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов; ИМЭМО РАН. М. : Весь мир, 2023. С. 19.

² Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. С. 28.

и гарантирования ее национальных оснований, защищающей их от размывания как со стороны чужеродных заимствований, так и от девиаций в правовой практике.

2. Обращаясь к анализу вопросов, связанных с обоснованием в свете традиций, идеалов, нашедших отражение в Конституции России, современной социальной и юридической философии российского образования, целесообразно прежде всего обозначить на терминологическом уровне разграничение и взаимосвязь таких аспектов проявления идентичности системы образования, как конституционная, национальная и педагогическая идентичности.

Не претендуя на полноту и завершенность, можно исходить из того, что конституционная идентичность системы образования — объективированная в нормах Конституции РФ и практике их интерпретации Конституционным Судом РФ совокупность сущностных параметров этой системы, проистекающих из национального социокультурного и педагогического наследия и опыта. Данные параметры образуют конституционный минимум содержания образовательной политики, обязательный для всех субъектов правового регулирования в данной сфере и служащий критерием при оценке конституционности принимаемых решений в области образования (включая федеральные государственные образовательные стандарты).

Конституционная идентичность системы образования формирует для нее высший нормативно-ценностный каркас, формализует и взаимоувязывает национальные социокультурные ценности, переводя их в плоскость конституционных императивов, определяющих организационно-структурные, содержательные, предметно-целевые и иные параметры развития системы образования, гарантирует суверенный характер образования, задавая стандарты (фильтры) для международного взаимодействия.

Соответственно, в содержательном плане данная категория имеет комплексное аксиологическое значение и характеризует:

а) отражение в системе образования базовых конституционных идеалов (прежде всего суверенитет России, патриотизм, правда, семья, человеческое достоинство) в их исторически

сложившемся российском понимании и интерпретации, отличных, например, от правовой традиции западного индивидуализма;

б) национальную ценность и предназначение самого по себе образования как государствообразующего института, а не сферы услуг, и его особую публично-правовую миссию, связанную с формированием личности, способной к созиданию и защите государственных устоев;

в) обеспечение посредством системы образования воспроизводства и укрепления воплощенных в конституционном порядке ценностей, их передачу из поколения в поколение.

Тем самым конституционная идентичность образования предстает как своеобразная нормативная субстанция, связывающая национальный дух с правовым порядком и задающая для развития данной сферы смысловые и целевые координаты.

В соотношении с этим национальная идентичность образования выступает как социокультурный и эссенциальный в своей основе феномен (социокультурный субстрат конституционной идентичности), который вбирает в себя совокупность исторически сложившихся и разделяемых в общественном сознании отличительных черт, принципов и смыслов образовательной практики и применительно к которому конституционная идентичность — форма правовой легитимации, институционализации и гарантирования. Признаки, свойства национальной идентичности образования проистекают из культурно-цивилизационного кода, исторического опыта народа, выражаются в неформализованных (естественных) педагогических интуициях, ожиданиях общества, почитаемых эталонах, примерах и «народной дидактике», характеризуются не всегда явно артикулируемыми, но узнаваемыми чертами (например, можно обозначить такие идейно-смысловые представления, как: образование — служение; широта души через широту знаний; поиск истины в контексте совести; связь книжной учености с жизненной мудростью и др.).

В свою очередь, педагогическая идентичность образования — это конкретно-прикладная, методическая и организационная проекция национальной и конституционности идентич-

ности на реальный образовательный процесс и всю практику образовательных отношений. Ее можно раскрывать через такие составляющие (аспекты), как: методологическое ядро (преобладающие педагогические подходы); канонический корпус (набор ключевых текстов, имен, научных школ и педагогических концепций); идеальная модель участников (учитель не только транслятор знаний, но и нравственный авторитет, воспитатель, носитель культурного кода — «сеятель разумного, доброго, вечного»; ученик — не клиент, а «слушатель» и «послушник» в высоком смысле, принимающий знание и традицию, будущий гражданин-созидатель); организационный уклад — принципы построения образовательной среды (дисциплина как основа свободы, коллектив как пространство социализации, иерархия как уважение к опыту и знанию и т.п.).

Конституционная идентичность — не просто формальная оболочка, в которой закрепляется сущность, национальный образ системы образования, а высшее нормативно-смысловое выражение, закрепление национальной и педагогической идентичности этой системы в той мере, в какой параметры этих аспектов идентичности значимы для обустройства, функционирования и развития конституционного правопорядка, существования и прогресса государственно организованного российского народа. В силу своих объективных особенностей как системообразующего источника всего национального правопорядка Конституция РФ не детализирует в прямой текстовой форме все соответствующие сущностные черты системы образования, однако естественным образом (имплицитно) вбирает их из нормативно-ценностных установок российской государственности в ее исторической преемственности. Разумеется, конституционная идентичность образования — не застывшая догма, а динамичная система ценностей, сочетающая историческую преемственность и открытость инновациям.

3. В основе понимания идентичности российского образования лежит его уяснение в присутствующей российской государственности холистской (целостностной) модели мировоззрения, где человек обретает смысл и реализует свободу

не в отрыве, а в тесной связи с народом, а государство выступает главной, решающей социально-созидательной и прогрессивной силой, обеспечивающей устойчивое общественное и нравственное развитие на началах идейно-ценностной преемственности. В сердцевине российской образовательной парадигмы находится не идея освобождения индивида от общества (как высшая ценность и конечная цель на Западе), а идея обретения человеком своей подлинной сущности и свободы через служение народу и государству, и в этом плане образование действует как социальный лифт не для личного успеха, а для нахождения своего места в общем деле. Российское образование в его социально-философской сущности не для карьеры, а для судьбы — личной, которая неотделима от судьбы общей, что постулируется в преамбуле Конституции России через признание соединенности образующих российский народ сограждан общностью судьбы на своей земле. Поэтому кризис или радикальные преобразования системы образования воспринимаются не как техническая проблема, а как угроза цивилизационной субъектности России. Опыт участия России в Болонском процессе, сопряженный с попыткой идентификации национальной системы образования в логике и целеполагании глобализма, с ориентацией на первостепенность академической мобильности и соподчинением этому структурных, содержательных, оценочных элементов системы образования, продемонстрировал не только рискованность, но и бесплодность национально отчужденного образования.

Отмеченное представление о сути российского образования в цивилизационно-историческом плане восходит своими истоками к православной этике с характерной сакрализацией идеи служения (Богу, царю, Отечеству) как высшей формы реализации личности и восприятием знания («просвещения») сквозь призму исполнения предназначения и более совершенного служения (а не обособления и противопоставления автономной личности и критики). В рамках имперского и советского исторических и цивилизационных проектов образование неизменно мыслилось и выступало как

государствообразующий институт, призванный решать, в частности, такие задачи, как: интеграция многонационального народа через единый культурно-образовательный код (русский язык, классическая литература, общая история); мобилизация людей для прорывных задач (от петровской навигацкой школы до советского физтеха); создание «служилого слоя» — не элиты в западном смысле (финансовой аристократии), а просвещенных управленцев, военных, учителей, инженеров, ученых, работающих на государственную мощь страны.

Взгляд на российское образование с философско-педагогических позиций углубляет и обогащает его понимание в холистской парадигме идеями «соборного» единства (не только у славянофилов, но и, по существу, в советской философии), которое через диалог личности с народом, его историей и культурой позволяет человеку раскрыть свой потенциал; представлениями о «народности» (тождественности народному «духу», традициям, ценностям) образования (С. С. Уваров³, К. Д. Ушинский⁴), которое, будучи оторванным от национальной почвы, превращается в «тело без души», обреченное на вырождение; имеющей каноническое значение системой воспитания через коллектив (педагогика А. С. Макаренко), в которой дисциплина выступает не инструментом сдерживания, а условием свободы, понимаемым как умение согласовать личные цели с общими⁵.

В этом плане обращение к действующему конституционному регулированию позволяет увидеть, что образование, в том числе на уровне закрепления как атрибута правового статуса человека, служит основой суверенной российской государственности, призвано формировать гражданина, лояльного конституционному строю (а не абстрактного «гражданина мира»).

Закрепленное в ст. 43 Конституции РФ право на образование необходимо трактовать системно, в неразрывной связи со ст. 1, 2, 7, 13, 67.1, 68, 71 (п. «е»), 72 (п. «е» ч. 1) Конституции РФ.

Такой системно-контекстуальный анализ раскрывает публично-правовую природу данного права, которое гарантировано государством не только как личное благо, но и как конституционный институт реализации национальных целей развития, защиты суверенитета и обеспечения духовно-нравственного единства многонационального народа. В частности, право на получение высшего образования в его понимании, закрепленном в Конституции РФ, воплощает в себе как субъективно-личностную заинтересованность в освоении профессиональных знаний и навыков, необходимых для наиболее полной и успешной самореализации, так и общественную потребность в подготовке таких квалифицированных кадров для реализации целей и задач государства и общества, которые в силу приобретенной квалификации могут быть так или иначе вовлечены в том числе в организационно-управленческую деятельность в рамках своего профессионального профиля, обладают основанным на профессионализме потенциалом общественного (социально-политического) влияния и должны в достаточно высокой степени осознавать общность конституционных идеалов, определяющих государственное и общественное развитие. Целевые и содержательные характеристики права на образование объективно связаны с формированием социальной основы народовластия и, соответственно, должны быть ориентированы публично-политическими ценностями и интересами.

Специфика конкретно-исторического этапа подготовки изначальной редакции Конституции РФ имела сдерживающий эффект для развернутого, акцентированного выражения публичного целеполагания образования. Между тем, например, Саратовский проект Конституции России предусматривал закрепление права на образование (ст. 37) в сочетании с ответственностью Российской Федерации за создание государственной системы народного образования, гарантирующей удовлетворение

³ Уваров С. С. Государственные основы. М. : Институт русской цивилизации, 2014. С. 102–107.

⁴ Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Собрание сочинений : в 11 т. М., 1948. Т. 2 : Педагогические статьи 1857–1861 гг. С. 69–166.

⁵ Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. С. 12.

на общественно необходимом уровне соответствующих важнейших социальных потребностей (ст. 63)⁶.

Конституционная поправка 2020 г. способствовала текстовому раскрытию имплицитно заложенного в Конституцию РФ понимания идентичности образования, непосредственно закрепив неразрывную связь между исторической памятью и правдой, патриотическим воспитанием и системой образования и поставив во главу угла развития системы образования укрепление суверенной государственности России и духовно-нравственного единства народа. Этим ни в коей мере не отрицается и не умаляется личностный аспект предназначения и развития данной системы, но задаются характеристики ценностно-целевых детерминант образования для самой личности. Соответствующие конституционные установления, в частности ст. 67.1 Конституции РФ, носят не декларативный, а конституционно-программирующий характер, создавая прямое нормативное основание для совершенствования законодательства об образовании и правоприменительной практики.

Холистская парадигма российского образования, лежащая в основе его идентичности, подразумевает в более конкретном, практическом плане неразрывную связь воспитания и обучения (цель — не просто информированный специалист, а нравственный гражданин-патриот); фундаментальность как основа (чтобы служить долгосрочным целям государства, а не сиюминутным запросам рынка, образование должно давать универсальное, системное мышление, а не узкие навыки); социальный заказ вместо рыночного спроса (государство определяет приоритетные направления подготовки, исходя из стратегических задач развития, а не из коммерческой выгоды вузов); педагог как государственная фигура (педагог — не «менеджер образовательного процесса», а, по существу, представитель государства в деле формирования новых поколений, носитель авторитета и ценностей).

4. Важнейшая, системообразующая педагогическая черта идентичности российского

образования — его фундаментальность. Хотя в последнее время лексикон развития нашего образования неизменно включает эту категорию, она используется в столь разных значениях и контекстах (включая постановку вопроса об обосновании «новой фундаментальности»), что не создает взаимопонимания.

С конституционно-правовой точки зрения принцип фундаментальности образования вытекает из конституционной обязанности государства, объединенного тысячелетней историей и связанного ответственностью перед будущими поколениями, обеспечивать не сиюминутные рыночные потребности, а долгосрочные стратегические интересы национального развития и безопасности. При этом конституционное понимание фундаментальности не может быть отделено от уяснения социально-педагогической сущности этого принципа.

Фундаментальность, строго говоря, — не одно из слагаемых, а сквозное начало, квинт-эссенция нашего образования, охватывающее и определяющее все его элементы, включая воспитание; не часть системы ценностей, а метачценность, определяющая все другие ценности. Речь идет об ориентации всей системы образования, начиная с дошкольного, на формирование такой системы мышления и воспитания, которая позволяет: понимать мир как целостность, а не как набор разрозненных фактов; самостоятельно выявлять причинно-следственные связи и закономерности; отличать существенное от второстепенного, принцип — от его частного проявления; обладать интеллектуальным иммунитетом к манипуляциям и поверхностным суждениям; иметь интеллектуальный запас прочности для освоения новых навыков и технологий и адаптации к непредсказуемым изменениям.

Можно выделить следующие структурные компоненты фундаментальности:

1) мировоззренческий: формирование научной, историко-культурной, философской картины мира, понимание места человека в природе и обществе;

2) методологический: овладение универсальными принципами и методами познания;

⁶ Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М., 2006.

3) языковой, знаково-символический: свободное владение «языками» разных наук как инструментами описания и преобразования реальности;

4) ценностно-смысловой: связь знания с этическими и гражданскими ценностями, понимание ответственности за применение знаний;

5) психологический: развитие познавательных способностей (наблюдательность, воображение, память, воля к преодолению интеллектуальных трудностей).

Заблуждение считать, что фундаментальность — атрибут только высшего образования. Цельность миропонимания, позволяющая схватывать системные межпредметные связи процессов и явлений, формируется в своей основе именно в школьном образовании. «Важная задача школы — воспитать человека пытливой, творческой, ищущей мысли. Я представляю себе детские годы как школу мышления, а учителя — как человека, заботливо формирующего организм и духовный мир своих воспитанников»⁷. На этом уровне фундаментальность образования связана прежде всего с развитием таких личностных качеств, как наблюдательность, пытливость, внимание, смекалка, трудолюбие. Достигать такого развития, как заметил Д. И. Менделеев, с древних времен считали проще и легче всего через число и слово, поскольку «слово само по себе, как число, есть абстракт, отвлечение от мелочи окружающего, и в образовательном отношении изучение языка по своему влиянию на развитие сознательности имеет такое же значение, как математика, ибо, с одной стороны, представляет отчетливую реальность действительности, а с другой стороны, явное отвлечение от нее и углубление в самого себя, что и нужно для развития сознательности»⁸. Кстати, то же в известной степени относится и к музыке, в которой ноты как единицы особого рода языка создают абстрактно-символические ряды, соединяющие отвлеченно-идеальное и данное в непосредственном ощущении.

Вуз сейчас вынужден компенсировать просчеты и дефициты школьного образования, а

призван прежде всего обеспечивать наращивание, усложнение и профессиональную специализацию заложенного в школе потенциала. В этом плане трудно переоценить важность соотнесения и преемственности школьных и вузовских программ, в том числе с участием Российской академии наук и Российской академии образования (не только через экспертизу, но и через подготовку школьных учебников).

Нужно подчеркнуть: фундаментальность как первооснова образования несводима к некоему определенному набору дисциплин и компетенций, не может отождествляться с так называемым ядром высшего образования (если речь идет о единых требованиях к минимальному, базовому обязательному объему содержания образовательной программы высшего образования). Сама концепция ядра высшего образования требует сдержанной оценки, намечая, пусть произвольно, небезобидное разделение в высшем образовании основного, главного, важного и вторичного, периферийного, несущественного.

Фундаментальность нередко ставят в ложную коллизию с так называемой практикоориентированностью. На деле без фундаментального понимания (мышления и мировоззрения, включая понимание нравственных границ рационально возможного) практические навыки рефлекторны, лишены силы устойчивого роста. Практичность (узкоутилитарность) образования выгодна инерционной экономике, фундаментальность образования позволяет созидать экономику будущего. Именно фундаментальность образования дает человеку (а в итоге обществу в целом) уверенность и необходимый потенциал для формирования новых решений в условиях неопределенности, поскольку состоит не в увеличении объема знаний (которые устаревают), а в определенном качестве мышления, основанном на понимании принципов, а не заучивании следствий.

В логике фундаментальности требует критической оценки так называемый компетентностный подход, который безотносительно к его истокам, исходному смыслу в современных ре-

⁷ Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения : в 3 т. М. : Педагогика, 1979. Т. 1. С. 147.

⁸ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1903–1905. С. 251.

лиях стал жертвой редукционистской трактовки, воспринимается как символ утилитарного, рыночного мышления, произвольных чужеродных заимствований, идущих вразрез с национальной идентичностью. Сама сущность компетентностного подхода состоит в ориентации на практическое применение знаний, навыков и личностных качеств для успешной деятельности, что остается объективной потребностью, однако такая ориентация не может превращаться в самоцель, должна быть выражением, социально-функциональным следствием фундаментальности. В этом плане представляется важным поставить вопрос о поиске адекватного терминологического и содержательного эквивалента термина «компетенция», который был бы укорен в российской интеллектуальной и педагогической традиции, свободен от негативных коннотаций, правильно описывал суть, значение того, что сейчас вкладывается в представление о компетенциях, в системе фундаментальной профессиональной подготовки кадров. В качестве такого термина, нуждающегося в соответствующем легальном закреплении, можно предположить термин «готовность» (например, «готовность к проектной деятельности», «готовность к моральному выбору в профессиональной сфере», «готовность к непрерывному образованию»). Готовность — емкий термин, широко востребованный в советской педагогике и ставший ключевым в теории формирования советского человека («готов к труду и обороне»), отражает интегральное состояние личности, включающее знания, умения, мотивацию и психологическую установку на выполнение деятельности (не сам по себе навык, а внутренняя мобилизация). Готовность характеризует результат образования как сформированное качество личности.

Российское образование, верное традициям, всегда строилось на связи обучения и воспитания с жизнью, общественным и государственным прогрессом. Однако жизненность образования — не то же, что практицизм. Жизненная ценность знаний не сиюминутна. В обсуждениях усиления практической ориентации современного образования, прежде всего профессионального, слышна идея экономикоцентризма, подчиненности системы образования потреб-

ностям экономики. Но образование — не сервисно-кадровый довесок экономики, а государствообразующий институт, посредством которого в конечном итоге обеспечивается реализация всех функций и задач государства. Образование, развернутое в перспективу, должно не воспроизводить существующую экономику, а формировать тех, кто формирует экономику развития государства и общества.

Правовая модель ориентации высшего образования на потребности работодателей в современных условиях затрагивает вопрос не просто об эффективности, а о цивилизационном выборе. Данная модель, заимствованная из либерально-рыночной парадигмы, несет в себе стратегические уязвимости ввиду по крайней мере таких факторов, как: краткосрочный горизонт формирования запроса (текущие, а не перспективные задачи), редукция содержания (запрос зачастую сводится к узким, быстро устаревающим навыкам, а не к формированию системного мышления, креативности, исследовательской культуры), корпоративный эгоизм (интересы конкретной компании не тождественны национальным интересам), перманентное отставание (не создается кадровый задел для экономики завтрашнего дня). В существующих геостратегических реалиях данный подход тем более опасен риском утраты способности к технологическим «большим скачкам», поскольку прорывные проекты требуют государственной организации и воли.

Говоря о жизненности российского образования, невозможно обойти вниманием его технологическое усовершенствование, прежде всего с учетом технологий искусственного интеллекта. Нейтральная, выжидательная позиция слаба и бесперспективна. Вопрос о том, быть или не быть искусственному интеллекту в нашем образовании, не стоит и не может всерьез обсуждаться. Но вопрос оснований, условий, пределов применения искусственного интеллекта принципиальный, требует скорейшего разрешения. При этом нужно четко понимать, что искусственный интеллект сам по себе не является и не может быть признан (независимо от уровня освоения) ценностью нашей модели образования, является исключительно важным, но

всё же только инструментом (технологическим средством) реализации образовательных задач. Этим не исключается, что сформированные в парадигме национальной идентичности российского образования модели искусственного интеллекта, востребованные в системе образования, могут (и, очевидно, должны) служить выражением, средством реализации и развития данной идентичности.

Не надо бежать от реальности. Но нужно четко определить и формализовать риски, обеспечить понятность, прозрачность, подконтрольность применения соответствующих технологий и логики принимаемых решений, учесть специфику рационализированной (алгоритмизированной) «этики». Готовы ли мы доверить алгоритмам выбор траектории обучения и карьеры? Осознаем ли риски перехода в итоге к проактивной позиции в решении соответствующих вопросов? Наследие, традиции российской модели образования, образующие ее идентичность, позволяют найти обоснованные ответы.

5. Обобщая сказанное, можно заключить, что развитие национальной системы образования представляет собой не просто административную или педагогическую задачу, а конституционный императив, непосредственно связанный с сохранением суверенитета, исторической преемственности и цивилизационной субъектности России. Проведенный анализ позволяет утверждать, что российская образовательная модель обладает уникальной идентичностью, которая формируется на стыке трех взаимосвязанных уровней: национально-культурного (исторически сложившаяся система ценностей и педагогических интуиций), педагогического (методы, каноны, организационный уклад) и, что наиболее важно, конституционно-правового. Именно конституционный уровень придает образовательной идентичности нормативную силу и легитимность, трансформируя культурные и педагогические установки в обязательные для государства и общества правовые принципы. Конституция РФ, особенно в свете поправки 2020 г., закрепляет образование как ключевой публично-правовой институт, предназначенный не только для передачи знаний, но и для форми-

рования гражданина, лояльного основам конституционного строя, разделяющего ценности патриотизма, исторической правды и общности судьбы российского народа.

Фундаментальность как системообразующая черта этой идентичности противостоит редуционистским тенденциям утилитаризма и рыночного подхода, утверждая приоритет целостного мировоззрения и системного мышления над узкими навыками, позволяет обеспечить не только подготовку специалистов, но и воспитание личности, способной к созиданию, нравственному выбору и ответственному служению общественным и государственным интересам.

В современных условиях глобальных вызовов и технологических трансформаций, особенно с распространением искусственного интеллекта, защита и развитие конституционной идентичности образования становятся стратегической задачей национальной безопасности, что требует не пассивного сохранения традиций, а их активной правовой институционализации.

В этой связи дальнейшее совершенствование образовательной политики и законодательства должно быть направлено на последовательное раскрытие конституционных основ национальной идентичности системы образования в законодательстве и правоприменительной практике (закрепление принципа фундаментальности образования, приоритета государственного стратегического заказа в подготовке кадров и др.), на разработку и внедрение «конституционных фильтров» для образовательных инноваций и возможной имплементации зарубежного опыта, создание механизмов защиты педагогического корпуса как носителя конституционных ценностей и национального культурного кода, формирование отечественных технологических решений (включая платформы на основе искусственного интеллекта), которые не будут нейтральными инструментами, а станут проводниками и усилителями именно российской образовательной парадигмы, основанной на холистском подходе и связи знания с нравственностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. — СПб. : Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. — 352 с.
2. Идентичность : Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов. — М. : Весь мир, 2023. — 512 с.
3. Кабышев В. Т. Саратовский проект Конституции России. — М. : Формула права, 2006. — 64 с.
4. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 1. — М. : Педагогика, 1983. — 368 с.
5. Менделеев Д. И. Заветные мысли. — СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1903–1905. — 428 с.
6. Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения : в 3 т. Т. 1. — М. : Педагогика, 1979. — 560 с.
7. Уваров С. С. Государственные основы. — М. : Институт русской цивилизации, 2014. — 608 с.
8. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Педагогические статьи 1857–1861 гг. — Москва — Л. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1948. — 656 с.

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zorkin V. D. Lektsii o prave i gosudarstve. — SPb.: Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii, 2024. — 352 s.
2. Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya / отв. red. I. S. Semenenko. — M.: Ves mir, 2023. — 512 s.
3. Kabyshev V. T. Saratovskiy proekt Konstitutsii Rossii. — M.: Formula prava, 2006. — 64 s.
4. Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 1. — M.: Pedagogika, 1983. — 368 s.
5. Mendeleev D. I. Zavetnye mysli. — SPb.: Tipo-lit. M. P. Frolovoy, 1903–1905. — 428 s.
6. Sukhomlinskiy V. A. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 3 t. T. 1. — M.: Pedagogika, 1979. — 560 s.
7. Uvarov S. S. Gosudarstvennye osnovy. — M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2014. — 608 s.
8. Ushinskiy K. D. Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 2: Pedagogicheskie stati 1857–1861 gg. — Moskva — L.: Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1948. — 656 s.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.022-029

Т. Г. Минеева*,
Н. С. Щерова**

Юридические общества дореволюционной России и развитие отечественной журналистики

Аннотация. В функционировании юридических обществ дореволюционной России можно выделить несколько направлений, в числе которых самостоятельное место занимало развитие науки и образования. Решение данной задачи было связано, в частности, с публикационной деятельностью, которая выражалась как в выпуске отдельных работ по правоведению, так и в создании юридической печатной периодики. Во второй половине XIX в. появились «Юридический вестник» и «Журнал гражданского и уголовного права» (позже — «Вестник права») как журналы юридических обществ Москвы и Санкт-Петербурга. Кроме того, ряд периодических изданий размещали материалы о деятельности профессиональных объединений юристов. В ходе исследования была рассмотрена тематика опубликованных текстов, авторский и редакторский коллективы, читательская аудитория. Отдельное внимание обращено на личные впечатления редактора одного из журналов, что позволяет составить представление об особенностях работы редакций юридических журналов.

Ключевые слова: право; журналистика; юридическая наука; история государства; история права; юридические общества; Московское юридическое общество; Санкт-Петербургское юридическое общество; Кавказское юридическое общество; юридические журналы XIX в.

Для цитирования: Минеева Т. Г., Щерова Н. С. Юридические общества дореволюционной России и развитие отечественной журналистики // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 22–29. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.022-029

© Минеева Т. Г., Щерова Н. С., 2026

* *Минеева Татьяна Германовна*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Гагарина просп., д. 23, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603950
t.mineeva@yandex.ru

** *Щерова Наталья Сергеевна*, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Гагарина просп., д. 23, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603950
natalya.scherova@yandex.ru

Legal Societies in Pre-Revolutionary Russia and the Development of Russian Journalism

Tatyana G. Mineeva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of the Theory and History of the State and Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
t.mineeva@yandex.ru

Natalia S. Shcherova, Lecturer, Department of the Theory and History of the State and Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
natalya.scherova@yandex.ru

Abstract. In pre-revolutionary Russia, the activities of legal societies encompassed several areas, and the development of legal scholarship and education held an independent and important place. The pursuit of this objective was associated, *inter alia*, with publishing activities, manifested both in the issuance of individual works on jurisprudence and in the establishment of legal periodical press. In the second half of the nineteenth century, *Yuridicheskii Vestnik (Legal Herald)* and *the Journal of Civil and Criminal Law (later renamed Vestnik Prava — Herald of Law)* emerged as journals of the legal societies of Moscow and St. Petersburg. There also existed a number of periodical publications that featured materials on the activities of professional associations of jurists. In the course of the present study, the author examined the thematic scope of the published texts, the composition of authors and editorial boards, and the readership. Particular attention is devoted to the personal impressions of the editor of one of these journals, which makes it possible to gain insight into the specific features of the editorial work of legal journals.

Keywords: law; journalism; legal science; state history; history of law; law societies; Moscow Law Society; St. Petersburg Law Society; Caucasian Law Society; law journals in of the 19th century

Cite as: Mineeva TG, Shcherova NS. Legal Societies in Pre-Revolutionary Russia and the Development of Russian Journalism. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):22-29. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.022-029

Юридические общества как профессиональные объединения возникают в России с 1860-х гг. и принимают активное участие в разработке отечественной правовой науки и практики. Результаты деятельности общества публиковали как в научных трудах, издаваемых отдельными книгами, так и в периодической печати. В качестве примера научных работ можно привести «Труды Одесского юридического общества» (1880–1892), «Труды юридического общества, состоящего при Казанском университете» (1901–1905) и др.

Расцвет юридической журналистики наблюдался во второй половине XIX в., что было связано в первую очередь с проводимыми реформами в области периодической печати, развитием научного сообщества юристов.

Издание юридических специализированных журналов в 1880-е гг. было достаточно редким делом. Прежде всего для выпуска подобного

журнала требовалось научное сообщество или хотя бы значительно число образованных людей, заинтересованных в нем. Проще было издавать журнал там, где ранее было создано юридическое общество при университете. Примером этого являлись Московское и Санкт-Петербургское юридические общества, соответственно, издававшие свои юридические журналы. «Юридическая летопись» была основана частным лицом, профессором юридического факультета Санкт-Петербургского университета Н. Д. Сергеевским. Однако журнал прекратил существование на третий год, поскольку издатель испытывал недостаток денежных средств. По-видимому, 700 подписчиков не гарантировали финансовое благополучие журнала при отсутствии крупных спонсоров. В библиотечных хранилищах находятся тома и выпуски «Юридической летописи» по № 8/9 второго тома за 1892 г. включительно. На № 12 за 1892 г. изда-

ние было прекращено. Среди постоянных авторов этого журнала можно отметить Н. М. Коркунова, Н. Ф. Дерюжинского, Г. Ф. Шершеневича и др. В нем публиковались исследования, затрагивавшие вопросы гражданского права, например принцип гражданской ответственности за причинение вреда, реформу судебных органов в различных регионах Российской империи, обзоры судебной хроники, в частности по применению закона о наказаниях за обнаружение государственных тайн¹.

Московское юридическое общество издавало «Юридический вестник», который пользовался достаточно большой известностью среди ученой публики, 1 100 подписчиков говорят об интересе к журналу членов научного сообщества². Лицом «Юридического вестника» был С. А. Муромцев, профессиональная карьера которого оказалась тесно связанной с судьбой журнала. В нем печатали исследования М. М. Ковалевский, Н. В. Калачов, А. М. Фальковский и др. Часто темы публикаций были злободневными и включали критику Судебных уставов 1864 г., разбор спорных вопросов уголовного и гражданского права, критические заметки по поводу опубликованных за рубежом сочинений о российской истории и праве³. Выпуск статей, затрагивавших острые вопросы пореформенной России, такие как развитие органов местного самоуправления, крестьянский и рабочий вопросы, вызывал определенное беспокойство у Министерства внутренних дел, что выразилось в надзоре за деятельностью журнала и привело в конечном итоге к его закрытию⁴. Московское юридическое общество с целью избежать предварительной цензуры для полемических и социально острых статей выбрало другой способ заниматься публикационной деятельностью. Более удобной для предотвращения столкновений с цензурой была

признана политика издания сборников трудов членов общества и протоколов его заседаний. До закрытия научного общества в 1899 г. было издано восемь сборников, хотя Главное управление по делам печати продолжало проявлять интерес к их содержанию.

«Журнал гражданского и уголовного права» под редакцией Н. Ф. Деппа и В. М. Володимирова, имевший 700 подписчиков, оставался печатным органом Санкт-Петербургского научного общества. У журнала была достаточно длинная история. В 1879 г. юридическому обществу его передали тогдашние редакторы Н. С. Таганцев и А. А. Книрим. Его существование продолжалось, несмотря на смену названия с «Журнала гражданского и торгового права» на «Журнал гражданского и уголовного права». Специализацией долгое время были вопросы частного права, обзоры деятельности судов и анализ законодательства. Теоретических статей по праву почти не печаталось. В 1894 г. после прихода нового редактора, профессора В. Н. Латкина, название изменилось на «Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете». Однако у нового издания не получилось привлечь большого числа читателей. По свидетельству Г. Б. Слиозберга, редактора журнала с 1899 г., число подписчиков в 1890-х гг. неуклонно сокращалось, как и количество публикуемых статей⁵.

Г. Б. Слиозберг оставил довольно точное описание четырех лет, когда он был редактором журнала. Произошла еще одна смена названия: с 1899 г. он стал именоваться «Вестник права». Г. Б. Слиозберг в воспоминаниях упоминает, что его обязанности редактора были тяжелыми, поскольку ему приходилось не только редактировать, но и писать статьи по самым разным вопросам. По его рассказам создается впечатление, что ученых-юристов совсем не

¹ Юридическая летопись. 1892. Т. 2. № 7.

² Юридический вестник // URL: http://az.lib.ru/w/wodowozow_w_w/text_1904_yuridicheskij_vestnik.shtml?ysclid=mgxtnydgcp717938581 (дата обращения: 15.10.2025).

³ Юридическая вестник. 1867–1868. Кн. 7.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1226 «О подчинении журнала «Юридический вестник» просмотру предварительной цензуры». Л. 1–5 об.

⁵ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 1. С. 3.

интересовало издание специализированного журнала. Представляется, что Г. Б. Слиозберг уделял больше внимания Союзу для достижения полноправия еврейского народа в России, одним из учредителей которого являлся. Работа в качестве помощника присяжного поверенного, консультации по правовым вопросам оставляли ему мало времени на редактирование журнала. Сам он писал, что от периода 1899–1903 гг. у него остались дурные воспоминания. По его словам, «недостаток читателей, но еще больше недостаток продуктивной юридической мысли не давали возможности создать юридический журнал»⁶.

Косвенным свидетельством небольшой популярности специализированных юридических журналов может служить статистика заказов в Харьковской городской библиотеке за 1901–1902 гг. Упомянутый «Вестник права» и другие юридические журналы намного меньше интересовали читателей, чем «Русское богатство», «Мир Божий», «Вестник Европы» и другие периодические издания общего направления. При этом специализированные научные журналы по истории, образованию или науке пользовались популярностью у читателей. Таковыми были «Образование», «Вестник всемирной истории», «Исторический вестник» и др. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что представители государственно-правовой школы не публиковались в специализированных юридических журналах, хотя были членами юридических обществ. Так, Б. Н. Чичерин выпустил ряд статей в «Журнале русского физико-химического общества», К. Д. Кавелин — в «Современнике», «Голосе», «Отечественных записках» и «Вестнике Европы». А. Д. Градовский в молодости имел опыт редакторской работы в «Харьковских губернских ведомостях», затем предпочитал «Судебный вестник» и газету «Голос».

Возвращаясь к читательским запросам в Харьковской городской библиотеке, отметим, что юридические журналы в статистике запра-

шиваемых журналов за 1901–1902 гг. не фигурировали (доля каждого из них не превышала 0,1 % от общего числа запрашиваемых журналов)⁷.

Г. Б. Слиозберг в мемуарах сетовал на недостаточность научных исследований по юриспруденции, хотя и считал профессиональный уровень профессоров юридических факультетов университетов высоким. Возможно, он справедливо указывал на то обстоятельство, что практикующие юристы после окончания университета не обращались к научной периодике, не читали и тем более не писали статей. Печально дело обстояло с повышением квалификации российских юристов, поскольку осуществляли они его только в ходе профессиональной деятельности, а не на кафедрах университетов, и опять же не знакомились с последними достижениями научной юридической мысли. Даже рекомендации, исходящие из обобщения судебной практики, были достаточно скудными. Среди практикующих юристов «можно было по пальцам одной руки пересчитать тех, кто мог бы активно сотрудничать в специализированном юридическом журнале». Г. Б. Слиозберг говорил, что его огорчает «отсутствие научной мысли», особенно среди специалистов по гражданскому праву. Он затруднился бы назвать профессоров гражданского права в университетах Казани, Харькова, Одессы и Киева.

Проблему составляло также финансовое положение юридических журналов. Члены Санкт-Петербургского юридического общества, вносящие взносы в кассу «Вестника права», получали журнал, оплачивая лишь его себестоимость. Доходы от подписки были небольшими и не покрывали расходы на членские взносы, хотя журнал получал своего рода государственную субсидию, поскольку печатался бесплатно в типографии Правительствующего сената⁸.

Уменьшение интереса к «Вестнику права» продолжалось в 1904–1906 гг. Пришедшие к руководству журналом М. М. Винавер, В. М. Гес-

⁶ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Т. 1. С. 18.

⁷ Отчет Харьковской общественной библиотеки за 16-й год ее существования (с 1 октября 1901 г. по 1 октября 1902 г.) и ее Филиального отделения за 2-й год его существования. Харьков, 1902. С. 24.

⁸ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1934. Т. 3. С. 12.

сен, В. Д. Набоков, И. А. Покровский и К. К. Арсеньев не смогли увеличить его насыщенность интересными статьями. К. К. Арсеньев, староста коллектива, его моральный, научный и профессиональный руководитель в одном лице, бывший воспитанник Императорского училища правоведения, бывший чиновник Министерства юстиции, современник судебной реформы 1864 г., один из лидеров петербургской адвокатуры, в публицистике соединял либеральные взгляды западника и интерес к русской государственности и быту. Возглавляемая им редакционная группа пришла к власти в период нарастания освободительного движения, т.е. объединения сторонников конституционного строя и либеральной правовой культуры, среди которых были юристы, а также другие специалисты и некоторые выборные представители земств.

В январе 1904 г. новая редакция «Вестника права» заявила, что она смещает акцент на политические проблемы современности. Ударение было поставлено на вопросах публичного права: «в широком смысле слова особенно нуждаются в разъяснениях, которые может дать юридический орган, издаваемый ученым обществом. Эти вопросы теперь привлекают внимание общественного мнения, к ним относится подавляющее большинство законодательных актов, и они определяют ход нашей общественной жизни»⁹. Редакция также сообщила о том, что испытывает интерес к расширению направленности публикаций, рассчитывая «привлечь к юридическим вопросам не только внимание юристов-профессионалов, но и все круги ответственности, которые с полным знанием дела смотрят на явления нашей общественной и юридической жизни».

Впрочем, проблемы журнала усугублялись. В результате редакция «Вестника права» обратилась к совету общества с извещением о том, что необходимо изменить формат журнала и график выхода номеров: «интерес к текущим событиям в значительной степени отвлекает

внимание писателей и читателей от ежемесячных изданий к ежедневным». Совет одобрил предложение о переходе на ежеквартальный график. Однако последним ударом стал отказ министра юстиции возобновить бесплатное печатание журнала в типографии министерства. Члены редакции заявили о несогласии, аргументировав свою позицию тем, что «стране более чем когда-либо необходим независимый орган, занимающийся научным анализом огромного законодательного материала, который должен был появиться в результате деятельности народного представительства»¹⁰. Тем не менее журнал, просуществовавший 36 лет, был вынужден прекратить работу.

Научные общества в провинции имели еще меньше возможностей для издания специализированного юридического журнала. За пределами Москвы и Санкт-Петербурга единственный такой журнал, существовавший в 1900 г., был связан не с каким-либо научным обществом, а с Демидовским юридическим лицеем в Ярославле и назывался «Временник Демидовского юридического лицея». С 1886 г. при нем существовало приложение «Юридическая библиография», где печатались не только библиографические сведения и обзоры, но и определенные нормативные акты. В 1896 г. там был опубликован устав Ярославского юридического общества.

Еще одной возможностью для публикации работ юристов были периодические издания университетов, в которых преподавали отдельные представители научных обществ. В Тифлисе Кавказское юридическое общество, важнейшее из внеуниверситетских, не имело средств для выпуска трудов своих членов¹¹. А когда осуществлялись отдельные издания, их распространение оставалось скромным.

Для публикации протоколов, отдельных научных статей члены провинциальных внеуниверситетских юридических обществ были вынуждены обращаться в журналы Санкт-Петербургского или Московского научных обществ. Однако после закрытия этих журналов они мог-

⁹ От редакции // Вестник права. 1904. № 1. С. 1.

¹⁰ От редакции // Вестник права. 1906. № 4. С. I–III.

¹¹ Краткий обзор деятельности Кавказского юридического общества за 1873–1898 годы. Тифлис, 1898. С. 17.

ли рассчитывать только на редкие юридические периодические издания, выходявшие в конце 1890-х гг. Одним из них был «Журнал Министерства юстиции», появление которого в 1859 г. было отмечено современниками: «можно было надеяться, что специальный журнал этот хотя бы в общих чертах ответит на те вопросы, которыми так сильно занято общество, и тем укажет положительный взгляд, которым бы ученые-юристы наши могли руководствоваться в посильных трудах своих»¹². После перерыва это издание было возрождено министром юстиции Муравьевым в 1894 г. с целью побудить мировых судей и чиновников министерства также обратиться к науке. Руководимый сначала профессором Н. Д. Сергеевским, а затем В. Ф. Дерюжинским журнал финансировался из казны и поэтому не подвергался тем же ограничениям, что и частные.

«Журнал Министерства юстиции» не был связан ни с одним из юридических обществ, однако на своих страницах иногда обращался к их деятельности. В связи с этим интересна публикация, напечатанная в одной из книг издания в 1899 г., в которой среди нескольких юридических обществ было указано Харьковское (сообщение об этом было перепечатано из газеты «Приднепровский край»). Однако в последующем номере редакция опубликовала заметку С. Ризникова, в которой автор пишет, что учреждение подобного общества находится лишь на стадии пожеланий, однако «само появление в печати известий о протоколах такого общества... свидетельствует, что вне Харькова не сомневаются, что в этом городе уже в прошлом году могло действовать юридическое общество, тогда как в Харькове еще и теперь сомневаются в возможности учредить такое общество»¹³. И уже в следующем году, 1900-м, последовало открытие при местном университете нового юридического общества — Харьковского.

Провинциальные юридические общества обращались также в редакцию независимой

еженедельной газеты «Право», издававшейся в Санкт-Петербурге в конце 1898 г. На ее страницах освещалась деятельность не только научных обществ, но и общественных организаций, которые занимались правозащитной или юридической деятельностью. Например, из номера 2 за 1902 г. можно было узнать о содержании, итогах и значении Петербургского конгресса Международного союза криминалистов¹⁴.

Следует отметить, что на рубеже веков одновременно с журналами приобретают популярность газеты как самостоятельный тип издания, способный оперативно передавать информацию. Поэтому, помимо вышеуказанной газеты «Право», в это время выходили «Юридическая газета», «Судебная газета», «Юрист».

Несмотря на постепенное увеличение количества юридических обществ (к началу XX в. они существовали в Казани, Киеве, Курске, Харькове, Ярославле и других городах), они сталкивались с определенными проблемами, препятствовавшими их активной работе. В числе таких трудностей можно назвать небольшое количество юристов, отсутствие специальных юридических образовательных учреждений. Не во всех городах местное население знало о существовании подобных организаций, что также не способствовало развитию их деятельности.

Как было отмечено выше, в состав редакционных и авторских коллективов юридических журналов входили как известные правоведаы в области теории государства и права, так и юристы-практики, многие из которых сотрудничали с различными периодическими изданиями. В таблице представлена информация по авторам и наиболее распространенным среди читателей журналам (см. таблицу).

Скромная известность юридических журналов не исключает того, что отдельные видные, авторитетные деятели права предоставляли свои статьи для публикации в них. Однако даже в ходе первой русской революции 1905–1906 гг. они не могли хоть как-то влиять на общественное мнени-

¹² Кн. Д. О. По поводу издания журнала Министерства юстиции // Юридические записки. 1860. Т. 4. С. 193.

¹³ Ризников С. О протоколах Харьковского юридического общества // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 4. С. 256.

¹⁴ Краснослободцев К. А. Деятельность специализированных периодических правовых изданий и развитие

Периодическое издание	Редакторы и авторы
«Временник Демидовского юридического лица»	Л. С. Белогриц-Котляревский, М. Ф. Владимирский-Буданов, П. Л. Карасевич, Н. Д. Сергеевский, Д. Г. Тальберг и др.
«Журнал гражданского и уголовного права», «Вестник права»	А. С. Алексеев, Н. М. Коркунов, М. К. Лемке, Е. Н. Тарновский, Г. Ф. Шершеневич и др.
«Журнал Министерства юстиции»	Н. Д. Сергеевский, Е. Н. Тарновский, И. Я. Фойницкий, А. П. Чебышев-Дмитриев и др.
«Юридический вестник»	А. С. Алексеев, Г. А. Джаншиев, Н. В. Калачов, П. Л. Карасевич, М. М. Ковалевский, В. Н. Лешков, С. А. Муромцев, Е. Н. Тарновский, И. Я. Фойницкий, А. М. Фальковский и др.

ние или формировать определенные политические взгляды. Даже их профессиональное видение ситуации было недоступно для большей части участников политических событий. В лучшем случае их идеи были известны практикующим юристам. Примечательно мнение, высказанное в отношении небольшого количества читателей журнала «Юридический вестник»: «такое скудное внимание к журналу юристов-практиков объясняется тем, что они не находят в нем ничего интересного для себя, т.к. журнал предпочитает печатать статьи, годные для профессоров, а не для практиков»¹⁵. Не только для юристов Москвы и Санкт-Петербурга, но и для провинциальных юристов-практиков, представлявших основную массу адвокатов и судебных чиновников, исследования и публикации ученых-юристов оставались вне досягаемости, не говоря уже обо всех непрофессиональных «хранителях закона».

В дальнейшем публикационная деятельность юридических журналов осложнилась еще

больше. Юридические дебаты в значительной степени переместились на две новые площадки в России: с одной стороны, в новый институт власти — Государственную думу, с другой — в мейнстримную прессу после отмены системы предварительной цензуры, несмотря на сохранявшиеся ограничения. Санкт-Петербургскому юридическому обществу не удалось возродить журнал, достойный своего названия — «Вестник права», после 1906 г. Сначала оно достигло соглашения с «Журналом Министерства юстиции», который печатал протоколы его заседаний, но эта договоренность оказалась недолгой. Затем общество стало размещать протоколы своих заседаний в отдельных сборниках. «Журнал Министерства юстиции» прекратил публиковать информацию о юридических обществах и фактически завершил научную публикационную деятельность. Активную консультационную работу по юридическим вопросам продолжала вести только газета «Право».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кн. Д. О.* По поводу издания журнала Министерства юстиции // Юридические записки. — 1860. — Т. 4. — С. 192–236.
2. *Краснослободцев К. А.* Деятельность специализированных периодических правовых изданий и развитие конституционно-правовой мысли в Российской империи на примере еженедельной юридической газеты «Право» // Актуальные проблемы государства и права. — 2017. — Т. 1. — № 2. — С. 14–23.

конституционно-правовой мысли в Российской империи на примере еженедельной юридической газеты «Право» // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 2. С. 17.

¹⁵ *Z.* Наши юридические журналы в 1883 году // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 3. С. 136–137.

3. Краткий обзор деятельности Кавказского юридического общества за 1873–1898 годы. — Тифлис, 1898. — 18 с.
4. От редакции // Вестник права. — 1904. — № 1. — С. 1–4.
5. От редакции // Вестник права. — 1906. — № 4. — С. I–III.
6. Отчет Харьковской общественной библиотеки за 16-й год ее существования (с 1 октября 1901 г. по 1 октября 1902 г.) и ее Филиального отделения за 2-й год его существования. — Харьков, 1902. — 86 с.
7. Ризников С. О протоколах Харьковского юридического общества // Журнал Министерства юстиции. — 1899. — № 4. — С. 255–256.
8. Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 1. — Париж, 1933. — 304 с.
9. Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 3. — Париж, 1934. — 387 с.
10. Z. Наши юридические журналы в 1883 году // Журнал гражданского и уголовного права. — 1884. — Кн. 3. — С. 127–142.

Материал поступил в редакцию 11 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kn. D. O. Po povodu izdaniya zhurnala Ministerstva yustitsii // Yuridicheskie zapiski. — 1860. — Т. 4. — С. 192–236.
2. Krasnoslobodtsev K. A. Deyatelnost spetsializirovannykh periodicheskikh pravovykh izdaniy i razvitie konstitutsionno-pravovoy mysli v Rossiyskom imperii na primere ezhenedelnoy yuridicheskoy gazety «Pravo» // Aktualnye problemy gosudarstva i prava. — 2017. — Т. 1. — № 2. — С. 14–23.
3. Kratkiy obzor deyatelnosti Kavkazskogo yuridicheskogo obshchestva za 1873–1898 gody. — Tiflis, 1898. — 18 s.
4. Ot redaktsii // Vestnik prava. — 1904. — № 1. — S. 1–4.
5. Ot redaktsii // Vestnik prava. — 1906. — № 4. — S. I–III.
6. Otchet Kharkovskoy obshchestvennoy biblioteki za 16-y god ee sushchestvovaniya (s 1 oktyabrya 1901 g. po 1 oktyabrya 1902 g.) i ee Filialnogo otdeleniya za 2-y god ego sushchestvovaniya. — Kharkov, 1902. — 86 s.
7. Riznikov S. O protokolakh Kharkovskogo yuridicheskogo obshchestva // Zhurnal Ministerstva yustitsii. — 1899. — № 4. — S. 255–256.
8. Sliozberg G. B. Dela minuvshikh dney. Zapiski russkogo evreya. T. 1. — Parizh, 1933. — 304 s.
9. Sliozberg G. B. Dela minuvshikh dney. Zapiski russkogo evreya. T. 3. — Parizh, 1934. — 387 s.
10. Z. Nashi yuridicheskie zhurnaly v 1883 godu // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. — 1884. — Kn. 3. — S. 127–142.

Налогообложение стейкинга цифровых валют в Российской Федерации: возникновение дохода для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль

Аннотация. Исследование посвящено анализу стейкинга цифровых валют как особого вида деятельности, связанного с возникновением новой цифровой валюты, а также рассмотрению возможности и необходимости обложения доходов от такой деятельности налогами на прибыль и на доходы физических лиц. Освещаются вопросы, относящиеся к возникновению дохода в результате стейкинга, моменту признания такого дохода (на этапе получения или реализации цифровой валюты), учету расходов, особенностям налогообложения ликвидного стейкинга, обложению налогом у источника выплат. Анализ законодательства России, научных исследований, а также технических и иных особенностей стейкинга позволил сделать вывод о необходимости налогообложения доходов, возникающих в результате стейкинга; законодательного закрепления понятий «стейкинг» и «стейкинг-пул»; включения в НК РФ специальных норм, регулирующих налоговые последствия операций с цифровыми валютами, полученными в результате стейкинга.

Ключевые слова: стейкинг; цифровая валюта; криптовалюта; криптоактивы; налогообложение цифровых валют; блокчейн; майнинг; децентрализованные финансы; налог на доходы физических лиц; налог на прибыль организаций

Для цитирования: Грошев С. А. Налогообложение стейкинга цифровых валют в Российской Федерации: возникновение дохода для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 30–46. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.030-046

© Грошев С. А., 2026

* Грошев Семён Александрович, аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, специалист налогового департамента ПАО «Газпром»
Лермонтовский просп., д. 44, лит. А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190103
grochev@icloud.com

Taxation of Digital Currency Staking in the Russian Federation: Recognition of Income for Personal Income Tax and Corporate Profit Tax Purposes

Semen A. Groshev, Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE); Tax Department, Specialist at PJSC Gazprom, St. Petersburg, Russian Federation
grochev@icloud.com

Abstract. The study is devoted to the analysis of cryptocurrency staking as a specific type of activity associated with the creation of new digital currency, as well as to the examination of the possibility and necessity of subjecting income derived from such activity to corporate income tax and personal income tax. The paper addresses issues relating to the emergence of income as a result of staking, the moment of recognition of such income (at the stage of receipt or upon disposal of the digital currency), the deductibility of expenses, the specific features of the taxation of liquid staking, and the imposition of withholding tax at source. An analysis of Russian legislation, academic research, and the technical and other characteristics of staking has led to the conclusion that it is necessary to: tax income arising from staking; provide statutory definitions of the concepts of «staking» and «staking pool»; and introduce into the Tax Code of the Russian Federation special provisions governing the tax consequences of transactions involving digital currencies obtained through staking.

Keywords: staking; digital currency; cryptocurrency; crypto-assets; taxation of digital currencies; block chain; mining; decentralized finance; personal income tax; corporate income tax

Cite as: Groshev SA. Taxation of Digital Currency Staking in the Russian Federation: Recognition of Income for Personal Income Tax and Corporate Profit Tax Purposes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):30-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.030-046

Введение

Важной составляющей формирования законодательства, регулирующего обращение цифровой валюты, является определение потенциальных налоговых последствий для операций с таким активом. Особенно сложно в этой части установить последствия для операций, характерных именно для цифровых валют, таких как стейкинг.

Несмотря на то что Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ¹ определил основные правила налогообложения цифровых валют, в том числе специальные правила для налогообложения операций по осуществлению майнинга, стейкинг цифровой валюты остался без отдельного законодательного рассмотрения. Данное обстоятельство привлекает внимание, поскольку стейкинг цифровой валюты связан

со многими крупнейшими по капитализации цифровыми валютами и имеет определенное сходство с майнингом, отличаясь от него отдельными техническими и экономическими особенностями. В связи с этим как у исследователей, так и у участников рынка цифровых валют могут оставаться вопросы о корректном определении налоговых последствий операций стейкинга. Кроме того, актуальность настоящего исследования подтверждается тем, что в отличие от майнинга, активно изучаемого российскими учеными, тема стейкинга как явления остается практически нераскрытой.

1. Характеристика стейкинга и его разновидности

Понятие «стейкинг» в российском законе не закреплено. Тем не менее оно активно приме-

¹ Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 49. Ст. 7409.

няется как специалистами в сфере цифровой экономики, так и государственными органами различных стран, в том числе для формирования регуляторных подходов².

Стейкинг связан с функционированием механизма консенсуса Proof-of-Stake (PoS). Механизм консенсуса является одним из ключевых элементов технологии блокчейн³, на основании которой работает большинство цифровых валют: он позволяет подтверждать транзакции и генерировать новые блоки внутри сети. PoS представляет собой один из вариантов механизма консенсуса и обладает рядом отличительных признаков. Его работа обеспечивается валидаторами — участниками блокчейна, которые отвечают за проверку и подтверждение транзакций путем блокировки (заморозки) своей цифровой валюты на определенный период, предусмотренный блокчейном⁴. Фактически такая блокировка цифровой валюты потенциальным валидатором является условием для функционирования блокчейна на механизме консенсуса PoS. Как правило, вероятность того, что определенный узел сети (нода) будет выбран в качестве валидатора, зависит от количества заблокированной им цифровой валюты⁵. Выбранный валидатор получает вознаграждение в виде цифровой валюты,

что является его стимулом для поддержания надежности и безопасности сети.

Исходя из изложенного, в широком смысле под стейкингом следует понимать деятельность по подтверждению транзакций и созданию блоков в сети, обеспечивающую работоспособность блокчейнов на механизме консенсуса PoS.

На сегодняшний день большое количество крупнейших по капитализации цифровых валют функционируют на основе механизма консенсуса PoS: Ethereum⁶ (ETH), Solana (SOL)⁷, Cardano (ADA)⁸.

Как отмечают некоторые исследователи, в отличие от механизма консенсуса Proof-of-Work (PoW)⁹, частью которого является майнинг, PoS обладает рядом существенных преимуществ, что делает его привлекательным для многих проектов на основе блокчейна¹⁰. Его ключевыми достоинствами являются экологичность и экономичность: стейкинг, технологически осуществляемый через блокировку криптоактивов для участия в механизме консенсуса, исключает выполнение ресурсоемких криптографических вычислений, характерных для майнинга, вследствие чего для него не требуется покупка специализированного дорогостоящего оборудования¹¹.

² CRYPTO61214 — Decentralised Finance: Lending and staking: Income tax: Making a DeFi loan: Nature of the return. 30 March 2021 (updated 6 May 2025) // URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/cryptoassets-manual/crypto61214> (дата обращения: 08.05.2025).

³ Подробнее про применение технологии блокчейн в экономике см.: *Крылов Г. О., Селезнёв В. М.* Состояние и перспективы развития технологии блокчейн в финансовой сфере // *Финансы: теория и практика.* 2019. № 6. С. 26–35.

⁴ *Кашеварова Н. А., Куликова М. Е., Ряскина А. Д.* Обзор механизмов консенсуса и их применение в бизнес-практике // *Креативная экономика.* 2022. № 12. С. 4791.

⁵ Узлом (нодой) сети называется минимальная и неделимая единица блокчейна, подключенная к такой сети, которая обрабатывает и хранит данные (например, компьютер). Подробнее про работу блокчейна и технологию распределенного реестра см.: *Шилов К. Д., Зубарев А. В.* Блокчейн и распределенные реестры как виды баз данных // *Инновации.* 2018. № 12. С. 77–87.

⁶ Ethereum Whitepaper // URL: <https://ethereum.org/en/whitepaper/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁷ *Yakovenko A.* Solana: A new architecture for a high performance blockchain v0.8.13 // URL: <https://solana.com/solana-whitepaper.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

⁸ URL: <https://cardano.org/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁹ Подробнее о работе биткоина на алгоритме PoW см.: *Narayanan A., Bonneau J., Felten E. et al.* Bitcoin and cryptocurrency technologies: a comprehensive introduction. Princeton University Press, 2016.

¹⁰ *Плеханова Л. С.* Криптовалюты как социально-экономическое явление // *Вестник Московского университета.* 2023. № 3. С. 100.

¹¹ *Коржова И. В.* Концепция правового регулирования майнинга // *Право и государство: теория и практика.* 2023. № 1. С. 89.

Технологические различия между стейкингом и майнингом также делают невозможным применение легального определения майнинга, предусмотренного в российском законодательстве¹², к стейкингу, вследствие чего для обеспечения законодательного регулирования стейкинга необходимо закрепление отдельной дефиниции, раскрывающей его сущность.

Исследователи выделяют различные классификации стейкинга, однако наиболее распространенная основывается на способе участия пользователей: прямой (direct) и делегированный (delegation)¹³.

В первом случае участник стейкинга, блокируя свою цифровую валюту в блокчейне, напрямую становится валидатором. При блокировке цифровой валюты участник получает возможность быть валидатором, используя настроенную для обработки и проверки транзакций на блокчейне инфраструктуру. Он напрямую способствует работе механизма консенсуса, т.к. от него требуется вовлечение в процесс стейкинга. В случае нарушения правил сети блокчейн такой участник может лишиться части заработанной цифровой валюты в качестве «штрафа», также именуемого «слэшинг» (slashing¹⁴), за нарушение условий сети. Цель такого штрафа — поддержка стабильности и безопасности блокчейна¹⁵.

В случае делегированного стейкинга владельцы цифровой валюты не являются участниками механизма консенсуса PoS напрямую и осуществляют стейкинг через посредника, передавая ему определенное количество цифровой валюты и получая часть вознаграждения за это¹⁶. Такой вид стейкинга может быть более привлекательным для владельцев цифровой

валюты, поскольку он не требует постоянного интернет-соединения или специальных технических знаний, необходимых для прямого участия. Для потенциального посредника подобный формат также может оказаться выгодным, т.к. повышает его вероятность быть выбранным в качестве валидатора. Как правило, такими посредниками выступают крупные цифровые биржи, предоставляющие услуги по стейкингу владельцам цифровых валют¹⁷.

Таким образом, стейкинг представляет собой способ получения новой цифровой валюты, который основан на блокировке уже имеющейся и ее использовании для обеспечения работы сети блокчейн. Существует несколько разновидностей стейкинга, каждая из которых имеет свои особенности и преимущества. Выбор подходящего вида зависит от потенциальной вовлеченности, целей, ресурсов и уровня риска, который готовы принять на себя его участники.

2. Возникновение дохода в результате стейкинга цифровой валюты: налог на прибыль, НДФЛ

2.1. Возникновение дохода от стейкинга и подходы к моменту его учета

Результатом стейкинга для собственника цифровой валюты, заблокировавшего активы на определенный период, является приобретение новой цифровой валюты. В соответствии с достаточно широким подходом НК РФ к определению категории дохода при первом приближении к рассматриваемой ситуации представляется, что обретение нового имущества в результате стейкинга должно рассматриваться

¹² Ч. 3.1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

¹³ Cong L. W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁴ URL: <https://academy.binance.com/ru/glossary/slashing> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁵ Cong L. W., He Z., Tang K. Op. cit. P. 8.

¹⁶ Lehmann M., Held A., Krysa F. et al. Staking Your Crypto: What are the Stakes? // Journal of Business & Technology Law. 2023. Vol. 19. P. 9.

¹⁷ Staking on Binance. US. FAQ // URL: <https://support.binance.us/hc/en-us/articles/360046787154-Staking-on-Binance-US-Frequently-asked-questions> (дата обращения: 08.05.2025).

по аналогии с обретением нового имущества в результате майнинга, т.е. признаваться доходом налогоплательщика в натуральной форме для целей НДФЛ и внереализационным доходом для целей налога на прибыль. Однако такое получение имущества НК РФ не указывает в качестве внереализационного дохода в отличие от цифровой валюты, полученной в результате майнинга (п. 32 ст. 250). Кроме того, для целей исчисления и уплаты НДФЛ статья 211 НК РФ отдельно относит к доходам в натуральной форме цифровую валюту, полученную в результате майнинга, без упоминания стейкинга как такового. Проводя дальнейшую аналогию с существующими нормами относительно майнинга, можно предположить, что доход от стейкинга для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль необходимо признавать на дату, когда лицо, осуществляющее стейкинг, получило право на распоряжение полученной цифровой валютой¹⁸.

Как было отмечено ранее, стейкинг имеет ряд отличий от майнинга. Вследствие этого возникает закономерный вопрос: считается ли появление у налогоплательщика новой цифровой валюты в результате стейкинга доходом, являющимся объектом обложения НДФЛ, а также элементом, участвующем в формировании налоговой базы по налогу на прибыль? Кроме того, если такой доход возникает, в какой момент его необходимо учитывать?

Для полноценного анализа и определения дохода от стейкинга с целью дальнейшего ответа на поставленные выше вопросы предлагается рассмотреть стейкинг в блокчейн-сети Tezos на примере ее нативной цифровой валюты tez¹⁹. Валидаторы в данной блокчейн-сети добавляют новый блок примерно каждую минуту, получая

вознаграждение в tez. Выпуск цифровой валюты в данной сети не ограничен, но ее часть может уменьшаться при нарушениях участниками стейкинга правил блокчейн-сети (слэшинг). Новые tez увеличивают общий объем цифровой валюты, размывая долю каждого участника. Однако участники стейкинга компенсируют такое размывание, получая дополнительные tez в качестве вознаграждения, что позволяет им сохранять или увеличивать долю в блокчейн-сети. Как правило, среди специалистов в сфере криптоактивов такая модель блокчейн-сети называется инфляционной²⁰.

По мнению Абрахама Сазерленда, появление каждой новой цифровой валюты, как в случае с tez, уменьшает ценность существующих цифровых валют в блокчейн-сети²¹. Данное утверждение ставит под сомнение обоснованность определения экономической выгоды от стейкинга в размере стоимости полученных в результате него цифровых валют. В связи с этим автор рассматривает пример определения доходности, выражающейся в ежегодном процентном увеличении цифровой валюты участника стейкинга, на основе информации, опубликованной на официальном сайте Tezos, а также технической документации к этому проекту²². Согласно его расчету, валидаторы завершат год с приростом цифровой валюты в 7,34 %, но при этом ее общее предложение увеличится на 5,21 %. Таким образом, ежегодный реальный прирост цифровой валюты валидаторов составляет 2,02 %²³, что значительно меньше фактического.

Расчет Абрахама Сазерленда иллюстрирует, что определение доходности стейкинга в виде стоимости цифровой валюты в момент ее получения не учитывает, что цифровая валюта представляет собой долю в определенной сети

¹⁸ Аналогичные положения для майнинга закреплены в п. 1.3 ст. 223, пп. 20 п. 4 ст. 271 НК РФ.

¹⁹ URL: <https://tezos.com/> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁰ Как инфляционные и дефляционные модели токенов влияют на ликвидность рынка? // URL: <https://www.block-chain24.com/articles/kak-inflyacionnye-i-deflyacionnye-modeli-tokenov-vliyayut-na-likvidnost-rynka> (дата обращения: 08.05.2025).

²¹ Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards // Tax Notes Federal. 2019. No. 4. P. 759.

²² Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards. P. 759.

²³ $(1 + 0,0734) / (1 + 0,0521) - 1 = 0,0202$.

и каждая выпущенная цифровая валюта размыкает долю остальных держателей таких активов. Таким образом, представленный автором тезис обосновывает позицию о признании дохода от стейкинга исключительно при реализации цифровой валюты, приобретенной в качестве вознаграждения, а не на этапе ее получения. Это связано с тем, что факт получения новой цифровой валюты в результате стейкинга не формирует завершенной экономической выгоды до момента ее реализации.

В профессиональной литературе существуют и иные аргументы в поддержку обозначенной позиции. Так, в зарубежных исследованиях встречается мнение о том, что вознаграждение за стейкинг является самостоятельно созданной собственностью (self created property), налогообложение которой должно происходить не в результате создания такой собственности, а лишь при ее реализации²⁴. По аналогии с выращиванием овощей или фруктов на участке налогооблагаемый доход будет возникать вследствие реализации продукции²⁵. Само по себе выращивание продуктов и их присвоение не образуют такого дохода до момента реализации. Соответствующая логика может применяться и к получению самостоятельно созданной цифровой валюты в результате стейкинга.

Рассмотрев ряд аргументов в пользу возникновения налогооблагаемого дохода от стейкинга, а также его налогообложения в момент реализации цифровой валюты, обратимся к позиции, обосновывающей необходимость налогообложения цифровой валюты в момент ее получения.

Утверждение, что доход от стейкинга должен рассматриваться как самостоятельно созданная собственность, т.к. такие выплаты алгоритмически генерируются программным протоколом

блокчейна, а не являются результатом активных действий участников стейкинга²⁶, можно парировать доводом о том, что новая цифровая валюта передается ее получателю в обмен на выполнение определенных действий, связанных с функционированием блокчейна. В таком случае корректнее рассматривать доход в виде новой цифровой валюты как вознаграждение за стейкинг, а не как создание новой собственности.

Соответствующую позицию можно развить до утверждения, что вознаграждение за стейкинг фактически является вознаграждением за оказание услуг: цифровая валюта, полученная в результате стейкинга, не является созданной валидатором. Валидаторы, напротив, предоставляют услугу, без которой невозможно добавить новый блок транзакций в блокчейн, и по результату ее оказания получают вознаграждение. Следовательно, можно говорить о том, что валидатор не создает новую собственность, а предоставляет услугу, которая приносит пользу всем участникам сети, получая за это вознаграждение в виде цифровой валюты. Таким образом, стейкинг будет рассматриваться как услуга за заранее определенное вознаграждение, которое будет доходом налогоплательщика²⁷. При таком рассмотрении появление новой цифровой валюты у налогоплательщика в результате стейкинга должно формировать налогооблагаемый доход вне зависимости от факта реализации.

Таким образом, анализ аргументов исследователей позволяет заключить, что участие в стейкинге приносит экономическую выгоду участнику сети. Однако дискуссионным остается вопрос о моменте признания этой выгоды: следует ли учитывать ее на момент получения цифровой валюты или на момент ее реализации. Определяющей в этом споре может стать квалификация дохода от стейкинга: как вознаграждения

²⁴ Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens // Tax Notes Federal. 2023. No. 178. P. 670.

²⁵ Харитонова А. Polygon Labs объяснили на яблоках, как облагать налогом доходы от стейкинга // URL: <https://ru.beincrypto.com/polygon-labs-staking/> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁶ Marian O. Law, Policy, and the Taxation of Block Rewards. 2022 // URL: <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/law-policy-and-taxation-block-rewards/2022/06/03/7dhq5> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁷ Cipollini C. Crypto Staking Taxation Across Selected Countries: A Critical Evaluation // Intertax. 2024. No. 2. P. 124.

граждения за предоставление услуг или как результата самостоятельного создания актива.

2.2. Правовые отношения между участниками стейкинга с точки зрения российского законодательства

Вопрос о существовании правовых отношений между участниками внутри блокчейна на протяжении длительного времени остается предметом дискуссий как зарубежных²⁸, так и российских правоведов²⁹. Основная трудность заключается в отсутствии конкретной идентифицируемой стороны, с которой могли бы возникнуть правовые отношения. Фактически ни одно лицо не выплачивает вознаграждение в результате стейкинга, т.к. передача цифровой валюты является следствием запрограммированного процесса.

Несмотря на это, по мнению некоторых российских исследователей, отсутствие определяемого лица не является препятствием для существования обязательственных отношений в блокчейне. Например, с точки зрения М. А. Успенского, рассматривающего работу блокчейна на механизме консенсуса PoW и поддерживающего позицию о существовании обязательственных отношений внутри блокчейна, должником в обязательстве будет именно валидатор (полная нода), а суть обязательства должна заключаться в валидации в соответствии с механизмом консенсуса³⁰. Автор также отмеча-

ет, что даже формальное отсутствие обязанного лица не препятствует возникновению обязательственных отношений. Это особенно справедливо для случаев, когда обязанным лицом признается конкретный валидатор, выполняющий программно-детерминированные действия по внесению или изменению записей в блокчейн³¹.

Важно отметить, что ряд исследователей не согласны с мнением о наличии обязательственных отношений внутри блокчейна. В частности, Р. М. Янковский считает, что характер прав на криптовалюту ближе к абсолютному, нежели к относительному, хотя однозначно квалифицировать их как абсолютные довольно сложно³². По его мнению, попытки доказать существование относительных прав на криптовалюту, а также поиск обязанных лиц внутри блокчейна приведут лишь к очередным нестыковкам.

Позиция Л. А. Новоселовой о том, что блокчейн фактически функционирует на основании многостороннего соглашения, также является неоднозначной³³. Д. В. Федоров считает признание наличия между всеми участниками блокчейна многостороннего договора противоречивым, т.к. неясны практические последствия выделения такого многостороннего обязательства³⁴. С такой квалификацией не согласны и некоторые другие исследователи³⁵.

Следует поддержать позицию о том, что сама цифровая валюта может становиться объектом как относительных, так и абсолютных прав³⁶.

²⁸ Alston E. Blockchain and the Law — Legality, Law-like Characteristics, and Legal Applications. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3641997 (дата обращения: 08.05.2025).

²⁹ Ефимова Л. Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе блокчейн // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8. С. 20.

³⁰ Успенский М. А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // Закон. 2023. № 9. С. 99.

³¹ Успенский М. А. Указ. соч. С. 99.

³² Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 50.

³³ Новоселова Л. А. О правовой природе биткоина // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 10.

³⁴ Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 24.

³⁵ Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 43.

³⁶ Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/3186/4823/> (дата обращения: 09.05.2025).

Так, причисления криптовалюты к иному имуществу достаточно для констатации того, что криптовалюта может выступать объектом относительных правоотношений и быть, например, предметом договорного обязательства³⁷. Однако соответствующий тезис не доказывает существование каких-либо относительных правоотношений между участниками блокчейна на уровне владельца цифровой валюты и иных участников блокчейна.

Неопределенность в вопросе существования обязательственных отношений в публичных блокчейнах затрудняет однозначную квалификацию цифровой валюты, полученной в качестве вознаграждения за стейкинг: является ли она новым имуществом (результатом создания) или доходом от оказания услуг. Такая неопределенность приводит к тому, что использование рассматриваемого тезиса для обоснования подхода к моменту определения дохода представляется ненадежным. Следует обратиться к более детальному анализу налогового законодательства России для решения этого вопроса.

2.3. Возникновение дохода в результате стейкинга: анализ российского налогового законодательства

Обратимся к более подробному анализу определения дохода, закрепленного в ст. 41 НК РФ. Как уже было отмечено, вопрос о возникновении объекта налогообложения в результате стейкинга тесно связан с появлением дохода от такой операции. Доход признается объектом налогообложения с точки зрения НДФЛ, а также элементом, формирующим налоговую базу по налогу на прибыль.

Многие исследователи, анализируя понятие «доход», предусмотренное в ст. 41 НК РФ, не раз обращали внимание на его несовершенство и недостаточную определенность, а именно на отсутствие закрепленной категории «экономи-

ческая выгода», неопределенность положения об учете выгоды, по отношению к которой существует возможность ее оценки, и т.д.³⁸

Как справедливо отмечал С. Г. Пепеляев, на сегодняшний день НК РФ использует термин «доход» в двух значениях: как поступление (приход в определенной сумме) и как изменение имущественного состояния лица. Кроме того, анализируя вышеупомянутое определение, он делает вывод, что доходом являются все получаемые налогоплательщиком блага, кроме прямо указанных в законе в качестве необлагаемых, иначе говоря, законодателем устанавливается презумпция облагаемости поступающих лицу материальных благ³⁹.

На сегодняшний день исследователями выделяются следующие основные концепции дохода: источника дохода (source concept), прироста достатка (accretion concept) и траста (trust concept)⁴⁰. Они не являются взаимоисключающими. Напротив, в законодательстве и правоприменительной практике многих государств зачастую применяются одновременно несколько концепций, что позволяет учитывать различные аспекты налогообложения и адаптироваться к специфике экономических отношений. Так, по мнению С. Г. Пепеляева, в российском законодательстве нет ярко выраженной приверженности к какой-либо концепции дохода⁴¹. Для углубленного анализа категории дохода целесообразно рассматривать конкретные критерии его определения, а не пытаться выявить универсальную концепцию.

В правовых дискуссиях о налогообложении стейкинга исследователи активно обращаются к американской концепции дохода, а именно к принципу реализации (realization concept), основная идея которого заключается в том, что простого увеличения или уменьшения стоимости актива недостаточно для появления послед-

³⁷ Федоров Д. В. Указ. соч. С. 29.

³⁸ См.: Чуркин А. В. Комментарий к отдельным положениям НК РФ, определяющим понятие дохода // Налоговед. 2004. № 3. С. 13; Ахметшин Р. И. Понятие дохода: проблемы правоприменения // Налоговед. 2010. № 3. С. 60.

³⁹ Пепеляев С. Г. Налогово-правовое понятие дохода // Налоговед. 2014. № 11. С. 16.

⁴⁰ Thuronyi V. Comparative Tax Law. Kluwer Law International, 2003. P. 235–240.

⁴¹ Пепеляев С. Г. Указ. соч. С. 20.

ствий в виде обложения подоходным налогом. Для возникновения налогооблагаемого события требуется завершённое действие, например продажа, обмен или иная рыночная операция, которая изменит отношение налогоплательщика к его активу⁴². Следовательно, нереализованное повышение стоимости не является истинной экономической выгодой и не должно облагаться налогом⁴³.

Появление соответствующего принципа связано с решением Верховного суда США по делу *Eisner v. Macomber* (1920), где суд давал правовое толкование термину «доход» в контексте Шестнадцатой поправки к Конституции США. Верховный суд США, анализируя трактовку дохода в Законе о налогах 1909 г., указал, что формулировка «полученный из капитала» (*derived from capital*) прямо указывает на требование реализации⁴⁴. *Eisner v. Macomber* стало значимым судебным делом, которое инициировало дальнейшую дискуссию о признании принципа реализации конституционным требованием в США и заложило основу для понимания дохода как реализованной экономической выгоды, отделенной от капитала. Несмотря на важность рассматриваемого принципа для подоходного налогообложения в Америке, он остается предметом активных правовых и экономических дискуссий⁴⁵.

Ряд американских исследователей, апеллируя к нему, обосновывают позицию о том, что налоговые обязательства должны возникать именно в момент реализации цифровой валюты, полученной в результате стейкинга⁴⁶. Если рассматривать цифровую валюту в качестве созданного имущества, то признание дохода в момент его создания и до фактической реали-

зации противоречило бы указанной концепции. Соответствующее положение побуждает задуматься над вопросом, признается ли в российской налоговой доктрине реализация в качестве обязательного признака дохода.

Проблемы определения дохода в конкретных ситуациях регулярно возникают в российской судебной практике. Отдельные исследователи анализируют судебные решения, стремясь выявить критерии дохода, соответствующие НК РФ. Например, Р. И. Ахметшин, исследуя законодательную дефиницию дохода, а также судебную практику, выделяет его следующие основные признаки: наличие прироста имущества через поступление или экономию; возможность полного распоряжения полученным имуществом (для доходов в форме поступлений); наличие заинтересованности налогоплательщика в получении дохода⁴⁷.

Особого критерия дохода в виде реализации Р. И. Ахметшиным или другими исследователями не выделяется.

Можно предположить, что потенциально критерий дохода в виде реализации может быть связан с критерием экономической выгоды, т.к. реализация является тем юридическим фактом, который трансформирует потенциальную экономическую выгоду в фактический прирост дохода, подлежащий объективной оценке. Однако по итогам рассмотрения судебной практики по вопросам определения дохода для целей как НДФЛ, так и налога на прибыль не удается найти решений, где суды бы рассматривали реализацию в качестве самостоятельного критерия для признания дохода. Суды, как правило, обращаются к реализации только в тех ситуациях, когда она прямо определена как объект налогообло-

⁴² Kornhauser M. E. The Story of Macomber: The Continuing Legacy of Realization // *Tax Stories: An In-Depth Look at Ten Leading Federal Income Tax Cases*. New York : Foundation Press, 2009. P. 95.

⁴³ Elkins D. The Myth of Realization: Mark-to-Market Taxation of Publicly-Traded Securities // *Florida Tax Review*. 2011. No. 5. P. 382.

⁴⁴ Kwall L. J. When Should Asset Appreciation Be Taxed? The Case for a Disposition Standard of Realization // *Indiana Law Journal*. 2010. No. 86. P. 13.

⁴⁵ Avi-Yonah R. S. Effects From Moore: Does the Corporate Tax Require Realization? // *Tax Notes Federal*. 2024. No. 4. P. 661.

⁴⁶ Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens. P. 670.

⁴⁷ Ахметшин Р. И. Указ. соч. С. 67.

жения, выступающий основанием для возникновения налогового обязательства, или является юридическим фактом, приводящим к возникновению дохода. Такой подход к реализации не позволяет рассматривать ее в качестве универсального критерия для признания дохода, в отличие, например, от экономической выгоды, к анализу которой суды прибегают регулярно⁴⁸.

Реализация, безусловно, выступает ключевым источником дохода как для налога на прибыль, так и для НДФЛ, однако ее нельзя считать исключительным основанием для возникновения налогооблагаемого дохода. Так, для налога на прибыль доходы от реализации товаров, работ и услуг являются лишь одной из категорий дохода. Помимо этого, статья 250 НК РФ закрепляет и доходы, которые напрямую не связаны с реализацией (например, проценты по займам, штрафы, курсовые разницы). Что касается НДФЛ, то в соответствии с Кодексом доходом может быть признана как реализация имущества, так и иные экономические выгоды (например, получение подарка, выигрыша).

Таким образом, можно говорить о том, что концепция дохода, установленная НК РФ, не предусматривает принцип реализации как обязательный и универсальный критерий дохода. С определенной долей условности можно утверждать, что подход НК РФ к определению дохода во многих ситуациях может опираться на реализацию как на объективный факт получения дохода. В частности, как и в США, выращенные физически лицом овощи не будут доходом налогоплательщика до момента их фактической реализации, несмотря на прирост экономической выгоды в виде появления у него новых продуктов. Действия законодателя в данной сфере носят фрагментарный характер и обусловлены скорее принципом налоговой эффективности. Что касается юридических лиц, то

подход к признанию такого дохода будет дополнительно дифференцироваться в зависимости от учетной политики и требований НК РФ: если организация использует кассовый метод, доход от выращенной продукции действительно возникает только при поступлении денег или списания оплаты (п. 2 ст. 273), тогда как при методе начисления доходы учитываются в том отчетном периоде, в котором они имели место, независимо от фактического поступления денежных средств, например в момент перехода права собственности (п. 1 ст. 271).

Обратимся к аргументу о том, что включение в доход вознаграждений за стейкинг в момент их получения некорректно, поскольку это ведет к игнорированию эффекта размывания и тем самым к завышению дохода налогоплательщика. В первую очередь следует сказать, что даже если эффект размывания существует, то это не отменяет получения налогоплательщиком дохода в определенной форме, который соответствует трактовке, предусмотренной статьей 41 НК РФ. Получаемое вознаграждение за стейкинг является экономической выгодой для налогоплательщика, в ином случае оно не могло бы служить стимулом для участия в валидации блокчейн-сетей.

Кроме того, в НК РФ отсутствуют положения, которые бы прямо предусматривали корректировку налоговой базы по налогу на прибыль с учетом размывания (инфляции). Соответствующий вывод также верен и по отношению к исчислению и уплате НДФЛ, несмотря на критику некоторых исследователей⁴⁹. Например, при получении заработной платы налогоплательщики обязаны учитывать в качестве дохода ее полную сумму (пп. 1 п. 1 ст. 223 НК РФ), а не сумму, уменьшенную на прогнозируемый уровень инфляции за период между получением средств и их использованием.

⁴⁸ Из последнего см.: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2025 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346.15 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 22.01.2025. № 0001202501220001.

⁴⁹ *Шишканов А. О.* К вопросу об учете инфляции при налогообложении заемных операций // *Налоговед.* 2018. № 5. С. 48.

Если провести аналогию с акциями, то доход в натуральной форме в виде полученных акций для целей исчисления и уплаты НДФЛ по общему правилу подлежит налогообложению в момент их получения (пп. 3 п. 1 ст. 223 НК РФ), несмотря на то, что впоследствии доля владения может быть размыта из-за дополнительной эмиссии, приводящей к снижению стоимости таких акций.

С учетом вышеперечисленного довод о некорректности включения вознаграждения за стейкинг в состав дохода на момент его получения по причине игнорирования эффекта размывания доли владения (инфляции) также не поддерживается действующими положениями НК РФ.

Таким образом, НК РФ не содержит убедительных оснований для возможности признания дохода в результате стейкинга цифровой валюты в момент ее реализации. Следовательно, в соответствии с системным толкованием НК РФ доход в результате стейкинга по аналогии с майнингом следует учитывать в тот момент, когда у осуществляющего стейкинг цифровой валюты лица возникает право распоряжаться полученной цифровой валютой, для целей НДФЛ. Что касается налога на прибыль, то момент определения дохода от стейкинга дополнительно будет зависеть от применимой организацией учетной системы (кассовый метод и метод начисления). Аналогично принципам налогообложения майнинга обоснованно распространить на стейкинг правило о расчете дохода исходя из рыночной стоимости полученных цифровых активов на дату их фактического признания в налоговом учете.

2.4. Об учете расходов при стейкинге

Стоит также отметить, что, помимо доходов, полученных в результате стейкинга, налогоплательщику необходимо учитывать и сопутствующие расходы от этой деятельности. Вследствие этого по аналогии с регулированием майнинга (п. 5 ст. 282.3 НК РФ) затраты, связанные с

осуществлением стейкинга цифровой валюты, должны подлежать включению в налоговую базу для целей исчисления налога на прибыль.

Что касается НДФЛ, то, как и в случае с майнингом (абз. 5 п. 2.3 ст. 210, пп. 5 п. 1 ст. 220 НК РФ), целесообразно предусмотреть право налогоплательщиков на имущественный вычет, т.к. они должны иметь возможность уменьшить доходы от стейкинга на сумму документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с этой деятельностью.

В отличие от энергозатратного майнинга стейкинг имеет структуру расходов, обусловленную отсутствием необходимости в специализированном оборудовании и высоком энергопотреблении. К типичным затратам при стейкинге могут относиться, например, комиссии стейкинг-пулов (в частности, в случае делегированного стейкинга), а также другие расходы⁵⁰.

Особый интерес в этом контексте вызывает возможность учета расходов в виде слэшинга. Вопрос о включении слэшинга в состав расходов при расчете налоговой базы по налогу на прибыль является дискуссионным. Аргументом в пользу учета таких затрат может служить подпункт 13 п. 1 ст. 265 НК РФ, допускающий включение в расходы сумм штрафов, пеней и иных санкций за неисполнение обязательств. Несмотря на неоднозначность вопроса о существовании обязательств при стейкинге, логика налогового законодательства предполагает учет санкций, если они являются экономически обоснованными и документально подтвержденными, что служит доводом в пользу потенциального признания соответствующих расходов.

В контексте обложения НДФЛ, учитывая, что подпункт 5 п. 1 ст. 220 НК РФ предусматривает право налогоплательщика на имущественный налоговый вычет при получении дохода от майнинга в размере документально подтвержденных затрат, непосредственно связанных с этой деятельностью, логично распространить данные нормы и на стейкинг. Как указывал Конституционный Суд РФ в постановлении от

⁵⁰ *Титоренко С. К.* Правовое регулирование налогообложения доходов физических лиц, полученных в процессе подтверждения операций с цифровыми валютами по алгоритму Proof-of-Stake // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 6. С. 92.

01.03.2012 № 6-П⁵¹, возложенное на налогоплательщика бремя уплаты НДФЛ, исходя из сущности данного вида налога, должно определяться таким образом, чтобы полученный им доход уменьшался на установленные законом налоговые вычеты, а налогом облагался бы так называемый чистый доход. Следовательно, т.к. целью НДФЛ является налогообложение чистого дохода налогоплательщика, то распространение налоговых вычетов, в том числе и на доход от стейкинга, в размере документально подтвержденных затрат, непосредственно связанных с этой деятельностью, будет обоснованным.

2.5. Возникновение дохода в результате ликвидного стейкинга

При анализе налогообложения доходов от стейкинга также важно обратить внимание и на так называемый ликвидный стейкинг, выделяемый некоторыми исследователями⁵². По сути ликвидный стейкинг представляет собой механизм, позволяющий сохранять возможность использования заблокированных активов через эмиссию производной цифровой валюты⁵³. Таким образом, пока исходная цифровая валюта приносит пассивный доход за счет участия в валидации, ее производный аналог может быть использован для дополнительного заработка в сфере децентрализованных финансов⁵⁴. Впоследствии соответствующую производную ци-

фровую валюту можно конвертировать обратно в исходный актив или реализовать⁵⁵.

Природа ликвидного стейкинга поднимает вопрос о налоговой трактовке операций с производными цифровыми валютами. Можно выделить два основных подхода к этой ситуации. Первый заключается в оценке получения производной цифровой валюты как обмена одного актива на другой. Согласно общепринятой налоговой практике договор мены должен рассматриваться в качестве двух встречных операций по реализации⁵⁶. В таком случае разница между рыночной стоимостью исходного актива и полученной на момент сделки будет формировать прибыль или убыток для целей налогообложения.

В соответствии со вторым подходом получение производной цифровой валюты должно рассматриваться как изменение формы актива, а не его обмен. Такое изменение формы не образует экономической выгоды у получателя производной цифровой валюты в момент ее получения. Несмотря на возможную техническую обоснованность и логичность такой интерпретации, следует отметить, что данный подход меньше поддерживают специалисты⁵⁷.

Таким образом, определение реальной экономической выгоды в ликвидном стейкинге является не самой простой задачей. Рассмотрение обмена исходной криптовалюты на производ-

⁵¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 6-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго подпункта 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3. С. 12–18.

⁵² Манахова И. В., Колмыков К. А. Управление в сфере децентрализованных финансов на основе технологии блокчейн // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 3. С. 419–420.

⁵³ Например, такую возможность предоставляет платформа Lido (см.: Что такое Lido (LDO) // URL: <https://academy.binance.com/ru/articles/what-is-lido-lido> (дата обращения: 08.05.2025)).

⁵⁴ Как использовать токены ликвидного стейкинга (LST) для повышения доходности // URL: <https://tradelink.pro/blog/ru/how-to-use-liquid-staking-tokens-lst-to-increase-yield/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁵ Что такое ликвидный стейкинг? // URL: <https://forklog.com/cryptorium/chto-takoe-likvidnyj-stejking> (дата обращения: 09.05.2025).

⁵⁶ См., например: ч. 9 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.10.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Complete Guide to DeFi Taxes (2025 Update) // URL: <https://gordonlaw.com/learn/defi-tax-guide/> (дата обращения: 08.05.2025).

ный актив в качестве налогооблагаемой операции будет более консервативным и безопасным подходом. Однако без конкретики в законодательстве по отношению к ликвидному стейкингу риски двойного толкования налоговых последствий будут сохраняться.

2.6. Стейкинг и налог у источника

Одним из интересных и неоднозначных вопросов в сфере налогообложения стейкинга остается определение необходимости взимания налога у источника выплаты с доходов в виде цифровой валюты, полученных от этой деятельности. Как отмечал А. А. Шахмаматьев, НК РФ не содержит правил, критериев либо методики классификации доходов, полученных иностранной организацией от источников в Российской Федерации и за ее пределами⁵⁸. Значимой для науки налогового права попыткой сформулировать критерии доходов иностранных организаций от источников в России является определение Верховного Суда РФ от 12.07.2018 по делу № А50-16961/2017. В рассматриваемом деле Суд выделил следующие критерии для признания дохода полученным иностранной организацией от источников в нашей стране: связь дохода с территорией РФ, отнесение произведенных выплат к категории пассивного дохода.

Как отмечает Д. Е. Анищенко, перечисленные в определении Верховным судом критерии дают ориентиры для установления признаков доходов, полученных от источников в РФ, но не устраняют правовую неопределенность, в частности по причине отсутствия легальной дефиниции пассивных доходов⁵⁹. Анализируя распространенную характеристику доходов иностранных лиц, полученных от других государств, автор предлагает концептуальную трактовку пассивных доходов. Согласно его позиции, к пассивным относятся доходы, получение которых не связано с использованием человеческих факторов производства иностранного налогопла-

тельщика в процессе создания экономических благ, за счет которых извлекается доход, и участие самого иностранного налогоплательщика в процессе создания таких экономических благ ограничивается лишь предоставлением капитала либо вообще отсутствует⁶⁰.

Применяя это определение, например, к делегированному стейкингу, можно говорить, что вознаграждение в виде новой цифровой валюты от такой деятельности концептуально соответствует критериям пассивного дохода: участник не вовлечен напрямую в операционную деятельность сети (валидацию), а его вклад сводится к предоставлению капитала (цифровой валюты). Исключением может выступать прямой стейкинг, где лицо способно самостоятельно являться валидатором и напрямую содействовать работе блокчейна. Это может ставить под сомнение пассивный характер такой деятельности, а также обоснованность взимания налога у источника.

Важно также отметить, что уникальная природа стейкинга как деятельности затрудняет определение его территориальной привязки к России. Обращаясь к регулированию майнинга, НК РФ предусматривает, что доход в виде цифровой валюты, полученный от майнинга на территории нашей страны, рассматривается как доход от источников в России и подлежит обложению НДФЛ (пп. 9.3 п. 1 ст. 208). В случае принятия решения о разработке аналогичного положения для стейкинга возникает разумный вопрос: в каком случае доход от стейкинга будет считаться полученным на территории России? В отличие от майнинга, требующего использования специализированного оборудования, физически расположенного в конкретной юрисдикции, стейкинг не имеет аналогичной материальной основы для однозначной географической идентификации. С учетом отсутствия однозначной привязки стейкинга к какой-либо территории законодателю необходимо закрепить четкие критерии, определяющие,

⁵⁸ Шахмаматьев А. А. Международное налоговое право. М., 2014. С. 379.

⁵⁹ Анищенко Д. Е. Правовые основы взимания налогов, удерживаемых в Российской Федерации у источника дохода при выплатах иностранным лицам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 57.

⁶⁰ Анищенко Д. Е. Указ. соч. С. 13.

при каких условиях такая деятельность будет признаваться осуществляемой на территории России.

Например, в отношении налога на прибыль российский законодатель устанавливает, что доход иностранных организаций, осуществляющих деятельность через постоянное представительство, от участия в майнинг-пуле признается доходом от источников в России (пп. 9.5 п. 1 ст. 309 НК РФ). Следовательно, законодатель закрепляет критерий отнесения дохода к полученному на территории Российской Федерации, связывая его с деятельностью майнинг-пула, зарегистрированного в России. Аналогичный подход можно предложить и для стейкинг-пулов ввиду сходного принципа объединения цифровых валют участников для генерации дохода через механизм консенсуса PoS⁶¹. Однако стоит учитывать, что если майнер или лицо, организующее работу майнинг-пула, может быть заинтересовано в легализации и выходе из теневого сектора посредством официальной регистрации (например, из-за возможности отследить его деятельность по объему потребляемой энергии), то в случае со стейкинг-пулом выявить подобную активность значительно сложнее, что будет снижать стимулы для выхода налогоплательщика из тени.

Таким образом, взимание налога у источника с дохода от стейкинга может быть обоснованным, если иностранное лицо участвует в стейкинг-пуле, зарегистрированном в России. Вопрос о налогообложении дохода у источника выплат в отношении иностранного участника, осуществляющего деятельность на территории другого государства, но участвующего в российском стейкинг-пуле через механизм прямого стейкинга, является предметом дискуссий. Для дальнейшего развития правового регулирования налогообложения стейкинга также целесообразно законодательно закрепить понятие «стейкинг-пул» и ввести обязательное требование о его регистрации на территории РФ по аналогии с действующими нормами для майнинг-пулов.

Выводы

Стейкинг и майнинг, будучи разными формами алгоритмов консенсуса, обладают существенными техническими и иными различиями. Однако эти особенности не должны служить основанием для принципиально разного подхода к налогообложению дохода, возникающего в результате этой деятельности. Экономическая суть обоих процессов — вознаграждение за поддержание работы блокчейна — остается сходной, что предполагает необходимость единого образного налогового регулирования.

Учитывая вышеизложенное, вознаграждение в виде цифровых валют, полученное в результате стейкинга, следует признавать доходом налогоплательщика в рамках исчисления как НДФЛ, так и налога на прибыль. Отсутствие в НК РФ прямых положений, регулирующих порядок признания и налогообложения таких доходов, порождает правовую неопределенность, вследствие чего требуется внесение соответствующих поправок на законодательном уровне для устранения пробелов.

Позиция о том, что в момент получения цифровой валюта не должна считаться доходом налогоплательщика и налогооблагаемый доход должен возникать лишь при ее реализации, не находит поддержки на основании системного анализа положений НК РФ. Существующие аргументы в пользу данного подхода опровергаются, и нельзя с уверенностью говорить о том, что он преобладает среди исследователей.

Технологические особенности стейкинга, такие как отсутствие энергозатрат, влияют на состав расходов, которые потенциально могут учитываться для целей НДФЛ и налога на прибыль. Возможность учета некоторых специфических для стейкинга расходов (слэшинг) должна быть конкретно определена во избежание дальнейшего двоякого толкования.

Вопрос о налогообложении ликвидного стейкинга как особой формы стейкинга, связанной с получением производной цифровой валюты, порождает противоречивые позиции. Несмотря

⁶¹ Подробнее про стейкинг-пулы см.: Staking Pool Definition // URL: <https://coinmarketcap.com/academy/glossary/staking-pool> (дата обращения: 08.05.2025).

на техническую возможность трактовать получение производной цифровой валюты как изменение формы актива (без налогооблагаемого события), более консервативным подходом является квалификация такой операции как обмена, что влечет необходимость признания дохода или убытка на момент получения производной цифровой валюты.

Вопрос о целесообразности удержания налога у источника с доходов от цифровых валют, полученных от стейкинга, также является дискуссионным. Это связано с отсутствием критериев, позволяющих однозначно квали-

фицировать такие выплаты как пассивные и определить их связь с российской юрисдикцией. Отсутствие явной географической привязки стейкинга требует от законодателя закрепления критериев, позволяющих однозначно относить такие операции к российской юрисдикции. По аналогии с регулированием майнинга таким критерием может выступать регистрация иностранного участника в стейкинг-пуле, зарегистрированном на территории РФ. Это создаст правовые основания для применения механизма налогового удержания у источника к доходам от стейкинга.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анищенко Д. Е.* Правовые основы взимания налогов, удерживаемых в Российской Федерации у источника дохода при выплатах иностранным лицам : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023. — 225 с.
2. *Ахметшин Р. И.* Понятие дохода: проблемы правоприменения // *Налоговед.* — 2010. — № 3. — С. 58–67.
3. *Ефимова Л. Г.* Виды правоотношений, возникающих на платформе блокчейн // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* — 2020. — № 8. — С. 16–27.
4. *Ефимова Л. Г.* О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист.* — 2022. — № 4. — URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/3186/4823/>.
5. *Кашеварова Н. А., Куликова М. Е., Ряскина А. Д.* Обзор механизмов консенсуса и их применение в бизнес-практике // *Креативная экономика.* — 2022. — № 12. — С. 4787–4802.
6. *Коржова И. В.* Концепция правового регулирования майнинга // *Право и государство: теория и практика.* — 2023. — № 1. — С. 88–95.
7. *Манахова И. В., Колмыков К. А.* Управление в сфере децентрализованных финансов на основе технологии блокчейн // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика.* — 2024. — № 3. — С. 416–432.
8. *Новоселова Л. А.* О правовой природе биткоина // *Хозяйство и право.* — 2017. — № 9. — С. 3–16.
9. *Пепеляев С. Г.* Налогово-правовое понятие дохода // *Налоговед.* — 2014. — № 11. — С. 14–25.
10. *Плеханова Л. С.* Криптовалюты как социально-экономическое явление // *Вестник Московского университета.* — 2023. — № 3. — С. 85–107.
11. *Савельев А. И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // *Закон.* — 2018. — № 2. — С. 36–51.
12. *Титоренко С. К.* Правовое регулирование налогообложения доходов физических лиц, полученных в процессе подтверждения операций с цифровыми валютами по алгоритму Proof-of-Stake // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* — 2023. — № 6. — С. 89–93.
13. *Успенский М. А.* Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // *Закон.* — 2023. — № 9. — С. 16–26.
14. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права.* — 2018. — № 2. — С. 30–74.
15. *Чуркин А. В.* Комментарий к отдельным положениям НК РФ, определяющим понятие дохода // *Налоговед.* — 2004. — № 3. — С. 12–14.
16. *Шахматьев А. А.* Международное налоговое право. — М. : Международные отношения, 2014. — 823 с.

17. Шишканов А. О. К вопросу об учете инфляции при налогообложении заемных операций // *Налоговед.* — 2018. — № 5. — С. 40–48.
18. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* — 2020. — № 4. — С. 43–77.
19. Alston E. Blockchain and the Law — Legality, Law-like Characteristics, and Legal Applications. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3641997.
20. Avi-Yonah R. S. Effects From Moore: Does the Corporate Tax Require Realization? // *Tax Notes Federal.* — 2024. — No. 4. — P. 661–666.
21. Cipollini C. Crypto Staking Taxation Across Selected Countries: A Critical Evaluation // *Intertax.* — 2024. — No. 2. — P. 118–138.
22. Cong L. W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf>.
23. Elkins D. The Myth of Realization: Mark-to-Market Taxation of Publicly-Traded Securities // *Florida Tax Review.* — 2011. — No. 5. — P. 375–407.
24. Kornhauser M. E. The Story of Macomber: The Continuing Legacy of Realization // *Tax Stories: An In-Depth Look at Ten Leading Federal Income Tax Cases.* — New York : Foundation Press, 2009. — P. 93–135.
25. Kwall L. J. When Should Asset Appreciation Be Taxed? The Case for a Disposition Standard of Realization // *Indiana Law Journal.* — 2010. — No. 86. — P. 1–56.
26. Lehmann M., Held A., Krysa F., Prévost E., Schinerl F., Vogelauer R. Staking Your Crypto: What are the Stakes? // *Journal of Business & Technology Law.* — 2023. — Vol. 19. — P. 1–43.
27. Marian O. Law, Policy, and the Taxation of Block Rewards. 2022 // URL: <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/law-policy-and-taxation-block-rewards/2022/06/03/7dhq5>.
28. Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards // *Tax Notes Federal.* — 2019. — No. 4. — P. 748–972.
29. Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens // *Tax Notes Federal.* — 2023. — No. 178. — P. 669–680.
30. Thuronyi V. Comparative Tax Law. — Kluwer Law International, 2003. — 373 p.

Материал поступил в редакцию 9 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anishchenko D. E. Pravovye osnovy vzimaniya nalogov, uderzhivaemykh v Rossiyskoy Federatsii u istochnika dokhoda pri vyplatakh inostrannym litsam: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2023. — 225 s.
2. Akhmetshin R. I. Ponyatie dokhoda: problemy pravoprimeneniya // *Nalogoved.* — 2010. — № 3. — S. 58–67.
3. Efimova L. G. Vidy pravootnosheniy, vznikayushchikh na platforme blokcheyn // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA).* — 2020. — № 8. — S. 16–27.
4. Efimova L. G. O pravovoy prirode beznalichnykh deneg, tsifrovoy valyuty i tsifrovogo rublya // *Tsivilist.* — 2022. — № 4. — URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/3186/4823/>.
5. Kashevarova N. A., Kulikova M. E., Ryaskina A. D. Obzor mekhanizmov konsensusa i ikh primeneniye v biznes-praktike // *Kreativnaya ekonomika.* — 2022. — № 12. — S. 4787–4802.
6. Korzhova I. V. Kontsepsiya pravovogo regulirovaniya mayninga // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* — 2023. — № 1. — S. 88–95.
7. Manakhova I. V., Kolmykov K. A. Upravlenie v sfere detsentralizovannykh finansov na osnove tekhnologii blokcheyn // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika.* — 2024. — № 3. — S. 416–432.
8. Novoselova L. A. O pravovoy prirode bitkoina // *Khozyaystvo i pravo.* — 2017. — № 9. — S. 3–16.
9. Pepelyaev S. G. Nalogovo-pravovoe ponyatie dokhoda // *Nalogoved.* — 2014. — № 11. — S. 14–25.

10. Plekhanova L. S. Kriptovalyuty kak sotsialno-ekonomicheskoe yavlenie // Vestnik Moskovskogo universiteta. — 2023. — № 3. — S. 85–107.
11. Savelev A. I. Nekotorye riski tokenizatsii i blokcheynizatsii grazhdansko-pravovykh otnosheniy // Zakon. — 2018. — № 2. — S. 36–51.
12. Titorenko S. K. Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya dokhodov fizicheskikh lits, poluchennykh v protsesse podtverzhdeniya operatsiy s tsifrovymi valyutami po algoritmu Proof-of-Stake // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 6. — S. 89–93.
13. Uspenskiy M. A. Grazhdansko-pravovaya priroda tsifrovoy valyuty v obshchem i kontinentalnom prave // Zakon. — 2023. — № 9. — S. 16–26.
14. Fedorov D. V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennykh zakonoproektakh s pozitsii inostrannogo opyta // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 30–74.
15. Churkin A. V. Kommentariy k otdelnym polozheniyam NK RF, opredelyayushchim ponyatie dokhoda // Nalogoved. — 2004. — № 3. — S. 12–14.
16. Shakhmametev A. A. Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. — 823 s.
17. Shishkanov A. O. K voprosu ob uchete inflyatsii pri nalogooblozhenii zaemnykh operatsiy // Nalogoved. — 2018. — № 5. — S. 40–48.
18. Yankovskiy R. M. Kriptovalyuty v rossiyskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i tsifrovye dengi // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2020. — № 4. — S. 43–77.
19. Alston E. Blockchain and the Law — Legality, Law-like Characteristics, and Legal Applications. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3641997.
20. Avi-Yonah R. S. Effects From Moore: Does the Corporate Tax Require Realization? // Tax Notes Federal. — 2024. — No. 4. — P. 661–666.
21. Cipollini C. Crypto Staking Taxation Across Selected Countries: A Critical Evaluation // Intertax. — 2024. — No. 2. — P. 118–138.
22. Cong L. W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf>.
23. Elkins D. The Myth of Realization: Mark-to-Market Taxation of Publicly-Traded Securities // Florida Tax Review. — 2011. — No. 5. — P. 375–407.
24. Kornhauser M. E. The Story of Macomber: The Continuing Legacy of Realization // Tax Stories: An In-Depth Look at Ten Leading Federal Income Tax Cases. — New York: Foundation Press, 2009. — P. 93–135.
25. Kwall L. J. When Should Asset Appreciation Be Taxed? The Case for a Disposition Standard of Realization // Indiana Law Journal. — 2010. — No. 86. — P. 1–56.
26. Lehmann M., Held A., Krysa F., Prévost E., Schinerl F., Vogelauer R. Staking Your Crypto: What are the Stakes? // Journal of Business & Technology Law. — 2023. — Vol. 19. — P. 1–43.
27. Marian O. Law, Policy, and the Taxation of Block Rewards. 2022 // URL: <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/law-policy-and-taxation-block-rewards/2022/06/03/7dhq5>.
28. Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards // Tax Notes Federal. — 2019. — No. 4. — P. 748–972.
29. Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens // Tax Notes Federal. — 2023. — No. 178. — P. 669–680.
30. Thuronyi V. Comparative Tax Law. — Kluwer Law International, 2003. — 373 p.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.047-057

В. А. Алехин*

Современные вызовы финансово-правовому регулированию деятельности государственных внебюджетных фондов в условиях реализации концепции устойчивого социально-экономического развития России

Аннотация. Курс на устойчивое социально-экономическое развитие, в соответствии с целями устойчивого глобального развития ООН, был воспринят и поддержан Россией. Вместе с тем данные планы требуют долгосрочной реализации, перманентной корректировки и осознания того, что у целей устойчивого социально-экономического развития страны не может быть окончательного результата: они должны быть приняты государством, обществом и личностью как часть политики и общей культуры. Такое глубокое осознание приоритетности модернизации социально-экономической жизни общества требует серьезных изменений в массиве законодательных актов. В статье рассмотрены проблемы финансово-правового регулирования деятельности государственных внебюджетных фондов как институтов, обеспечивающих реализацию социальной функции государства. Автор поднимает проблему эффективности образования, распределения и использования средств публичных финансов государственных внебюджетных фондов. Обозначены предложения о создании финансово-правовых основ механизма инвестирования денежных средств государственных внебюджетных фондов. Сделаны выводы о том, что разработка новых финансово-правовых механизмов использования денежных средств государственных внебюджетных фондов должна следовать мировым тенденциям развития экономики, а также осуществляться с учетом риск-ориентированного подхода, чтобы государственные внебюджетные фонды могли гибко реагировать на новые вызовы и угрозы. Серьезность трансформации правовых основ использования денежных средств государственных внебюджетных фондов может потребовать внесения изменений в федеральные законы, в том числе в БК РФ, поскольку такие изменения не могут производиться исключительно на уровне подзаконного правотворчества.

Ключевые слова: государственные внебюджетные фонды; Социальный фонд РФ; Федеральный фонд обязательного медицинского страхования; территориальные фонды обязательного медицинского страхования; устойчивое социально-экономическое развитие; инвестирование публичных финансов; бюджет; алиментный фонд; фонд «Защитники Отечества»; финансовое право

Для цитирования: Алехин В. А. Современные вызовы финансово-правовому регулированию деятельности государственных внебюджетных фондов в условиях реализации концепции устойчивого социально-экономического развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 47–57. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.047-057

© Алехин В. А., 2026

* Алехин Владислав Анатольевич, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
alyohin.vladislav2015@yandex.ru

Contemporary Challenges to the Financial Law Regulation of State Extra-Budgetary Funds in the Context of Implementing Russia's Sustainable Socio-Economic Development Concept

Vladislav A. Alekhin, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
alyohin.vladislav2015@yandex.ru

Abstract. A course toward sustainable socio-economic development, in accordance with *the United Nations Sustainable Development Goals*, has been adopted and supported by the Russian Federation. At the same time, these plans require long-term implementation, continuous adjustment, and recognition of the fact that the goals of sustainable socio-economic development of a state cannot have a final outcome — they must be accepted by the state, society, and the individual as an element of public policy and as part of the overall culture. Such a profound awareness of the priority of modernizing the socio-economic life of society necessitates substantial changes in the body of legislative acts. The paper examines issues of financial and legal regulation of the activities of state extra-budgetary funds as institutions ensuring the implementation of the social function of the state. The author raises the problem of the efficiency of the formation, allocation, and use of public financial resources of state extra-budgetary funds. Proposals are formulated regarding the creation of financial and legal foundations for a mechanism of investing the monetary resources of state extra-budgetary funds. It is concluded that the development of new financial and legal mechanisms for the use of monetary resources of state extra-budgetary funds should be oriented toward global trends in economic development and should also be carried out with due regard to a risk-oriented approach, so that state extra-budgetary funds are able to respond flexibly to new challenges and threats. The significance of changes to the legal framework governing the use of monetary resources of state extra-budgetary funds may require amendments to federal legislation, including the Budget Code of the Russian Federation, since such changes cannot be implemented exclusively at the level of subordinate rule making.

Keywords: state extra-budgetary funds; Social Fund of the Russian Federation; Federal Compulsory Medical Insurance Fund; territorial compulsory medical insurance funds; sustainable socio-economic development; investment of public finances; budget; alimony fund; «Defenders of the Fatherland» Foundation; financial law

Cite as: Alekhin VA. Contemporary Challenges to the Financial Law Regulation of State Extra-Budgetary Funds in the Context of Implementing Russia's Sustainable Socio-Economic Development Concept. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):47-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.047-057

В 2015 г. ООН были разработаны 17 целей устойчивого глобального развития. Как указано в преамбуле соответствующей резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, «план будет осуществляться всеми странами и всеми заинтересованными сторонами, действующими в совместном партнерстве. Мы преисполнены решимости избавить человечество от тирании нищеты и нужды и исцелить и обезопасить нашу планету»¹. Утвержденный план представляет собой дорожную карту, следуя которой, все государства — члены ООН до 2030 г., вне зависимости от политического, социально-эконо-

мического, культурного, военного положения на мировой арене, должны серьезно продвигаться на пути к повышению как уровня благосостояния граждан, так и вклада в обеспечение стабильного и безопасного развития мирового порядка.

Вместе с тем, несмотря на универсальность данной концепции и приобретенный ею ореол плана реального решения ряда глобальных проблем, в настоящее время ее претворение в жизнь происходит неравномерно, не такими активными темпами, чтобы к 2030 г. были осуществлены цели ООН хотя бы в контексте рас-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

пространения осознания их значимости и принятия конкретных шагов для их реализации на уровне всего мирового сообщества. Цели, предполагающие искоренение обнищания населения, и иные социально значимые, обеспечение безопасности планеты по различным направлениям концепции устойчивого развития являются скорее долгосрочными, и их не представляется возможным достичь за те 15 лет, на которые рассчитана программа. Однако они должны стать основой для разработки других стратегически значимых плановых документов ООН. Представляется, что промежуточные результаты реализации концепции будут раскрывать недостатки и преимущества политики каждого конкретного государства в том или ином направлении, станут индикатором результативности деятельности самой ООН.

Цели устойчивого развития ООН при охвате различных сфер деятельности как национальных правительств, так и международных организаций обнажили, на наш взгляд, проблемы в основной сфере жизни общества, наиболее динамичной и заметной для граждан каждого государства, — социально-экономической. В этой связи очевидна положительная перспектива реализации устойчивого развития именно за счет разработки Российской Федерацией комплексного плана устойчивого социально-экономического развития, который должен являться стратегическим документом, основанным на оценке национальных социально-экономических особенностей, состояния правового регулирования в тех сферах, в которых необходимо добиться установленных в стратегическом документе результатов. Учет недостатков и преимуществ конкретного государства при обеспечении благосостояния граждан, внимание к постоянно трансформирующимся проблемам общества способны ускорить реализацию концепции устойчивого развития.

Данный шаг будет означать, что для конкретного национального правительства станут привычными те или иные действия, ориентированные на повышение эффективности реализации

социально-экономической политики по ряду направлений, число которых будет лишь возрастать по мере обнаружения новых рисков и вызовов. В этой связи Аналитический центр при Правительстве РФ в 2016 г. разработал глубокий обзорный документ — доклад «Цели устойчивого развития ООН и Россия»².

Аналитические сведения и выводы из них, представленные в данном докладе, позволяют сделать однозначный вывод о том, что организация стабильного и непрерывного повышения качества социально-экономической сферы жизни общества является приоритетом государства. Неслучайно статья 7 Конституции РФ, объявляющая Россию социальным государством, расположена в главе «Основы конституционного строя» и в дальнейшем развивается в ряде положений основного нормативного правового акта нашего государства, что свидетельствует о понимании направлений, благодаря совершенствованию которых растет благополучие граждан.

Кроме того, в 2020 г. в Конституцию РФ была включена статья 75.1, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан. Конституционные нормы в данной части так же, как и цели устойчивого развития ООН, свидетельствуют о постоянном стремлении государства к достижению социально-экономического благополучия, и недостижимость таких целей, объективная невозможность реализации их «раз и навсегда» не умаляют их значимости.

Представляется, что достижение целей построения социального государства, обеспечения социально-экономического благополучия населения, многокомпонентных, во всех смыслах высоко затратных и, безусловно, требующих риск-ориентированного подхода к созданию правовых основ их реализации, не мыслится без развития правового регулирования института государственных внебюджетных фондов (далее также — ГВФ). Именно на государственные внебюджетные фонды России возложена

² Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации «Цели устойчивого развития ООН и Россия». 2016 // URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).

обязанность по обеспечению пенсионной, медицинской, социально-трудовой поддержки граждан.

При создании эффективных организационных, финансово-правовых основ деятельности ГВФ, их количество будет увеличиваться, а значит, будет расти число задач таких фондов по осуществлению различных направлений государственной политики, от которых зависит устойчивое социально-экономическое развитие государства (в сфере науки, культуры, образования, транспорта, жилищного обеспечения, развития цифровизации и др.). Однако в настоящее время организация деятельности государственных внебюджетных фондов показывает недостаточную эффективность, что выражается в фактическом отсутствии их независимости от федерального бюджета, бюджетов субъектов Федерации (в отношении территориальных фондов обязательного медицинского страхования).

Проблема дефицита бюджетов государственных внебюджетных фондов ежегодно поднимается как в средствах массовой информации, так и в научно-исследовательской литературе, и небезосновательно. Так, дефицит бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2025 г., по сравнению с предыдущим годом, сократился более чем на 7 %. Однако в 2024 г., по сравнению с 2023 г., он увеличился более чем на 75 %³. При этом в 2024 г. планировалось, что в 2025 г. дефицит бюджета фонда будет в четыре раза ниже, чем

в итоге оказалось закреплено в законе о бюджете на 2025 г.

Показатели объема бюджета Социального фонда РФ по основным направлениям его деятельности ежегодно демонстрируют неоднозначные цифры: на 2025 г. увеличился дефицит бюджета на финансирование обязательного пенсионного страхования (по сравнению с 2024 г. почти в 3 раза, по сравнению с 2023 г. — в 53 раза); бюджет в части обеспечения обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством вместо профицитного, по сравнению с 2023 г., стал в 2024 г. дефицитным, а в 2025 г. — снова профицитным, даже более профицитным, чем в 2023 г.⁴

О. В. Болтинова подчеркивает, что государственные внебюджетные фонды выполняют на практике социальную функцию государства, поскольку предназначены для реализации конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение, социальное страхование, социальное обеспечение в случае безработицы, охрану здоровья и медицинскую помощь⁵. В этой связи представляется, что разработка и принятие законов о бюджетах ГВФ должны получать не менее пристальное внимание и проработку с учетом реальных показателей социально-экономического развития, чем федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ.

В условиях такой несбалансированности бюджетов ГВФ очевидна потребность не только

³ Федеральный закон от 05.12.2022 № 468-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // СЗ РФ. 2022. № 50. Ст. 8762 ; Федеральный закон от 27.11.2023 № 541-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СЗ РФ. 2023. № 49 (ч. III). Ст. 8658 ; Федеральный закон от 30.11.2024 № 422-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7413.

⁴ Федеральный закон от 05.12.2022 № 467-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8761 ; Федеральный закон от 27.11.2023 № 542-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СЗ РФ. 2023. № 49 (ч. III). Ст. 8659 ; Федеральный закон от 30.11.2024 № 423-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7414.

⁵ Болтинова О. В. Бюджетный процесс в Российской Федерации: теоретические основы и проблемы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2008. С. 22.

во внутреннем финансировании их дефицита или распределении профицита, но и в предоставлении межбюджетных трансфертов фондам и самими фондами. Так, О. С. Забралова справедливо отмечает, что анализ положений бюджетного законодательства, закрепляющих порядок предоставления межбюджетных трансфертов государственным внебюджетным фондам, позволяет сделать вывод об их обрывочном и несистематизированном характере⁶.

Действительно, в ст. 129 главы 16 БК РФ⁷, посвященной межбюджетным трансфертам, отсутствует подразделение на категории межбюджетных трансфертов, которые предоставляются из федерального бюджета государственным внебюджетным фондам. Что касается предоставления межбюджетных трансфертов из бюджетов ГВФ, то из гл. 16 БК РФ следует, что из Федерального фонда обязательного медицинского страхования бюджетам территориальных фондов обязательного медицинского страхования предоставляются субвенции и иные межбюджетные трансферты, а из бюджета Социального фонда РФ федеральному бюджету — иные межбюджетные трансферты. При этом порядок, условия, случаи иных межбюджетных трансфертов устанавливаются другими федеральными законами и Правительством РФ. Представляется, что такие правила БК РФ нарушают логику и единообразие федерального бюджетного законодательства, затрудняют реальные отношения по предоставлению межбюджетных трансфертов.

Президентом РФ в 2023 г. создан государственный фонд «Защитники Отечества», на который возложена функция социально-экономического обеспечения ветеранов боевых действий на Украине и членов их семей⁸. Данный фонд не был создан в качестве ГВФ, не получил функции

по обеспечению ветеранов боевых действий, принимавших участие в иных военных кампаниях. Представляется, что при существующем финансово-правовом регулировании деятельности государственных внебюджетных фондов и ежегодном состоянии их бюджетов в этом не было бы практического смысла ввиду перманентного дефицита бюджетов ГВФ, а также отсутствия правовых основ эффективного использования их денежных средств.

Например, Счетная палата РФ отмечает, что по результатам анализа информации только по 20 субъектам РФ за 2021–2023 гг. в использовании денежных средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования и территориальных фондов обязательного медицинского страхования были выявлены существенные диспропорции в структуре указанных затрат, а также признаки неэффективного использования выделяемых средств по различным направлениям деятельности медорганизаций⁹. Данные выводы свидетельствуют о том, что ГВФ ежегодно рискуют показать неспособность эффективного образования, распределения и использования фондов денежных средств, предназначенных для направлений государственной социальной политики, для обеспечения выполнения государством социальной функции, т.е. существуют серьезные опасения относительно самостоятельной возможности выполнения фондами тех задач, для которых они изначально создавались в рамках бюджетной системы РФ.

На протяжении ряда лет разрабатывается и обсуждается идея создания федерального государственного алиментного фонда, чтобы обеспечить защиту граждан, в первую очередь детей, от злостных неплательщиков алиментов.

⁶ Забралова О. С. Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3 (148). С. 54.

⁷ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁸ Указ Президента РФ от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции “Защитники Отечества”» // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2660.

⁹ Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Аудит использования средств обязательного медицинского страхования медицинскими организациями в 2021–2023 годах» (утв. Коллегией Счетной палаты РФ 22.12.2023) // URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/c10/1qr2l1q596wcmgfabm5c3fa1egea4usz.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

Так, данная проблема поднимается в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2022 г.¹⁰ В нем отмечается, что количество неоконченных исполнительных производств о взыскании алиментов на конец 2021 г. составляло 782,5 тыс., на конец 2022 г. — 771,2 тыс. По мнению Уполномоченного по правам человека в РФ, одним из вариантов повышения эффективности взыскания алиментов могло бы стать создание в Российской Федерации специального государственного алиментного фонда. С инициативой его учреждения также выступали законодатели¹¹; депутат Государственной Думы ФС РФ (ныне сенатор Совета Федерации ФС РФ) Е. В. Афанасьева на одном из заседаний заявляла, что создание государственного алиментного фонда «должно было быть реализовано еще вчера»¹².

Впрочем, Правительство РФ, давая отзыв на один из соответствующих законопроектов, направленных ему перед внесением в Государственную Думу РФ, обозначило, что федеральным и региональным законодательством предусматривается достаточный комплекс мер, направленных на понуждение должника к полному и своевременному исполнению содержащихся в исполнительном документе требований о взыскании алиментов¹³. Тем не менее представляется, что за всеми аргументами Правительства РФ стоит центральная проблема: данный фонд в основной части, если не полностью,

зависел бы от безвозмездных поступлений из федерального бюджета, а расходы на последующее взыскание алиментов с неплательщиков несли бы, опять же, федеральный и/или региональные бюджеты.

Так, сенатором Совета Федерации ФС РФ И. Ю. Святенко верно отмечено, что открытыми остаются вопросы, какие функции будут возложены на алиментный фонд, каковы источники его доходов (бюджетные и внебюджетные), кто будет иметь право обращаться за помощью, а также каким образом выплаченные средства будут возвращаться должниками¹⁴. Вместе с тем из доклада Уполномоченного по правам человека в РФ за 2024 г. следует, что поднятая проблема не теряет актуальности: пятую часть составляют жалобы, связанные с реализацией прав несовершеннолетних детей (неуплата алиментов на содержание ребенка). В сравнении с 2023 г. их число остается примерно на том же уровне¹⁵.

Считаем, что для обеспечения устойчивого социально-экономического развития ГВФ, борьбы с дефицитом их бюджетов и снижения зависимости от федерального и регионального бюджетов необходимо разработать финансово-правовые основы механизма инвестирования денежных средств данных фондов. В частности, в упомянутом ранее докладе Аналитического центра при Правительстве РФ сообщается, что в настоящее время лишь небольшая доля миро-

¹⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 г. // Российская газета. 2023. № 104.

¹¹ См., например: «Новые люди» направили на отзыв в кабмин законопроект о создании алиментного фонда // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20091285> (дата обращения: 01.05.2025).

¹² Стенограмма заседания Государственной Думы ФС РФ от 13.01.2010 по вопросу о проекте федерального закона № 254999-5 «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (об усилении наказания за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/254999-5> (дата обращения: 01.05.2025).

¹³ Правительство не поддержало идею создания алиментного фонда // URL: <https://rg.ru/2023/09/14/otcane-zameniati.html> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁴ Зачем нужен Государственный алиментный фонд — чем и кому он поможет? Интервью с Инной Святенко // URL: <https://er.ru/activity/news/zachem-nuzhen-gosudarstvennyj-alimentnyj-fond-chem-i-komu-on-pomozhet-intervyu-s-innoj-svyatenko> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 г. // Российская газета. 2025. № 41.

вых инвестиционных активов банков, пенсионных фондов, страховых компаний, фондов пожертвований, транснациональных корпораций ориентирована на секторы и регионы, которые способствуют устойчивому развитию.

В этой связи при разработке финансово-правовых основ инвестирования денежных средств ГВФ необходимо учитывать мировые инновационные практики. В частности, в Российской Федерации инвестирование денежных средств государственных внебюджетных фондов представлено исключительно вложением средств пенсионных накоплений в долгосрочные государственные ценные бумаги, прибыль от такой инвестиционной деятельности минимальна и появляется спустя длительный промежуток времени. Порой прибыль целиком поглощается инфляцией, поскольку государственные ценные бумаги, как правило, рассчитаны на долгосрочное инвестирование без гибкого учета изменения экономической ситуации.

Многие европейские фонды традиционно инвестируют в угольную промышленность, но поскольку последние результаты экспертиз показали, что добыча этих ископаемых в прежних объемах может привести к появлению особо опасных элементов в атмосфере, то немало пенсионных фондов сегодня стараются сократить объем активов в акциях угольных компаний, т.к. ожидается сокращение угольной промышленности¹⁶.

Таким образом, инвестиционная политика государственных внебюджетных фондов должна быть гибкой и динамичной, учитывать приоритетные направления политики государства не только в области социально-экономического развития. Например, в Великобритании с 2021 г. в связи с изменением пенсионного законодательства (Pension Schemes Act 2021) пенсионные фонды обязаны инвестировать денежные средства лишь в те проекты, которые соблюдают

экологическое законодательство в части снижения рисков изменения климата¹⁷. В силу п. 41A Pension Schemes Act нормативные акты могут устанавливать требования к попечителям или управляющим профессиональной пенсионной схемой с целью обеспечения эффективного управления с учетом последствий изменения климата. В данной части Pension Schemes Act соответствует целям устойчивого развития ООН и общемировой тенденции поддержки зеленой экономики.

Еще одной тенденцией инвестирования государственных финансов является возрастающий интерес государств к цифровым финансовым активам и криптовалюте. Так, 45 из 50 пенсионных фондов и страховых компаний Великобритании и США, сумма активов которых превышает 78 млрд долл., в ближайшее пять лет увеличат объем вложений в криптовалюты¹⁸. Представляется, что данная инвестиционная стратегия в России потребует переработки большого массива нормативных правовых актов в сфере регулирования основ деятельности государственных внебюджетных фондов и использования их денежных средств, а также принятия целого ряда новых законодательных актов с учетом всех вызовов и рисков в сфере оборота цифровых финансовых активов и криптовалюты.

Так или иначе, инновационные сферы экономики зачастую представляются опасными для стабильного социально-экономического развития. Однако данный факт должен вызывать интерес к их всестороннему исследованию посредством SWOT-анализа — выявления сильных и слабых сторон, возможностей и угроз. В нашей стране также высказывается идея о том, чтобы позволить гражданам самостоятельно инвестировать часть средств, принадлежащих ГВФ. Так, в одном из совместных докладов Минфина России и ЦБ РФ озвучено предложение

¹⁶ Александрова А. А., Смелова А. А. Мировой опыт инвестирования пенсионных средств корпоративными пенсионными фондами // Интерактивная наука. 2016. № 4. С. 63.

¹⁷ Pension Schemes Act 2021 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/1/contents> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁸ Hayward A. Institutional Investors Say They'll Buy More Bitcoin : Survey // URL: <https://decrypt.co/42464/institutional-investors-buy-more-bitcoin-survey> (дата обращения: 01.05.2025).

о предоставлении гражданам, у которых есть пенсионные накопления, права инвестировать их по своему выбору, хотя и при определенных условиях¹⁹.

В этой связи, несмотря на то что практика инвестирования средств ГВФ существенно отстает от реалий экономического развития, претерпевает во многих странах мира перенастройку, необходимо осознавать важность данного механизма как серьезного источника дохода данных фондов. При разработке финансово-правовых механизмов инвестирования средств фондов необходимо иметь в виду ряд факторов.

Во-первых, перед законодателями и правоприменителями должна стоять задача нивелировать основные риски инвестирования и разработать системы их предупреждения и предотвращения, поскольку ГВФ решают конституционно значимые задачи и способствуют реализации социальной функции государства. Во-вторых, необходима непрерывная работа по раскрытию и анализу инновационных сфер экономики, перспективных для инвестирования с учетом риск-ориентированного подхода. В-третьих, инвестирование должно быть социально ориентированным, т.е. таким, чтобы укрепить курс государства на устойчивое развитие посредством поддержки социально значимых отраслей экономики, например зеленой экономики, проектов, направленных на развитие здравоохранения, образования и науки, культуры, и др.

Представляется, что для этих целей необходима система сотрудничества ГВФ с субъектами экономики, осуществляющими деятельность в сфере социально значимого предпринимательства в формате государственно-частного партнерства. Следовательно, возникает острая потребность в разработке механизма правового регулирования такого взаимодействия. Кроме

того, публичные финансы требуют повышенной защиты и обеспечения соответствующего уровня безопасности образования, распределения и использования фондов денежных средств, предназначенных для инвестирования, особенно при пересечении их правового регулирования с регламентацией использования частных финансов, поскольку публичные финансы, в том числе денежные средства ГВФ, являются материальной основой для реализации национальных интересов России.

Правительством РФ в целях оказания содействия субъектам Федерации в пилотной апробации проектов социального воздействия, которые направлены на достижение социально значимых эффектов и реализация которых осуществляется за счет средств организаторов проекта социального воздействия, с предоставлением организаторам проекта гранта в форме субсидии из бюджетов субъектов РФ при условии достижения ими установленных показателей социального эффекта, разработано Положение об организации такой новой формы государственно-частного партнерства²⁰. Данное Положение нацелено на повышение эффективности и качества оказания государственных и муниципальных услуг (выполнения работ) путем применения новых инструментов финансирования проектов, направленных на достижение социально значимых эффектов.

Новые инструменты финансирования государственных (муниципальных) услуг должны быть направлены на покрытие предстоящих расходов поставщиков социально значимых услуг. Такие инструменты предполагают привлечение средств частных инвесторов на решение социальных задач, а средства из бюджета бюджетной системы Российской Федерации предоставляются только после достижения социально значимого эффекта. При этом поставщик услуг

¹⁹ Минфин предложил разрешить самостоятельно инвестировать пенсионные накопления // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/09/08/939808-razreshit-rossiyanam-investirovat-pensionnie?yclid=ldondhbsvo685206043> (дата обращения: 02.05.2025).

²⁰ Положение об организации проведения субъектами Российской Федерации в 2019–2024 годах пилотной апробации проектов социального воздействия (утв. постановлением Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491) // СЗ РФ. 2019. № 48. Ст. 6836.

получает финансирование на реализацию проекта заблаговременно²¹.

Следовательно, Правительством РФ было решено устранить риски инвестирования средств публичных финансов, предоставляя государственное финансирование лишь постфактум. При этом проблема недофинансирования проектов, на наш взгляд, не устраняется: привлечение средств частных инвесторов в сферу социально значимых проектов представляется довольно длительным процессом, поскольку такие проекты редко способны принести инвестору быструю и существенную прибыль ввиду их специфики, выражающейся в отсутствии получения прибыли как основной цели реализации.

Кроме того, неясно, какое финансирование поставщик услуг получает заблаговременно, если средства публичных финансов предоставляются только после достижения социально значимого эффекта. Отсутствие дефиниций понятия «новые инструменты финансирования государственных (муниципальных) услуг» и иных создаст неопределенность правового регулирования инвестиций средств публичных финансов. Практически полное отсутствие на уровне БК РФ и федеральных законов четкого правового механизма осуществления подобных инвестиций в социально значимые проекты является угрозой устойчивости бюджетной системы РФ, поскольку неверно регулировать данную сферу через подзаконные акты Правительства РФ, проводить стратегическое планирование без согласованных между собой правовых основ реализации программных документов.

При этом Правительство РФ в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. справедливо указывает, что обзоры бюджетных расходов не заканчиваются разработкой предложений в части мер экономии, а подразумевают обязательную имплементацию этих предложений (или их части) при формировании федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансо-

вый год и плановый период. Представляется, что информация о таких проектах, источниках финансирования в разрезе конкретных проектов должна быть открытой и публиковаться Правительством РФ и соответствующими главными распорядителями бюджетных средств, в том числе ГВФ.

В 2025 г. Концепция и Положение об организации проведения субъектами РФ в 2019–2024 гг. пилотной апробации проектов социального воздействия исчерпали срок реализации. Соответственно, одним из основных показателей эффективности использования тех бюджетных инструментов финансирования частных социально значимых проектов, которые предполагались Правительством РФ для реализации в субъектах РФ, будет создание программных документов в данной сфере на новые периоды с внесением необходимых изменений в федеральные законы.

Таким образом, несмотря на глобальную невозможность достижения целей устойчивого социально-экономического развития ни одним государством мира, тем не менее разработанные ООН направления государственной политики в данной сфере не только являются лакмусовой бумажкой социально-экономического развития, но и помогают определить риски, угрозы и вызовы по тем или иным направлениям государственной политики. В этой связи Россия как социальное государство не могла не воспринять стремление ООН к обеспечению устойчивого социально-экономического развития. При этом важно помнить о том, что соответствующая резолюция ООН не является четкой дорожной картой. Концепция устойчивого социально-экономического развития должна осуществляться Россией через призму ее исторического, культурного, политического, экономического опыта. В каждом государстве существует множество национальных особенностей, которые необходимо учитывать при выстраивании собственной политики в сфере устойчивого социально-экономического развития. Так, в Российской Федерации одним из достижений в направлении построе-

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах» // СЗ РФ. 2019. № 6. Ст. 542.

ния социального государства является создание института государственных внебюджетных фондов. Это один из центральных элементов отечественной финансовой системы. В этой связи образование, распределение и использование денежных средств ГВФ должны быть урегулированы финансово-правовыми нормами таким образом, чтобы за счет данной части публичных финансов достигалась независимость бюджетов ГВФ от бюджетов различных уровней бюджетной системы России, удовлетворялись соответствующие социальные потребности граждан и повышалась эффективность реализации государством социальной функции.

Приходится констатировать, что на современном этапе развития института государственных внебюджетных фондов России их бюджеты не являются сбалансированными, зачастую расходы существенно превышают доходную часть. В сложившейся ситуации нуждаются в конкретизации и систематизации положения БК РФ о межбюджетных трансфертах бюджетам ГВФ и их предоставлении за счет бюджетов ГВФ.

Существующие проблемы правового регулирования организационных и финансовых основ деятельности ГВФ не позволяют государству создавать новые подобные фонды ввиду не только отсутствия соответствующего правового порядка образования иных, помимо уже действующих, фондов, но и, как представляется, в силу обостренных опасений насчет того, что бюджеты новых ГВФ будут существенно зависеть от иных бюджетов бюджетной системы России. В этой связи предлагается на законодательном уровне закрепить правовой механизм инвестирования денежных средств государственных внебюджетных фондов в частные, государственно-частные проекты, в результате чего будет повышаться доходность их бюджетов за счет инвестиционной прибыли.

Наиболее перспективными для вложений представляются инновационные сферы экономики (проекты в рамках развития концепции «цифровая экономика», проекты социального предпринимательства). Само по себе инвестирование является рискованной деятельностью. Однако, как было отмечено ранее, данный факт должен вызывать интерес к всестороннему исследованию потенциальных инвестиционных схем посредством SWOT-анализа — выявления сильных и слабых сторон, возможностей и угроз. Исходя из изложенного, законодателю необходимо разработать такой правовой механизм инвестирования денежных средств государственных внебюджетных фондов, который соответствовал бы достижению целей устойчивого социально-экономического развития РФ и при этом нивелировал бы риски инвестирования, защищал бы данный сектор публичных финансов от вызовов и угроз в сфере инвестиционной деятельности.

В настоящее время правовое регулирование деятельности ГВФ (организационно-правовые, финансово-правовые основы, в частности соответствующие нормы БК РФ) находится в стагнации, что существенно затрудняет участие данных фондов в реализации актуальных направлений социально-экономической политики государства. Представляется, что наряду с постоянно действующими законодательными основами инвестиционной деятельности государственных внебюджетных фондов необходима разработка документов стратегического планирования, рассчитанных на различные сроки реализации, позволяющих осуществлять целеполагание, взвешивать основные риски инвестиционной деятельности и пути преодоления угроз, оценивать социальный эффект от инвестиционной деятельности ГВФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александрова А. А., Смелова А. А.* Мировой опыт инвестирования пенсионных средств корпоративными пенсионными фондами // *Интерактивная наука*. — 2016. — № 4. — С. 61–67.
2. *Болтинова О. В.* Бюджетный процесс в Российской Федерации: теоретические основы и проблемы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. — М., 2008. — 42 с.
3. *Забралова О. С.* Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // *Актуальные проблемы российского права*. — 2023. — № 3 (148). — С. 40–55.

Материал поступил в редакцию 21 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrova A. A., Smelova A. A. Mirovoy opyt investirovaniya pensionnykh sredstv korporativnymi pensionnymi fondami // *Interaktivnaya nauka*. — 2016. — № 4. — S. 61–67.
2. Boltinova O. V. Byudzhетnyy protsess v Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie osnovy i problemy razvitiya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.14. — M., 2008. — 42 s.
3. Zabalova O. S. Gosudarstvennye vnebyudzhетnye fondy kak subekty finansovykh pravootnosheniy // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2023. — № 3 (148). — S. 40–55.

Оспаривание прокурором соглашения об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей: миф или реальность?

Аннотация. В статье рассматривается вопрос применения прокурорами полномочия по оспариванию в суде соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей по основанию существенного нарушения интересов несовершеннолетнего условиями предоставления содержания. Исследуются содержание и особенности специального основания признания судом алиментного соглашения недействительным, задачи и статус прокурора, обращающегося в суд с требованием о признании соглашения недействительным в публичном интересе. Уделено внимание источникам информации для прокурора о нарушении прав несовершеннолетних условиями таких соглашений. Проанализирована судебная практика рассмотрения дел об оспаривании соглашений об уплате алиментов по специальному основанию по искам законных представителей несовершеннолетних. Сделаны выводы о необходимости проведения комплексного анализа практики правоприменения в части соблюдения интересов несовершеннолетних при заключении алиментных соглашений, принятии прокурорами иных мер в целях обеспечения прав детей на содержание, а также об изменении законодательства.

Ключевые слова: прокурор; прокурорский надзор; участие прокурора в суде; несовершеннолетние; злоупотребления со стороны родителей; защита прав и интересов детей; алименты; соглашение об уплате алиментов; признание алиментного соглашения недействительным; публичный интерес; последствия недействительности сделки

Для цитирования: Победоносцева Е. Н. Оспаривание прокурором соглашения об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 58–72. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.058-072

© Победоносцева Е. Н., 2026

* Победоносцева Евгения Николаевна, государственный советник юстиции 3 класса, в отставке с должности заместителя начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации — начальника управления по надзору за соблюдением прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних Балаклавский просп., д. 16, г. Москва, Российская Федерация, 117452
Zhi78@mail.ru

Challenging a Child Support Agreement by the Prosecutor: Myth or Reality?

Evgenia N. Pobedonostseva, State Counsellor of Justice, Class 3, retired from the position of Deputy Head of the Main Directorate for Supervision over the Execution of Federal Legislation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; Head of the Directorate for Supervision over the Observance of the Rights, Freedoms, and Legitimate Interests of Minors, Moscow, Russian Federation
Zhi78@mail.ru

Abstract. The paper examines the exercise by prosecutors of their authority to challenge in court child support agreements concerning minor children on the ground that the terms governing the provision of maintenance substantially violate the best interests of the minor. The paper examines the content and peculiarities of the special basis for the recognition by the court of an alimony agreement as invalid, the tasks and status of the prosecutor filing a motion to the court with a demand to invalidate the agreement in the public interest. The paper elucidates, for example, that a prosecutor considers sources of information about the violation of the rights of minors by the terms of alimony agreements. The author analyzes the judicial practice of considering cases of challenging agreements on the payment of alimony on a special basis on claims of legal representatives of minors. The paper concludes on the need for a comprehensive analysis of the practice of law enforcement in terms of observing the interests of minors when concluding alimony agreements, the adoption by prosecutors of other measures to ensure the rights of children to maintenance, as well as on changes in legislation.

Keywords: prosecutor; prosecutorial oversight; participation of the prosecutor in court; minors; parental abuse; protecting the rights and interests of children; alimony; alimony agreement; recognition of the alimony agreement as invalid; public interest; consequences of invalid transaction

Cite as: Pobedonostseva EN. Challenging a Child Support Agreement by the Prosecutor: Myth or Reality? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):58-72. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.058-072

Соблюдение права несовершеннолетних детей на алименты со стороны родителей является одним из предметов проверок при осуществлении прокуратурой РФ надзорных функций¹. В большей степени проблема нарушения этого права связана с неисполнением судебных решений о взыскании алиментов, что определяет фокус прокурорского надзора — исполнение законов судебными приставами. Вместе с тем родители, стремящиеся сохранить уровень заботы об общих детях и понимающие ответственность за обеспечение их жизненных потребностей и личностное развитие, при растор-

жении брака или ином прекращении отношений выбирают внесудебные способы урегулирования вопросов содержания детей. Согласно данным Минюста России, за последние пять лет (в 2020–2024 гг.) нотариусами в стране удостоверено более 173 тыс. соглашений об уплате алиментов².

По смыслу закона алиментное соглашение направлено на предотвращение потенциального конфликта между родителями ребенка «таким образом, чтобы обеспечить приоритетную защиту наиболее экономически слабых членов семьи... или, напротив, предусмотреть дополнительные возможности для их обеспечения»³.

¹ П. 2.1.8 приказа Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. 2022. № 2.

² В 2020 г. — 37 275, в 2021 г. — 36 374, в 2022 г. — 34 930, в 2023 г. — 29 558, в 2024 г. — 34 915. См.: Сводные отчеты по Минюсту России по форме № 5-1 «Сведения о нотариате в Российской Федерации» // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/statistic/> (дата обращения: 26.08.2025).

³ Летова Н. В. Соглашения и договоры в сфере семейных отношений: соотношение и особенности правового регулирования // Государство и право. 2023. № 6. С. 129. DOI: 10.31857/S102694520025930-4.

Презумпция добросовестности родителей предполагает, что при заключении таких соглашений они действуют в интересах детей. Однако на деле соглашение не всегда учитывает права и интересы самого несовершеннолетнего, нередко случаи различных злоупотреблений: начиная от манипуляций со стороны более материально обеспеченной стороны, когда родитель, являясь законным представителем ребенка, тем не менее реализует собственный интерес, и заканчивая уклонением от исполнения долговых обязательств посредством установления в соглашении завышенных размеров содержания, не обеспеченных возможностью реального исполнения. С изменением социально-экономической ситуации расширяются пределы усмотрения родителей в выборе условий и способов алиментирования, а потому опосредованно увеличиваются возможности для ухищрений, позволяющих плательщику алиментов нарушать обязательства и избегать за это ответственности: например, невыполнение соглашения в части предоставления имущества в счет уплаты алиментов не повлечет ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ, т.к. данная норма устанавливает наказание только за неуплату денежных средств по нотариально удостоверенному соглашению об уплате алиментов.

Диспозитивные начала регулирования алиментных отношений предполагают определение условий такого содержания на основе договоренностей между родителями, в то же время публично-правовая составляющая семейного законодательства обеспечивает интерес государства в приоритетной защите прав и интересов несовершеннолетнего вне зависи-

мости от достигнутого его родителями соглашения об уровне, о способах и порядке содержания ребенка. В частности, статья 102 СК РФ предоставляет прокурору⁴ право обратиться в суд с требованием о признании соглашения об уплате алиментов недействительным, если предусмотренные таким соглашением условия предоставления содержания несовершеннолетнему ребенку существенно нарушают его интересы.

Как разъясняется Верховным Судом РФ, в силу п. 1 ст. 101 СК РФ соглашение об уплате алиментов может быть признано судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным ГК РФ, к которым, в частности, относятся заключение соглашения с лицом, признанным недееспособным (ст. 171 ГК РФ), под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ), мнимые и притворные соглашения (ст. 170 ГК РФ)⁵.

Установленное статьей 102 СК РФ специальное основание не исключает оспаривания соглашения и по другим основаниям, предусмотренным ГК РФ, в том числе прокурором в соответствии со ст. 45 ГПК РФ.

В научной литературе и среди юристов-практиков развернулась широкая дискуссия о вопросах, касающихся оспаривания алиментных соглашений законными представителями детей, кредиторами плательщиков, а также финансовыми управляющими в делах о банкротстве граждан, ответ на которые предполагает разрешение дилеммы о балансе интересов несовершеннолетнего ребенка и кредиторов должника⁶. Однако приходится констатировать, что обозначенная тема не исследуется. При этом прокуро-

⁴ Помимо него, законному представителю несовершеннолетнего ребенка и органу опеки и попечительства.

⁵ П. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

⁶ См.: *Артемова Ю. А.* Оспаривание соглашений об уплате алиментов на несовершеннолетних детей // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 5. С. 224–227; *Ломакина П. А.* Оспаривание алиментных соглашений в банкротстве. Поиск баланса интересов детей и конкурсных кредиторов // Закон. 2018. № 6. С. 62–68; *Чефранова Е. А.* Недействительность части сделки как результат оспаривания соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина // Семейное и жилищное право. 2024. № 4. С. 15–19. DOI: 10.18572/1999-477X-2024-4-15-19.

рами предоставленное законом полномочие не используется, что стало поводом упрекнуть ведомство в «пассивной позиции»⁷. В связи с этим предпримем попытку рассмотреть некоторые вопросы и возможные сложности именно в контексте деятельности органов прокуратуры и статуса прокурора, определяемого Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре). Остановимся на специальном основании для обращения прокурора в суд с требованием о признании соглашения об уплате алиментов недействительным — существенном нарушении интересов несовершеннолетнего ребенка условиями предоставления ему содержания, предусмотренными соглашением (ст. 102 СК РФ).

Очевидно, что «существенное нарушение интересов» — категория оценочная, четко перечня ее критериев ни закон, ни разъяснения высших судебных инстанций не предусматривают; разделяем мнение авторов⁸ о том, что названное в ст. 102 СК РФ несоблюдение требования п. 2 ст. 103 СК РФ о недопустимости установления соглашением размера алиментов ниже размера алиментов, которые несовершеннолетний мог бы получить при их взыскании в судебном порядке, не является единственным специальным основанием для признания соглашения недействительным. Д. Б. Савельев, например, в числе таких оснований называет условия, ухудшающие положение ребенка по сравнению с

законом: «устанавливающие дополнительные основания к прекращению алиментной обязанности, освобождению от ответственности плательщика в случае просрочки выплаты алиментов»⁹. Е. А. Усачева утверждает, что существенно нарушают интересы получателя алиментов сокращение перечня видов доходов, из которых производится удержание алиментов, при установлении алиментов на содержание ребенка в долях к доходу плательщика (в сравнении с СК РФ и перечнем видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей¹⁰) и «невыгодный для получателя способ или порядок уплаты алиментов, например безосновательная и нецелесообразная замена периодических выплат предоставлением имущества, в котором получатель алиментов не нуждается»¹¹.

О. Ю. Косова обращает внимание на случаи единовременной выплаты алиментов в явно заниженном размере, передачи в счет алиментов имущества, подвергшегося существенному износу, требующего капитального ремонта либо по иным причинам неспособного обеспечивать жизненные потребности ребенка, в частности в жилье (отдаленность, самовольная постройка и пр.), а также предоставления в значительном количестве определенных вещей, непосредственно не связанных с удовлетворением основных жизненных потребностей ребенка (например, техники, канцелярских принадлежностей и пр.)¹². Соглашаясь с автором в квалификации

⁷ Кравчук Н. В. Международно-правовой аспект права ребенка на получение содержания от родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 1. С. 96–104.

⁸ См.: Зайцева Т. И. Защита семейных прав в нотариальной практике // Бюллетень нотариальной практики. 2003. № 4. С. 15; Косова О. Ю. Семейное право: учебник. Иркутск, 2016. С. 355–356; Михайлов Ф. Н. К вопросу о порядке взыскания алиментов по соглашению об уплате алиментов // Юрист. 2008. № 3. С. 15; Титаренко Е. И. Влияние частного и публичного интереса на формирование содержания соглашения об осуществлении семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 1 (81). С. 223–224; Шевчук С. С., Зыбина О. С., Толстова А. Е. Система семейно-правовых договоров: монография. СПб., 2022. С. 81–82, 121–122.

⁹ Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере: учебное пособие. М.: Проспект, 2017.

¹⁰ В настоящее время утвержден постановлением Правительства РФ от 02.11.2021 № 1908.

¹¹ Усачева Е. А. Соглашение об уплате алиментов в российском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 137–138, 193.

¹² Косова О. Ю. Семейное право. С. 356–357; Она же. Соглашения об уплате алиментов: вопросы содержания и применения // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 37.

таких случаев, отметим, что в отношении как минимум последнего из них сомнения появятся у нотариуса и соглашение об уплате алиментов не будет им удостоверено.

Высказывается мнение, что как существенное нарушение суд «может расценить и условие о выплате алиментов только до 16-летнего возраста, и отсутствие условия об индексации алиментов»¹³. На наш взгляд, все-таки действительность соглашения не будет поставлена под сомнение при отсутствии условия об индексации: согласно ст. 105 СК РФ, если в соглашении об уплате алиментов не предусматривается порядок индексации, она будет производиться в соответствии со ст. 117 СК РФ, а с учетом добровольности заключения соглашения ограничение его сроком действия (до достижения ребенком определенного возраста) не исключает возможности заключения нового соглашения или взыскания алиментов в судебном порядке (п. 1, 2 ст. 80 СК РФ).

Спорным также представляется суждение Н. А. Ивановой о том, что условие о выплате алиментов не ежемесячно, а ежеквартально, будет нарушать интересы детей, «регулярно нуждающихся в предоставлении средств на получение содержания»¹⁴. Закон не предусматривает императивных правил в части установления соглашением периодичности выплат, а потому с учетом открытого перечня способов уплаты алиментов в статье 104 СК РФ (к слову сказать, предусматривающей алименты в твердой денежной сумме, уплачиваемой периодически)

отступление от ежемесячного режима выплат в соглашении допустимо и не будет означать существенного нарушения интересов ребенка. Добросовестность родителя, совместно с которым проживает ребенок, в части рационального расходования получаемых алиментов презюмируется.

В целом, исходя из того, что размер, условия (способы) и порядок выплаты алиментов должны быть обязательными элементами соглашения¹⁵ (ст. 99, 103, 104 СК РФ), нарушение интересов ребенка любым из них может рассматриваться как материально-правовое основание обращения прокурора в суд в порядке ст. 102 СК РФ и его существенность будет оцениваться в каждом конкретном случае. Вместе с тем целесообразно устранение терминологической несогласованности норм СК РФ: в ст. 99 «условие» в значении обязательного элемента соглашения об уплате алиментов предлагается заменить термином «способы», который употреблен законодателем в ст. 104 о способах и порядке уплаты алиментов. Этот корректив позволит однозначно толковать используемое в ст. 102 СК РФ понятие «условие предоставления содержания» как касающееся и размера, и способа, и порядка уплаты алиментов (исключит его отождествление с содержащейся сейчас в ст. 99 Кодекса категорией «условие»).

Поскольку соглашение об уплате алиментов как семейно-правовое¹⁶ должно базироваться на нормах морали и нравственности, а также на ценности сохранения бесконфликтных се-

¹³ См., например: *Вишнякова А. В.* Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Контракт, 2011.

¹⁴ *Иванова Н. А.* Основания признания недействительным соглашения об уплате алиментов: проблемы теории и практики // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : материалы IV Международной научно-практической конференции : в 2 т. Тамбов : Державинский, 2020. Т. 2. С. 62.

¹⁵ О существенных условиях алиментного соглашения см.: *Артемова Ю. А., Зимаков А. М., Сергеева В. В.* Правовые аспекты применения соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в России // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 191–192 ; *Усачева Е. А.* Соглашение об уплате алиментов: существенные условия договора и реквизиты исполнительного документа // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 85–86 ; *Шевчук С. С., Зыбина О. С., Толстова А. Е.* Указ. соч. С. 79, 117.

¹⁶ О квалификации алиментного соглашения как семейно-правового договора (соглашения) см.: *Беспалов Ю. Ф.* Защита гражданских и семейных прав ребенка в Российской Федерации : учебно-практическое пособие. М. : Ось-89, 2004. С. 112 ; *Усачева Е. А.* Соглашение об уплате алиментов в российском семей-

мейных отношений, имеющих лично-доверительный характер, при оценке существенности нарушения интересов несовершеннолетнего ребенка условиями такого соглашения должны учитываться и обстоятельства, характеризующие социально-этическими категориями. Изучению, в частности, полагаем, подлежат уровень жизнеобеспечения ребенка, сложившийся до заключения соглашения¹⁷; объективность определения доходов плательщика, исходя из которого устанавливается размер алиментов по соглашению (например, при намеренном изменении плательщиком места работы на менее выгодные условия, сокрытии доходов иным образом и т.п.); соотношение одновременно выплачиваемой суммы денежных средств либо стоимости имущества, предоставляемого в счет уплаты алиментов, и размера потенциального содержания, определяемого в соответствии с законом, до совершеннолетия ребенка; срок предоставления указанных денежных средств и имущества и т.д. Такой анализ согласуется с идеей законодателя, выраженной в регулировании назначения алиментов в твердой денежной сумме: пункт 2 ст. 83 СК РФ побуждает суд исходить из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств.

В то же время следует согласиться с Е. А. Усачевой в том, что несоответствие условий алиментного соглашения требованиям п. 2

ст. 103 СК РФ не всегда безусловно повлечет признание его судом недействительным: «поскольку в силу п. 2 ст. 81 СК РФ с учетом заслуживающих внимания обстоятельств жизни сторон размер алиментов на несовершеннолетних детей, предусмотренный пунктом 1 ст. 81 СК РФ, может быть уменьшен... суд может отказать в иске... если придет к выводу об обоснованности соответствующих условий соглашения, исходя из материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств»¹⁸.

Проведенный анализ судебной практики применения ст. 102 СК РФ по искам иных субъектов показал невысокое разнообразие споров. Верховный Суд РФ в 2015 г. отмечал случаи признания соглашения об уплате алиментов недействительным по требованию законных представителей несовершеннолетних по специальному основанию, прямо предусмотренному названной статьей¹⁹. В связи с установлением заниженного размера алиментов в твердой денежной сумме соглашения, как правило, оспариваются и в настоящее время²⁰; обращение в суд продиктовано получением истцом информации о сокрытии ответчиком при заключении соглашения действительного размера доходов, неисполнением плательщиком алиментов принятых на себя обязательств.

При оценке условий алиментного соглашения суды опираются на ст. 81 и п. 3 ст. 103 СК РФ и соотносят размер алиментов, о котором договорились стороны, с доходами плательщика,

ном праве. С. 49–50, 54–56, 63–64, 66–86 ; *Чефранова Е. А.* Указ. соч. С. 15 ; *Шевчук С. С., Зыбина О. С., Толстова А. Е.* Указ. соч. С. 9–18, 77–78, 115–119.

¹⁷ См., например: апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.11.2018 по делу № 33-50905/2018 // СПС «Гарант».

¹⁸ *Усачева Е. А.* Соглашение об уплате алиментов в российском семейном праве. С. 191.

¹⁹ Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

²⁰ Решения Елизовского районного суда Камчатского края от 09.06.2025 по делу № 2-1126/2025 ; Каспийского городского суда Республики Дагестан от 17.03.2020 по делу № 2-533/2020 ; апелляционные определения судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 12.04.2021 по делу № 33-15326/2021 ; судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 13.07.2021 по делу № 33-7287/2021 ; судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 09.11.2021 по делу № 33-3-10511/2021 // СПС «Гарант».

исходя из которых они рассчитывались бы при взыскании в судебном порядке. Например, истица требовала в судебном порядке признать недействительным дополнительное соглашение к алиментному соглашению, содержащее условия о предоставлении земельного участка и о ежемесячной выплате в твердой денежной сумме, поскольку эта сумма была менее размера прожиточного минимума. Суд, отказав в иске, мотивировал решение тем, что общая сумма выплаченных алиментов существенно превышала как доходы плательщика, так и алименты, которые ребенок мог бы получить при взыскании в судебном порядке²¹. По другому делу суд, удовлетворяя иск матери детей, посчитал, что условие соглашения об уплате алиментов в твердой денежной сумме — 25 тыс. руб. на троих детей — существенно нарушает их права и интересы, поскольку эта сумма значительно меньше той, которую истица могла бы получать по исполнительному листу, исходя из заработной платы ответчика, подтвержденной справками работодателя²². Судами одновременно с признанием соглашения недействительным при наличии оснований с ответчиков взыскивались алименты на детей в размере, предусмотренном законом (ст. 81, 83 СК РФ).

Практика оспаривания соглашений, предполагающих уплату алиментов путем предоставления имущества, невелика. Например, Белореченский районный суд Краснодарского края, поддержав позицию отца ребенка, выплачивающего алименты также по судебному решению, признал недействительным соглашение об

уплате алиментов, по условиям которого имущество в нарушение интересов ребенка передавалось в собственность его матери²³.

В отдельных случаях суды, ссылаясь на статью 102 СК РФ, подлежащую применению при разрешении спора, отказывали в удовлетворении иска об оспаривании соглашения по мотиву пропуска срока исковой давности²⁴. В то же время, рассматривая дела по искам субъектов, не названных в данной норме, суды оценивали доводы сторон, что представляется излишним, и через ее призму, обосновывая решение соответствием либо несоответствием условий алиментного соглашения п. 2 ст. 103 СК РФ²⁵.

С учетом цели вмешательства прокурора в семейные правоотношения — защиты ребенка от злоупотреблений со стороны родителей (п. 2 ст. 56 СК РФ) — заявляемый им иск не должен приводить к ухудшению положения несовершеннолетнего, при формулировании требования необходимо исходить из наилучшего обеспечения интересов ребенка²⁶, принимая во внимание конкретные обстоятельства. В связи с этим интересен вопрос о частичном сохранении силы алиментного соглашения в случае, если оно, наряду с оспариваемыми, содержит иные условия содержания несовершеннолетнего, способствующие удовлетворению его потребностей (т.е. о признании недействительной части соглашения). И если при включении в соглашение неправомерного условия об освобождении алиментобязанного лица от ответственности за несвоевременную уплату алиментов действия прокурора понятны, то в отношении условий

²¹ Решение Бутырского районного суда г. Москвы от 24.03.2023 по делу № 2-100/2023 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/butyrskij/services/cases/civil/details/699bf091-90ae-11ed-8fbe-1f248e719b69?caseNumber=02-0100/2023> (дата обращения: 26.08.2025).

²² Решение Ногинского городского суда Московской области от 26.09.2023 по делу № 2-4700/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NIQjINENCOZj/?ysclid=mesd0gyba2704884721> (дата обращения: 26.08.2025).

²³ Решение от 24.05.2023 по делу № 2-1292/2023 // СПС «Гарант».

²⁴ См.: решение Щербинского районного суда г. Москвы от 14.03.2023 по делу № 02-4772/2023 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/civil/details/9772e190-95ae-11ed-a262-ade65887fd64?caseNumber=02-4772/2023> (дата обращения: 26.08.2025).

²⁵ См.: апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 17.06.2025 по делу № 33-1586/2025 // СПС «Гарант».

²⁶ П. 2 ст. 3 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

о размере алиментов, включающих несколько обязательств, в том числе по предоставлению имущества, решение не всегда очевидно. Возможность частичного признания соглашения недействительным подчеркнул Верховный Суд РФ, ссылаясь на субсидиарное применение норм ГК РФ, регулирующих, в частности, признание недействительными гражданско-правовых сделок²⁷. Согласно ст. 180 ГК РФ недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной части. Верховный Суд РФ также указал, что, признавая сделку недействительной в части, суд в решении приводит мотивы, исходя из которых им был сделан вывод о том, что сделка была бы совершена сторонами и без включения недействительной части; при этом в силу п. 1 и 4 ст. 421 ГК РФ признание судом недействительной части сделки не должно вести к тому, что сторонам будет навязан договор, который они не намеревались заключать. В связи с этим при принятии решения о признании недействительной части сделки или сделки в целом суду следует вынести данный вопрос на обсуждение сторон (ст. 56 ГПК РФ)²⁸. Бесспорно, эти правила подлежат применению при возбуждении и рассмотрении дел в соответствии со ст. 102 СК РФ. Наряду с этим с учетом специфики алиментного соглашения представляется, что требования прокурора должны формулироваться исходя из того, насколько полно для уровня жизни, необходимого для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития²⁹, соглашением, за изъятием признаваемой недействительной части, будет обеспечено содержание ребенка.

Неоднозначен вопрос о целесообразности вмешательства прокурора, когда соглашение, наряду с алиментными платежами в приемлемом размере (в частности, устанавливаемом судами, соответствующем 1/2 величины про-

житочного минимума для несовершеннолетних в субъекте Российской Федерации), содержит условие о предоставлении несовершеннолетнему дополнительного обеспечения, в связи с которым возникли сомнения в соблюдении интересов ребенка, например о предоставлении имущества, нуждающегося в ремонте. С одной стороны, состояние такого имущества, необходимость его содержания могут повлечь расходы, которые будут обременительными для получателя алиментов, с другой — при условии допустимых вложений такое имущество в будущем может обеспечить удовлетворение потребности ребенка в жилье и т.п., а при рациональном использовании (сдача в аренду и пр.) — приносить доход, который может быть направлен на содержание ребенка. Как видим, универсального решения быть не может, в каждом конкретном случае подлежат учету индивидуальные обстоятельства, но всегда для наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Отметим, что само по себе признание алиментного соглашения недействительным не приведет к обеспечению права несовершеннолетнего на содержание; с этим, полагаем, связана одна из причин, по которой прокурорами не используется рассматриваемое полномочие. Соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, о чем уже упоминалось, — внесудебная альтернатива обеспечения содержания ребенка его родителями, а если стороны смогли договориться о заключении соглашения, высока вероятность его исполнения (в отличие от судебного решения о взыскании алиментов). Роль прокурора, выступающего против достигнутой родителями договоренности (во всяком случае нотариально удостоверенной), состоит в реализации публично-правовой гарантии алиментного обязательства, и применение должностными лицами прокуратуры предоставленного статьей 102 СК РФ права, полагаем, должно сопровождаться комплексом мер, на-

²⁷ П. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56.

²⁸ П. 100 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

²⁹ П. 27 Конвенции о правах ребенка.

правленных на сохранение ситуации, при которой родители ребенка готовы договариваться, в целях внесения коррективов в заключенное алиментное соглашение или оформления нового соглашения, отвечающего интересам ребенка, а в случае невозможности этого — на обеспечение права ребенка на содержание родителями иным образом. Не всегда для применения тех или иных инструментов достаточно полномочий прокурора (либо они могут быть ограничены), поэтому обоснованно привлечение к разрешению ситуации органов опеки и попечительства, которые, в частности, вправе предъявить иск о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, когда соглашение признано недействительным, а соответствующим родителем указанный иск не заявлен (п. 3 ст. 80 СК РФ).

Говоря о последствиях признания соглашения об уплате алиментов недействительным, следует напомнить, что статья 116 СК РФ защищает несовершеннолетнего от истребования обратно выплаченных плательщиком алиментов сумм на содержание ребенка (исключения составляют случаи признания соглашения недействительным вследствие заключения его под влиянием обмана, угроз или насилия со стороны получателя алиментов). Как справедливо отмечает Е. А. Чефранова, «возврат алиментных платежей противоречил бы природе алиментного обязательства»³⁰. Вместе с тем заявление требования о применении последствий недействительности сделки необходимо, если предоставление по алиментному соглашению нельзя признать уплатой алиментов (ст. 80, 104 СК РФ), например в случае предоставления несовершеннолетнему аварийного строения.

Несколько слов о статусе прокурора при применении ст. 102 СК РФ. При рассмотрении

вопроса об обращении в суд с требованием к гражданам об оспаривании соглашения об уплате алиментов речь, бесспорно, идет не об осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов гражданами: исковое заявление в данном случае — акт прокурорского реагирования³¹, посредством которого реализуется иное (ненадзорное) полномочие прокурора³². В частности, согласно п. 1 ст. 35 Закона о прокуратуре прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Таким специальным федеральным законом является СК РФ, статья 102 которого предусматривает право прокурора инициировать возбуждение гражданского дела, исходя из наличия публичного интереса, на основе принципов недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи и обеспечения государством приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи (п. 1, 3 ст. 1 СК РФ). Разделяем точку зрения О. Ю. Ильиной о том, что прокурор вмешивается в семейные правоотношения, выражая публичный интерес, — обращается в суд, выявив противоречие интересов одних членов семьи интересам других, которое и является основанием признания алиментного соглашения недействительным³³. Приоритет публичного интереса в основе требования прокурора о признании соглашения об уплате алиментов недействительным определяется прежде всего конституционной нормой о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ). Прокурор, в силу п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре действующий в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности,

³⁰ См.: Чефранова Е. А. Указ. соч. С. 19.

³¹ О разграничении понятий «акт прокурорского надзора» и «акт прокурорского реагирования» см., например: Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор : учебник. М. : Проспект, 2006. С. 206–207 ; Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор : учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. М. : Юрайт, 2015. С. 24.

³² Артёменков В. К. Физические лица как объекты прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина // СПС «КонсультантПлюс».

³³ Ильина О. И. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации : монография. М. : Городец, 2007.

защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, уполномочен реализовать интерес государства в обеспечении достойного уровня жизни ребенка³⁴.

При этом обосновывать обращение в суд необходимостью защиты прав и интересов конкретного лица, которое в силу определенных причин не может самостоятельно предъявить иск (ч. 1 ст. 45 ГПК РФ), полагаем, прокурору не потребуется³⁵, хотя формально иск подается в интересах несовершеннолетнего. Не является условием обращения прокурора в суд и наличие адресованного ему заявления законного представителя несовершеннолетнего, чьи права ущемлены алиментным соглашением: в случае, когда ни один из родителей ребенка не выражает несогласия с условиями соглашения, поступление такого заявления прокурору вовсе представить сложно. Позиция о самостоятельности воли прокурора на возбуждение судебного производства в соответствии со ст. 102 СК РФ ранее высказывалась в специальной литературе³⁶.

Указанное отнюдь не означает, что граждане не могут обратиться к прокурору с просьбой о применении данной нормы, напротив, обращения заинтересованных лиц, в силу п. 1 ст. 10 Закона о прокуратуре, являются для органов прокуратуры основным источником сведений о нарушении законов.

Откуда еще прокурор может узнать о нарушении законов и прав несовершеннолетнего условиями соглашения об уплате алиментов? Очевидно, что обращения о таких фактах могут направляться гражданами в иные органы и

иным должностным лицам, например Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченному при Президенте РФ по правам ребенка, уполномоченным по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и т.д. Информационное сотрудничество с ними также может быть для прокурора источником сведений о нарушении законов, прав и интересов несовершеннолетних.

В качестве условия действительности соглашения об уплате алиментов закон предусматривает его письменную форму и нотариальное удостоверение (п. 1 ст. 100 СК РФ). Нотариус, совершая нотариальное действие, обязан удостовериться в соответствии содержания соглашения действительной воле сторон и требованиям закона. Сообщение нотариусом прокурору о нарушении интересов несовершеннолетнего уже нотариально удостоверенным соглашением маловероятно, вместе с тем такие соглашения могут быть выявлены в ходе контроля за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей, возложенного на региональные нотариальные палаты. Кроме того, Федеральная нотариальная палата осуществляет координацию и контроль за деятельностью нотариальных палат³⁷, а органы Минюста России — контроль (надзор) в сфере нотариата³⁸. Взаимодействие органов прокуратуры с профессиональными нотариальными объединениями и органами Минюста России позволит наладить поступление информации о случаях заключения соглашений об уплате алиментов в ущерб интересам детей.

Поскольку надзор за исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод человека

³⁴ П. 29 Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 17.05.2023 № 358) // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

³⁵ Иной позиции придерживаются авторы, обосновывающие, что прокурор выступает в защиту прав и интересов граждан, которые не могут самостоятельно обратиться в суд. См., например: Гражданский процесс : учебник для студентов высших юридических учебных заведений / отв. ред. В. В. Ярков. М. : Статут, 2017.

³⁶ Настольная книга прокурора : практическое пособие : в 2 ч. / Э. Р. Аберхаев, Л. И. Александрова, Б. В. Андреев [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. М. : Юрайт, 2019. Ч. 2.

³⁷ Ст. 30, 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 11.03.1993. № 10.

³⁸ Пп. 3 п. 5 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13.01.2023 № 10) // СЗ РФ. 2023. № 3. Ст. 553.

и гражданина являются основными функциями прокуратуры РФ, информация о соглашениях, ущемляющих интересы несовершеннолетних, может быть получена при осуществлении прокурорского надзора. Поскольку нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа (п. 2 ст. 100 СК РФ), в случае неисполнения его условий взыскатель вправе без дополнительной санкции суда предъявить соглашение в службу судебных приставов для принудительного исполнения. Прокурор, обязанный в силу п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре осуществлять надзор за исполнением законов судебными приставами, имеет возможность ознакомиться с содержанием находящихся на исполнении соглашений об уплате алиментов, реализуя при этом профилактическую функцию прокурорского надзора.

Факты существенного нарушения прав детей условиями алиментных соглашений могут быть выявлены прокурором в ходе анализа практики применения ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ об административной ответственности за неуплату родителем в нарушение нотариально удостоверенного соглашения средств в установленном им размере на содержание несовершеннолетних детей. Так, Верховный Суд РФ при рассмотрении жалобы гражданина на вступившие в законную силу судебные постановления по делу об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ высказался относительно условия алиментного соглашения о единовременной выплате суммы с мая 2012 г. по декабрь 2024 г., квалифицировав его как значительно нарушающее права ребенка, поскольку в перерасчете на ежемесячные суммы размер алиментов был ниже 1/4 заработка плательщика алиментов и ниже прожиточного минимума в регионе³⁹. Правоприменительная практика должна, в частности, изучаться в рамках прокурорских проверок в службе судебных приставов и органах внутренних дел, должностные лица которых уполномочены на составление протоколов об административных правонарушениях, пред-

усмотренных указанной нормой (п. 1, 77 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ).

Аналогичный анализ предлагается проводить в связи с применением мер уголовно-правовой ответственности за неуплату родителем по соглашению средств на содержание несовершеннолетних детей: информация об алиментных соглашениях с тем или иным пороком может быть получена прокурором в рамках надзора за расследованием уголовных дел, предусмотренных частью 1 ст. 157 УК РФ, при изучении материалов таких дел в судах на этапах поддержания государственного обвинения, обжалования судебных решений.

О состоянии дел с обеспечением интересов несовершеннолетних соглашениями об уплате алиментов прокурор может сделать вывод также в ходе проверок исполнения законов органами опеки и попечительства, которые привлекаются к участию в рассмотрении арбитражным судом в деле о банкротстве гражданина заявления об оспаривании алиментного соглашения и дают заключение об оценке последствий признания соглашения недействительным, в том числе о возможном ухудшении положения прав несовершеннолетнего (п. 5 ст. 213.32 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Прокурор правом участия в таком процессе не наделен, но в ходе реализации функции прокурорского надзора оценивает полноту осуществления полномочий названными органами и соблюдение ими при этом требований закона. В случае выявления нарушений закона и (или) прав и свобод человека и гражданина он вправе внести представление об их устранении в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения (п. 1 ст. 24 и ст. 28 Закона о прокуратуре)⁴⁰.

Представляется, что комплексный анализ информации из всех перечисленных источников покажет ситуацию, складывающуюся в связи с заключением соглашений об уплате алиментов на несовершеннолетних детей; такой анализ прокуратуре целесообразно проводить

³⁹ Постановление Верховного Суда РФ от 29.10.2020 № 41-АД20-13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰ Данная работа не имеет целью исследование проблем, возникающих при рассмотрении заявлений об оспаривании алиментных соглашений в делах о банкротстве гражданина.

совместно с судами, органами Минюста России и ФССП России. Его результаты (безусловно, с сохранением конфиденциальности информации, охраняемой законом) могут быть представлены для научного осмысления и использованы для методического обеспечения деятельности нотариусов, прокуроров, судов.

В поддержку необходимости рассмотренного инструмента реализации публичного интереса в рамках института алиментирования можно привести законодательство других государств. В Республике Казахстан, например, Кодекс о браке (супружестве) и семье⁴¹ также предусматривает возможности уплаты алиментов на несовершеннолетних на основании соглашения и признания его в судебном порядке недействительным по тому же основанию. Статья 160 Кодекса наделяет правом на обращение в суд с таким требованием в том числе прокурора. В Республике Беларусь прокурор тоже имеет полномочия инициировать признание соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей недействительным в судебном порядке. В качестве материально-правового основания предъявления требования статья 103.4 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье⁴² указывает существенное нарушение прав и законных интересов несовершеннолетнего ребенка условиями предоставления ему содержания, предусмотренными таким соглашением. При этом закон уточняет: нарушение прав и интересов ребенка оценивается на момент заключения алиментного соглашения.

В заключение отметим, что поскольку сфера семейных отношений по понятным причинам крайне уязвима, наряду с аргументами в пользу применения прокурорами рассматриваемых

полномочий необходимо учитывать пределы их осуществления в аспекте закрепленного пунктом 1 ст. 1 СК РФ принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации⁴³ установил правила о том, что в служебной деятельности прокурорский работник обязан руководствоваться в том числе общепринятыми нормами морали и нравственности, основанными на принципах законности, справедливости, независимости, объективности, честности и гуманизма, и исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание его профессиональной служебной деятельности (п. 1.1, 2.1.1). Ответственность за нарушение этих правил как гарантия их соблюдения должна обеспечивать взвешенное решение об инициировании судебного процесса об оспаривании соглашения об уплате алиментов на содержание ребенка.

К этой ситуации вполне применим старейший принцип медицинской этики: «не навреди» (*primum non nocere*). И, несмотря на то что статья 102 СК РФ, предоставляющая прокурору право требовать в судебном порядке признания указанного соглашения недействительным, на сегодня не получила широкого применения, исключать ее из системы действующего семейного регулирования нельзя: предъявление прокурором соответствующего иска совсем не миф, запрос граждан на разъяснение полномочия прокурора актуален⁴⁴. Неиспользование его прокурорами, полагаем, в целом может быть оправдано активной работой по правовому просвещению⁴⁵, направленной на популяризацию заключения соглашений об уплате алиментов

⁴¹ Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26.12.2011 № 518-IV // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518> (дата обращения: 18.08.2025).

⁴² Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278 // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900278> (дата обращения: 18.08.2025).

⁴³ Приказ Генерального прокурора РФ от 17.03.2010 № 114 // Законность. 2010. № 6.

⁴⁴ См., например: URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_32/activity/legal-education/explain?item=55404403&ysclid=mesezndzsl120500862.

⁴⁵ Приказ Генерального прокурора РФ от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» // Законность. 2018. № 9.

как мирного способа урегулирования разногласий между родителями и предотвращения новых конфликтов и в то же время на предупреждение злоупотреблений со стороны родителей в отношении прав и интересов несовершеннолетних детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артёменков В. К.* Физические лица как объекты прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина // *Законность*. — 2017. — № 11. — С. 23–27.
2. *Артемяева Ю. А.* Оспаривание соглашений об уплате алиментов на несовершеннолетних детей // *Проблемы экономики и юридической практики*. — 2019. — Т. 15. — № 5. — С. 224–227.
3. *Артемяева Ю. А., Зимаков А. М., Сергеева В. В.* Правовые аспекты применения соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в России // *Социально-политические науки*. — 2018. — № 5. — С. 188–196.
4. *Беспалов Ю. Ф.* Защита гражданских и семейных прав ребенка в Российской Федерации : учебно-практическое пособие. — М. : Ось-89, 2004. — 191 с.
5. *Бессарабов В. Г.* Прокурорский надзор : учебник. — М. : Проспект, 2006. — 535 с.
6. *Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю.* Прокурорский надзор : учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. — М. : Юрайт, 2015. — 472 с.
7. *Вишнякова А. В.* Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный). — М. : Контракт, 2011. — 317 с.
8. *Гражданский процесс : учебник для студентов высших юридических учебных заведений / отв. ред. В. В. Ярков.* — М. : Статут, 2017. — 720 с.
9. *Зайцева Т. И.* Защита семейных прав в нотариальной практике // *Бюллетень нотариальной практики*. — 2003. — № 4. — С. 10–19.
10. *Иванова Н. А.* Основания признания недействительным соглашения об уплате алиментов: проблемы теории и практики // *Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : материалы IV Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 2.* — Тамбов : Державинский, 2020. — С. 58–63.
11. *Ильина О. И.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации : монография. — М. : Городец, 2007. — 192 с.
12. *Косова О. Ю.* Семейное право : учебник. — Иркутск, 2016. — 559 с.
13. *Косова О. Ю.* Соглашения об уплате алиментов: вопросы содержания и применения // *Российская юстиция*. — 2004. — № 2.
14. *Кравчук Н. В.* Международно-правовой аспект права ребенка на получение содержания от родителей // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2015. — № 1. — С. 96–104.
15. *Летова Н. В.* Соглашения и договоры в сфере семейных отношений: соотношение и особенности правового регулирования // *Государство и право*. — 2023. — № 6. — С. 127–135. — DOI: 10.31857/S102694520025930-4.
16. *Ломакина П. А.* Оспаривание алиментных соглашений в банкротстве. Поиск баланса интересов детей и конкурсных кредиторов // *Закон*. — 2018. — № 6. — С. 62–68.
17. *Михайлов Ф. Н.* К вопросу о порядке взыскания алиментов по соглашению об уплате алиментов // *Юрист*. — 2008. — № 3. — С. 11–15.
18. *Настольная книга прокурора : практическое пособие : в 2 ч. / Э. Р. Аберхаев, Л. И. Александрова, Б. В. Андреев [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. Ч. 2.* — М. : Юрайт, 2019. — 434 с.
19. *Савельев Д. Б.* Соглашения в семейной сфере : учебное пособие. — М. : Проспект, 2017. — 144 с.
20. *Титаренко Е. И.* Влияние частного и публичного интереса на формирование содержания соглашения об осуществлении семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право»*. — 2025. — № 1 (81). — С. 222–229.

21. Усачева Е. А. Соглашение об уплате алиментов в российском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — 245 с.
22. Усачева Е. А. Соглашение об уплате алиментов: существенные условия договора и реквизиты исполнительного документа // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 5. — С. 82–87.
23. Чефранова Е. А. Недействительность части сделки как результат оспаривания соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина // Семейное и жилищное право. — 2024. — № 4. — С. 15–19. — DOI: 10.18572/1999-477X-2024-4-15-19.
24. Шевчук С. С., Зыбина О. С., Толстова А. Е. Система семейно-правовых договоров : монография. — СПб., 2022. — 212 с.

Материал поступил в редакцию 28 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemenkov V. K. Fizicheskie litsa kak obekty prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Zakonnost. — 2017. — № 11. — С. 23–27.
2. Artemeva Yu. A. Ospirivanie soglasheniy ob uplate alimentov na nesovershennoletnikh detey // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2019. — Т. 15. — № 5. — С. 224–227.
3. Artemeva Yu. A., Zimakov A. M., Sergeeva V. V. Pravovye aspekty primeneniya soglasheniya ob uplate alimentov na nesovershennoletnikh detey v Rossii // Sotsialno-politicheskie nauki. — 2018. — № 5. — С. 188–196.
4. Bupalov Yu. F. Zashchita grazhdanskikh i semeynykh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii: uchebno-prakticheskoe posobie. — М.: Os-89, 2004. — 191 с.
5. Bessarabov V. G. Prokurorskiy nadzor: uchebnik. — М.: Prospekt, 2006. — 535 с.
6. Vinokurov Yu. E., Vinokurov A. Yu. Prokurorskiy nadzor: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / pod obshch. red. Yu. E. Vinokurova. — М.: Yurayt, 2015. — 472 с.
7. Vishnyakova A. V. Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny). — М.: Kontrakt, 2011. — 317 с.
8. Grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya studentov vysshikh yuridicheskikh uchebnykh zavedeniy / otv. red. V. V. Yarkov. — М.: Statut, 2017. — 720 с.
9. Zaytseva T. I. Zashchita semeynykh prav v notarialnoy praktike // Byulleten notarialnoy praktiki. — 2003. — № 4. — С. 10–19.
10. Ivanova N. A. Osnovaniya priznaniya nedeystvitelnym soglasheniya ob uplate alimentov: problemy teorii i praktiki // Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 t. Т. 2. — Tambov: Derzhavinskiy, 2020. — С. 58–63.
11. Ilina O. I. Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: monografiya. — М.: Gorodets, 2007. — 192 с.
12. Kosova O. Yu. Semeynoe pravo: uchebnik. — Irkutsk, 2016. — 559 с.
13. Kosova O. Yu. Soglasheniya ob uplate alimentov: voprosy soderzhaniya i primeneniya // Rossiyskaya yustitsiya. — 2004. — № 2.
14. Kravchuk N. V. Mezhdunarodno-pravovoy aspekt prava rebenka na poluchenie soderzhaniya ot roditel'ey // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2015. — № 1. — С. 96–104.
15. Letova N. V. Soglasheniya i dogovory v sfere semeynykh otnosheniy: sootnoshenie i osobennosti pravovogo regulirovaniya // Gosudarstvo i pravo. — 2023. — № 6. — С. 127–135. — DOI: 10.31857/S102694520025930-4.
16. Lomakina P. A. Ospirivanie alimentnykh soglasheniy v bankrotstve. Poisk balansa interesov detey i konkursnykh kreditorov // Zakon. — 2018. — № 6. — С. 62–68.

17. Mikhaylov F. N. K voprosu o poryadke vzyskaniya alimentov po soglasheniyu ob uplate alimentov // Yurist. — 2008. — № 3. — S. 11–15.
18. Nastolnaya kniga prokurora: prakticheskoe posobie: v 2 ch. / E. R. Aberkhaev, L. I. Aleksandrova, B. V. Andreev [i dr.]; pod obshch. red. O. S. Kapinus, S. G. Kekhlerova. Ch. 2. — M.: Yurayt, 2019. — 434 s.
19. Savelev D. B. Soglasheniya v semeynoy sfere: uchebnoe posobie. — M.: Prospekt, 2017. — 144 s.
20. Titarenko E. I. Vliyaniye chastnogo i publichnogo interesa na formirovaniye sodержaniya soglasheniya ob osushchestvlenii semeynykh prav i/ili ispolnenii semeynykh obyazannostey // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2025. — № 1 (81). — S. 222–229.
21. Usacheva E. A. Soglasheniye ob uplate alimentov v rossiyskom semeynom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2017. — 245 s.
22. Usacheva E. A. Soglasheniye ob uplate alimentov: sushchestvennyye usloviya dogovora i rekvizity ispolnitelnogo dokumenta // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2015. — № 5. — S. 82–87.
23. Chefranova E. A. Nedeystvitelnost chasti sdelki kak rezultat osparivaniya soglasheniya ob uplate alimentov v dele o bankrotstve grazhdanina // Semeynoe i zhilishchnoe pravo. — 2024. — № 4. — S. 15–19. — DOI: 10.18572/1999-477X-2024-4-15-19.
24. Shevchuk S. S., Zybina O. S., Tolstova A. E. Sistema semeyno-pravovykh dogovorov: monografiya. — SPb., 2022. — 212 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.073-080

Е. Е. Леканова*

Виды облигаций, доступные при условии успешного прохождения тестирования: правовые реалии и перспективы

Аннотация. В 2025 г. законодателем и Банком России был изменен перечень видов облигаций, которые вправе покупать неквалифицированные инвесторы при условии успешного прохождения специального тестирования. В статье дается оценка нововведениям. Несмотря на то что была предпринята попытка учесть все виды высокорисковых облигаций при введении требования о проведении тестирования в отношении неквалифицированных инвесторов для покупки ими таких финансовых инструментов, остались облигации, которые могут быть приобретены без прохождения тестирования и содержат скрытые экономические риски, реализующиеся в период экономических кризисов. Экономические кризисы в 2014–2016, 2022 гг., с середины 2023 г. по 2025 г. привели к резкому повышению ключевой ставки, что серьезно отразилось на стоимости облигаций и их процентных ставках, т.е. в указанные периоды реализовывался риск потери ликвидности облигаций. В статье обосновывается необходимость установления успешного прохождения тестирования в качестве условия для получения права покупать облигации, выпущенные на срок более трех лет (в том числе с кредитным рейтингом не ниже А+).

Ключевые слова: облигации; инвестор; тестирование неквалифицированных инвесторов; фондовый рынок; ценные бумаги; Банк России; кредитный рейтинг; кредитный риск; риск потери ликвидности; ключевая ставка

Для цитирования: Леканова Е. Е. Виды облигаций, доступные при условии успешного прохождения тестирования: правовые реалии и перспективы // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 73–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.073-080

Types of Bonds Available upon Successful Completion of Testing: Legal Realities and Prospects

Ekaterina E. Lekanova, Private Law Lawyer, Yaroslavl, Russian Federation
lekanova.katya@yandex.ru

Abstract. In 2025, the legislator and the Bank of Russia amended the list of types of bonds that non-qualified investors are entitled to purchase subject to the successful completion of special testing. The paper assesses these innovations. Despite attempts to take into account all types of high-risk bonds when introducing the testing requirement for non-qualified investors purchasing such financial instruments, certain bonds remain available for acquisition without testing and contain latent economic risks that materialize during periods of economic crisis. The economic crises of 2014–2016, 2022, and mid2023–2025 led to a sharp increase in the key interest rate, which significantly affected bond prices and interest rates; thus, during these periods, the risk of loss of bond liquidity materialized. The paper substantiates the necessity of establishing successful completion of testing as

© Леканова Е. Е., 2026

* Леканова Екатерина Евгеньевна, частнопрактикующий юрист
Карла Либкнехта ул., д. 19, г. Ярославль, Российская Федерация, 150043
lekanova.katya@yandex.ru

a prerequisite for granting the right to purchase bonds issued for a term exceeding three years (including those with a credit rating of not lower than A+).

Keywords: bonds; investor; testing unqualified investors; the stock market; securities; Bank of Russia; credit rating; credit risk; liquidity risk; key rate

Cite as: Lekanova EE. Types of Bonds Available upon Successful Completion of Testing: Legal Realities and Prospects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):73-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.073-080

С 2018 г. приток частных инвесторов на российский рынок ценных бумаг стал массовым на фоне понижения ставок по вкладам. Этому способствовало и создание мобильных приложений, позволяющих физическим лицам самостоятельно совершать куплю-продажу ценных бумаг в любом месте в удобное время¹.

Большой приток розничных инвесторов на фондовый рынок в последние годы привел законодателя к необходимости поиска способов митигирования (смягчения) экономических рисков инвесторов.

С 2021 г. инвесторы в зависимости от экономических характеристик разделены на следующие категории: 1) простые неквалифицированные инвесторы; 2) неквалифицированные инвесторы, успешно прошедшие тестирование; 3) квалифицированные инвесторы². Это привело к различиям в их правовом положении.

Анализ указания Банка России от 01.10.2024 № 6885-У «О ценных бумагах и производных финансовых инструментах, предназначенных для квалифицированных инвесторов»³ и п. 6 ст. 27.1-1 и п. 2 ст. 27.5-7 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»⁴ позволяет сделать вывод о том, что *только квалифицированные инвесторы вправе покупать следующие виды облигаций:*

1) государственные облигации иностранных государств (за исключением облигаций государств — членов ЕАЭС);

2) облигации, эмитентом по которым является лицо, зарегистрированное в иностранном государстве (за исключением облигаций, эмитированных лицом, которое зарегистрировано в государстве — члене ЕАЭС);

3) облигации международных финансовых организаций (за исключением облигаций, обязанности по выплатам и по учету прав по которым осуществляет лицо, зарегистрированное в РФ или в государстве — члене ЕАЭС);

4) российские депозитарные расписки, удостоверяющие права на ценные бумаги, предназначенные только для квалифицированных инвесторов;

5) структурные облигации (за исключением структурных облигаций, соответствующих критериям, установленным нормативным актом Банка России);

6) облигации без срока погашения.

По общему правилу с 1 октября 2021 г. ценные бумаги (за исключением указанных в п. 2 ст. 3.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и тех, которые доступны только квалифицированным инвесторам) могут приобретаться неквалифицированными инвесторами только после успешного прохождения тестирования.

¹ См.: Соловей М. В. Обзор функциональности мобильных приложений «Сбербанк Инвестор» и «Тинькофф Инвестиции» // Материалы IX Международного Балтийского морского форума : в 6 т. Т. 1. Калининград, 2022. С. 130 ; Шевченко О. М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 82–83 ; Подузова Е. Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 89.

² См.: Травин Г. Д. Раскрытие информации как критерий доступности финансовых инструментов в праве РФ и США: сравнительно-правовое исследование // Власть закона. 2024. № 3. С. 251.

³ Вестник Банка России. 2024. № 46.

⁴ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

Предполагается, что, хотя тестирование не застрахует от снижения котировок, оно даст уверенность в том, что инвестор понимает логику их движения, а значит, его поведение станет более осознанным⁵.

Установление успешного прохождения тестирования или наличия статуса квалифицированного инвестора в качестве условия для получения права покупать сложные или высокорисковые финансовые инструменты продиктовано заботой о финансовом благополучии граждан, которое подвергается риску при инвестировании в ценные бумаги из-за недостаточного уровня инвестиционной культуры в российском обществе. Причиной низкого уровня инвестиционной культуры является относительная молодость российского фондового рынка, практически не имевшего возможности развиваться в советский период⁶. В отличие от развитых фондовых рынков США, Канады, Японии и большинства стран Западной и Северной Европы российский фондовый рынок относится к формирующимся⁷.

На наш взгляд, установление начинающим инвесторам ограничения доступа к высокорисковым финансовым инструментам оправданно, т.к. в последние годы можно наблюдать феномен разочарования в рынке ценных бумаг у розничных инвесторов. По данным Московской биржи, число физических лиц, имеющих брокерские счета, с уникальными паспортными данными составило по итогам 2024 г. 35,1 млн (46 % экономически активного населения России), но только 4,9 млн (6,4 % экономически активного населения России) имеют на брокерских счетах более 10 тыс. руб.⁸ Это говорит о том, что примерно 86 % лиц, попробовавших себя в роли инвесторов на рынке ценных бумаг,

разочаровались в инвестировании и обнулили брокерские счета.

Анализ ст. 3.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (с учетом изменений, вступающих в силу 23.05.2025) показал, что *неквалифицированные инвесторы без прохождения специального тестирования* при одновременном соблюдении двух условий вправе покупать облигации российских и иностранных эмитентов, за исключением следующих видов облигаций:

- 1) структурных облигаций российских эмитентов;
- 2) субординированных облигаций иностранных эмитентов;
- 3) облигаций, конвертируемых в другие ценные бумаги;
- 4) облигаций, обеспеченных залогом денежных требований (кроме облигаций с ипотечным покрытием; облигаций, выпущенных специализированным обществом проектного финансирования, 100 % акций (долей участия в уставном капитале) которого принадлежит Российской Федерации или государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» либо единому институту развития в жилищной сфере);
- 5) облигаций, размер выплат по которым зависит от (не)наступления обстоятельств, предусмотренных законом или нормативными актами Центрального банка РФ (абз. 2 пп. 23 п. 1 ст. 2 и пп. 2 п. 2 ст. 3.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Неквалифицированные инвесторы без прохождения специального тестирования вправе покупать облигации российских и иностранных эмитентов, если такие облигации одновременно удовлетворяют двум условиям. Во-первых, облигации должны быть выпущены в соответствии

⁵ См.: Еремина Е. А., Островская Н. Б. Особенности защиты прав неквалифицированных инвесторов Банком России // Вестник современной науки. Серия «Общественные науки». 2021. № 2. С. 52.

⁶ См.: Травин Г. Д. Указ. соч. С. 255; Морозова Н. Е., Аль-Згуль С. Х. Совершенствование механизма защиты частных инвесторов на финансовом рынке РФ // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4-3. С. 100.

⁷ См.: Проблемы выживания и развития экономики России: монография / под ред. В. А. Петрищева. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. С. 100 (авторы гл. 1.8 — А. С. Тростин, А. Е. Генаева).

⁸ См.: Обзор ключевых показателей брокеров за IV квартал 2024 г. // Банк России: официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55198/review_broker_Q4_2024.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

с законодательством Российской Федерации, или правом иностранного государства, являющегося членом Евразийского экономического союза или Европейского Союза, или правом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при условии, что между таким иностранным государством и Российской Федерацией заключен международный договор об избежании двойного налогообложения (абз. 2 пп. 2 и абз. 2 пп. 3 п. 2 ст. 3.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Во-вторых, лицо, предоставившее обеспечение по облигациям (юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством РФ, — для облигаций иностранного эмитента), облигации или их эмитент должны иметь кредитный рейтинг не ниже установленного Советом директоров Банка России уровня (абз. 3 пп. 2 и абз. 3 пп. 3 п. 2 ст. 3.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Кредитный рейтинг представляет собой заключение независимого рейтингового агентства о кредитоспособности субъекта хозяйственной деятельности; относительную оценку кредитного риска заемщика или его ценных бумаг⁹. Кредитный риск олицетворяет собой вероятность того, что должник (эмитент облигаций) не сможет или не захочет исполнить обязательства перед кредитором (облигационером)¹⁰.

С 1 октября 2021 г. (при введении требования о проведении тестирования по ряду финансовых инструментов) был установлен для покупки облигаций (за исключением облигаций с ипотечным покрытием) без прохождения тестирования кредитный рейтинг AAA по национальным рейтинговым шкалам для РФ АО «Эксперт РА» и АО «АКРА» (п. 1 и 2 решения Совета директоров Банка России от 23.07.2021

«Об установлении уровней кредитного рейтинга в целях применения подпунктов 2 и 3 пункта 2 статьи 3.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ “О рынке ценных бумаг”»¹¹). С 25 декабря 2021 г. для покупки облигаций с ипотечным покрытием без прохождения тестирования был установлен кредитный рейтинг AAA по национальным рейтинговым шкалам для РФ АО «Эксперт РА» и АО «АКРА» (п. 1 решения Совета директоров Банка России от 23.12.2021 «Об установлении уровней кредитного рейтинга облигаций с ипотечным покрытием в целях применения подпункта 2 пункта 2 статьи 3.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ “О рынке ценных бумаг”»¹²).

В 2025 г. был *расширен перечень облигаций, которые неквалифицированные инвесторы могут приобрести без прохождения тестирования*. С 20 февраля 2025 г. неквалифицированный инвестор вправе покупать облигации (за исключением облигаций с ипотечным покрытием), указанные в пп. 2 и 3 п. 2 ст. 3.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», без прохождения тестирования, если такие облигации, их эмитент или лицо, предоставившее обеспечение по ним, имеют кредитный рейтинг не ниже А+ по национальным рейтинговым шкалам для РФ АО «Эксперт РА», АО «АКРА», ООО «НКР» или ООО «НРА» (п. 1 и 4 решения Совета директоров Банка России от 14.02.2025 «Об установлении уровней кредитного рейтинга в целях применения подпунктов 2 и 3 пункта 2 статьи 3.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ “О рынке ценных бумаг”»¹³). По облигациям с ипотечным покрытием требование к кредитному рейтингу не изменилось.

Данное нововведение можно оценить позитивно. Во-первых, облигации с кредитным

⁹ Гусева И. А. Рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 85.

¹⁰ См.: Криничанский К. В. Рынок ценных бумаг : учебник для вузов. М. : Прометей, 2025. С. 315 ; Рынок ценных бумаг : учебник для вузов / под общ. ред. Н. И. Берзона. М. : Юрайт, 2024. С. 118 (автор гл. 5 «Облигации» — Д. М. Касаткин) ; Гусева И. А. Указ. соч. С. 85 ; Аскинадзе В. М., Максимова В. Ф. Инвестиции : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 196.

¹¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401073/ (дата обращения: 23.04.2025).

¹² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404696/ (дата обращения: 23.04.2025).

¹³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499148/ (дата обращения: 23.04.2025).

рейтингом в диапазоне от А+ до АА+ обладают высокой ликвидностью и имеют незначительную вероятность дефолта — в пределах 1,3 %¹⁴. Во-вторых, у неквалифицированных инвесторов, не прошедших тестирование, будет больше возможностей для диверсификации инвестиционного портфеля. В-третьих, как правило, облигации с кредитным рейтингом в диапазоне от А+ до АА+ имеют более высокие процентные ставки, чем облигации с кредитным рейтингом ААА.

Несмотря на то что на нормативном уровне была предпринята попытка учесть все виды высокорисковых облигаций при введении требования о проведении тестирования в отношении неквалифицированных инвесторов для покупки ими таких финансовых инструментов, остались облигации, которые могут быть приобретены без прохождения тестирования и содержат скрытые экономические риски, реализующиеся в период экономических кризисов.

Речь идет об *облигациях, выпущенных на срок более трех лет*, и о риске потери ликвидности, который заключается в отсутствии возможности продать ценную бумагу в ближайшее время по цене, равной или превышающей цену покупки.

За последнее десятилетие риск потери ликвидности облигаций в связи с резким повышением ключевой ставки реализовывался три раза: в 2014–2016 гг., в 2022 г., в период с середины 2023 г. по 2025 г. Цена облигаций при росте ключевой ставки снижается, чтобы увеличилась доходность, иначе их не будут покупать. Это соответствует интересам покупателей облигаций, но ухудшает положение держателей, которые приобрели их во время действия низкой ключевой ставки. Например, 19 февраля 2020 г. на фондовом рынке были размещены облигации федерального займа ОФЗ26233 с фиксированной процентной ставкой 6,1 % сроком на 15 лет. В 2020 г. они продавались по цене 97–104 %, а 24 февраля 2022 г. их цена упала до 63 %, в 2023 г. она колебалась в пределах 60–75 %, в 2024 г. — в пределах 48–66 %,

в 2025 г. — в пределах 48–58 %. Таким образом, если инвестор, купивший ОФЗ26233 в 2020 г., будет срочно нуждаться в деньгах и решит продать эти ценные бумаги в 2025 г., то он потеряет около половины вложенных средств.

В качестве примера можно привести пятилетние облигации ООО «Восточная стивидорная компания» ВСК1Р-03R, размещенные под 11,25 % годовых 6 декабря 2022 г., которые имеют кредитный рейтинг АА-. Облигации ВСК1Р-03R стоили с декабря 2022 г. по август 2023 г. в пределах 100–103 % от номинала, с сентября по октябрь 2023 г. их стоимость упала до 90 %, в ноябре того же года поднялась до 93 %, но затем снова начала снижаться и в декабре 2024 г. составила 69 % от номинала. После этого она стала расти и в марте — апреле 2025 г. колеблется в пределах 80–85 % от номинала. В ближайший год цена облигаций ВСК1Р-03R не имеет драйверов роста, т.к. ключевая ставка держится на высоком уровне (21 %), и чтобы облигации ВСК1Р-03R были выгодны к покупке, их доходность должна быть близка к размеру ключевой ставки, что не может быть достигнуто, если цена ВСК1Р-03R будет близка к ее номиналу.

Большинство облигаций с фиксированной процентной ставкой, выпущенных на срок более трех лет при низкой ключевой ставке, потеряли около 10–50 % стоимости и уже три года не могут вернуться к прежней цене. Иными словами, инвесторы, купившие облигации сроком более чем на три года в период низкой ключевой ставки, «зависли» в таких ценных бумагах на несколько лет в связи с резким повышением ключевой ставки, т.к. не могут продать их без существенного убытка. Кроме того, из-за невозможности продать такие облигации без существенной потери вложенных средств инвесторы терпят также убытки в виде упущенной выгоды, поскольку могли бы вложить указанные денежные средства в финансовые инструменты с высокой процентной ставкой, появившиеся во время действия высокой ключевой ставки.

В свою очередь, облигации, выпущенные на срок менее трех лет, при существенном измене-

¹⁴ См.: Банк России расширил пул облигаций, доступных для неквалифицированных инвесторов // Банк России : официальный сайт. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=23389> (дата обращения: 25.04.2025).

нии ключевой ставки дешевают не так сильно, как долгосрочные, а в последний год обращения их цена начинает расти и постепенно приближаться к 100 % от номинала, что позволяет инвестору досрочно их продать без существенных убытков. Например, 27 апреля 2023 г. ПАО «Южуралзолото Группа Компаний» разместило облигации ЮГК1РЗ на два с половиной года под 10 % годовых. В момент размещения облигаций ЮГК1РЗ ключевая ставка равнялась 7,5 %, в августе 2023 г. она увеличилась до 12 %, после чего продолжала систематически расти и в ноябре 2024 г. составила 21 %, затем следующие пять месяцев (по состоянию на апрель 2025 г.) оставалась неизменной (21 %). На цене облигаций ЮГК1РЗ повышение ключевой ставки сказалось следующим образом: с апреля по июль 2023 г. цена ЮГК1РЗ варьировалась в пределах 99–101 % от номинала, с августа по октябрь 2023 г. снизилась до 93 %, с ноября 2023 г. по ноябрь 2024 г. — до 88 %, затем за период с декабря 2024 г. по апрель 2025 г., в котором ключевая ставка оставалась неизменной, выросла с 88 % до 96 % вследствие приближения срока погашения данной ценной бумаги.

Похожая ценовая картина наблюдалась и у других облигаций, эмитированных в конце 2022 — начале 2023 г. на срок не более трех лет. Например, минимальная цена трехлетних облигаций «Атомэнергопрома» sАтомэнп02 с процентной ставкой 8,95 %, размещенных 6 декабря 2022 г., за период их обращения составила 88 % от номинала. Минимальная стоимость трехлетних облигаций компании «РусГидро» РусГидрБП9 с процентной ставкой 9,2 %, размещенных 1 февраля 2023 г., за период их обращения равнялась 86 % от номинала. Минимальная цена трехлетних облигаций компании «Новатэк» НОВАТЭК1Р1 с процентной ставкой 9,1 %, доступных к покупке с 23 мая 2023 г., за период их обращения составила 83 % от номинала.

Иными словами, в связи с повышением ключевой ставки максимальные кратковременные потери в цене у облигаций, выпускаемых на срок не более трех лет, составили не более 10–20 % от номинала, что значительно ниже, чем у облигаций, выпускаемых на срок более трех

лет, у которых цена в период действия высокой ключевой ставки может составлять около половины от номинала и оставаться на таком уровне много месяцев и даже лет. Кроме того, облигации на срок не более трех лет, в отличие от выпускаемых на более долгий срок, довольно быстро восстанавливаются в цене: в последний год обращения их стоимость начинает увеличиваться даже при неизменно высокой ключевой ставке, т.е. серьезная просадка в цене у них возможна не более чем два года при самом неблагоприятном сценарии.

Это наглядно показывает высокорисковый характер облигаций (в том числе с высоким кредитным рейтингом), выпускаемых на срок более трех лет, и говорит о необходимости введения тестирования для покупки облигаций, выпускаемых на срок более трех лет.

На основе вышесказанного можно сделать ряд **выводов**.

1. Экономические кризисы в 2014–2016 гг., в 2022 г., в период с середины 2023 г. по 2025 г. привели к резкому повышению ключевой ставки, что серьезно отразилось на стоимости облигаций и их процентных ставках.

2. Часто случающиеся серьезные экономические кризисы делают оправданным государственное вмешательство в процесс купли-продажи ценных бумаг посредством установления правовых способов митигирования (смягчения) экономических рисков облигационеров.

3. Установление успешного прохождения тестирования или наличия статуса квалифицированного инвестора в качестве условия для получения права покупать сложные или высокорисковые финансовые инструменты продиктовано заботой о финансовом благополучии граждан, которое подвергается риску при инвестировании в ценные бумаги из-за низкого уровня инвестиционной культуры в российском обществе.

4. В 2025 г. был расширен перечень облигаций, которые неквалифицированные инвесторы могут приобрести без прохождения тестирования, в зависимости от уровня кредитоспособности (кроме облигаций с кредитным рейтингом ААА стали доступны также облигации с кредитным рейтингом в диапазоне от А+

до AA+). Данное нововведение можно оценить позитивно. Во-первых, облигации с кредитным рейтингом в диапазоне от А+ до AA+ имеют незначительную вероятность дефолта — в пределах 1,3 %. Во-вторых, у неквалифицированных инвесторов, не прошедших тестирование, будет больше возможностей для диверсификации инвестиционного портфеля. В-третьих, как правило, облигации с кредитным рейтингом в диапазоне от А+ до AA+ имеют более высокие процентные ставки, чем облигации с кредитным рейтингом AAA.

5. Разрабатывая способы митигирования (смягчения) экономических рисков облигационеров, законодатель главный акцент сделал на их защите от кредитного риска. Риск потери ликвидности облигаций, который реализуется при резком увеличении ключевой ставки, остался без внимания законодателя. На наш взгляд, облигации, выпущенные на срок более трех лет (в том числе и с кредитным рейтингом не ниже А+), нельзя отнести к малорисковым.

Цена облигаций при росте ключевой ставки снижается, чтобы увеличилась доходность, иначе их не будут покупать. Это соответствует интересам покупателей облигаций, но ухудшает положение держателей, которые при-

обрели их в период действия низкой ключевой ставки. Из-за этого инвесторы, купившие облигации сроком более чем на три года при низкой ключевой ставке, «зависли» в таких ценных бумагах на несколько лет в связи с ее резким повышением, т.к. не могут продать их без существенного убытка. Кроме того, из-за невозможности продать такие облигации без существенной потери вложенных средств инвесторы терпят также убытки в виде упущенной выгоды, поскольку могли бы вложить указанные денежные средства в финансовые инструменты с высокой процентной ставкой, появившиеся во время действия высокой ключевой ставки. Облигации же, выпущенные на срок менее трех лет, при существенном изменении ключевой ставки дешевет не так сильно, как долгосрочные, а в последний год обращения их цена начинает расти и постепенно приближаться к 100 % от номинала, что позволяет инвестору досрочно их продать без существенных убытков. Полагаем необходимым зафиксировать в ст. 3.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», что для покупки облигаций, выпущенных на срок более трех лет (независимо от их кредитного рейтинга), требуется успешное прохождение тестирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аскинадзе В. М., Максимова В. Ф. Инвестиции : учебник для вузов. — М. : Юрайт, 2025. — 386 с.
2. Гусева И. А. Рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов : учебник и практикум для вузов. — М. : Юрайт, 2025. — 224 с.
3. Еремينا Е. А., Островская Н. Б. Особенности защиты прав неквалифицированных инвесторов Банком России // Вестник современной науки. Серия «Общественные науки». — 2021. — № 2. — С. 47–58.
4. Криничанский К. В. Рынок ценных бумаг : учебник для вузов. — М. : Прометей, 2025. — 464 с.
5. Морозова Н. Е., Аль-Згуль С. Х. Совершенствование механизма защиты частных инвесторов на финансовом рынке РФ // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 4-3. — С. 100–104.
6. Подузова Е. Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 2. — С. 86–93.
7. Проблемы выживания и развития экономики России : монография / под ред. В. А. Петрищева. — Тверь : Тверской гос. ун-т, 2015. — 212 с.
8. Рынок ценных бумаг : учебник для вузов / под общ. ред. Н. И. Берзона. — М. : Юрайт, 2024. — 514 с.
9. Соловей М. В. Обзор функциональности мобильных приложений «Сбербанк Инвестор» и «Тинькофф Инвестиции» // Материалы IX Международного Балтийского морского форума : в 6 т. Т. 1. — Калининград, 2022. — С. 130–135.

10. *Травин Г. Д.* Раскрытие информации как критерий доступности финансовых инструментов в праве РФ и США: сравнительно-правовое исследование // *Власть закона*. — 2024. — № 3. — С. 249–259.
11. *Шевченко О. М.* Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // *Актуальные проблемы российского права*. — 2022. — № 11. — С. 76–86.

Материал поступил в редакцию 7 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Askinadze V. M., Maksimova V. F. *Investitsii: uchebnik dlya vuzov*. — M.: Yurayt, 2025. — 386 s.
2. Guseva I. A. *Rynok tsennykh bumag i proizvodnykh finansovykh instrumentov: uchebnik i praktikum dlya vuzov*. — M.: Yurayt, 2025. — 224 s.
3. Eremina E. A., Ostrovskaya N. B. *Osobennosti zashchity prav nekvalifitsirovannykh investorov Bankom Rossii* // *Vestnik sovremennoy nauki. Seriya «Obshchestvennye nauki»*. — 2021. — № 2. — S. 47–58.
4. Krinichanskiy K. V. *Rynok tsennykh bumag: uchebnik dlya vuzov*. — M.: Prometey, 2025. — 464 s.
5. Morozova N. E., Al-Zgul S. Kh. *Sovershenstvovanie mekhanizma zashchity chastnykh investorov na finansovom rynke RF* // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. — 2017. — № 4-3. — S. 100–104.
6. Poduzova E. B. *Pravo kak obekt grazhdanskikh pravootnosheniy v kontekste tsifrovoy sredy i ekonomiki sovmestnogo potrebleniya* // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2020. — № 2. — S. 86–93.
7. *Problemy vyzhivaniya i razvitiya ekonomiki Rossii: monografiya / pod red. V. A. Petrishcheva*. — Tver: Tverskoy gos. un-t, 2015. — 212 s.
8. *Rynok tsennykh bumag: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. N. I. Berzona*. — M.: Yurayt, 2024. — 514 s.
9. Solovey M. V. *Obzor funktsionalnosti mobilnykh prilozheniy «Sberbank Investor» i «Tinkoff Investitsii»* // *Materialy IX Mezhdunarodnogo Baltiyskogo morskogo foruma: v 6 t. T. 1*. — Kaliningrad, 2022. — S. 130–135.
10. *Travin G. D. Raskrytie informatsii kak kriteriy dostupnosti finansovykh instrumentov v prave RF i SSHA: sravnitelno-pravovoe issledovanie* // *Vlast zakona*. — 2024. — № 3. — S. 249–259.
11. *Shevchenko O. M. Vliyanie novykh tekhnologiy na razvitie zakonodatelstva o rynke tsennykh bumag* // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2022. — № 11. — S. 76–86.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.081-090

Д. Е. Зайков*

Проблемы возмещения судебных издержек, понесенных при рассмотрении заявления о наложении судебного штрафа, в арбитражном процессе

Аннотация. Институт судебных издержек играет важную роль в процессуальных отношениях, с одной стороны, обеспечивая реализацию права лиц, участвующих в деле, на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь, с другой — создавая баланс интересов таких участников судопроизводства, выполняя роль экономического стимула и барьера при осуществлении ими права на обращение в суд. Однако фрагментарное правовое регулирование рассматриваемого института, наличие коллизионных положений в его регламентации, отсутствие единой позиции судов по ряду теоретических и практических проблем распределения судебных издержек обуславливают разнонаправленное развитие судебной практики. В указанных условиях актуальны проблемы возмещения судебных издержек, понесенных в связи с совершением различных процессуальных действий, особый интерес среди которых вызывает наложение судебного штрафа. Данный процессуальный институт в силу своей специфики — публично-правового характера, зависимости от усмотрения суда, возможности применения на любой стадии процесса по инициативе разных лиц и по основаниям, предусмотренным законодательством, — предопределяет формирование различных подходов в судебной практике о возмещении понесенных в связи с наложением судебного штрафа судебных издержек. В статье автор рассматривает вариативность и особенности позиций арбитражных судов по указанному вопросу, анализирует причины этого, выявляет соответствующие проблемы и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: судебные издержки; судебный штраф; итоговый судебный акт; правомерность заявленного требования; процессуальная ответственность; усмотрение суда; арбитражные суды; неисполнение судебного акта; эксперт; итоговый судебный акт

Для цитирования: Зайков Д. Е. Проблемы возмещения судебных издержек, понесенных при рассмотрении заявления о наложении судебного штрафа, в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 81–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.081-090

© Зайков Д. Е., 2026

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта Образцова ул., д. 9, стр. 9, ГСП-4, г. Москва, Российская Федерация, 127994
joburist@yandex.ru

Issues in Reimbursing Legal Costs Incurred in Arbitrazh Proceedings When Considering an Application for the Imposition of a Judicial Fine

Denis E. Zaikov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of «Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure», Law Institute of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation
joburist@yandex.ru

Abstract. The institution of litigation costs plays an important role in procedural relations: on the one hand, it ensures the realization of the right of parties to judicial protection and qualified legal assistance; on the other hand, it creates a balance of interests among participants in judicial proceedings, acting as both an economic incentive and a barrier in the exercise of the right of access to court. However, the fragmented legal regulation of this institution, the presence of conflicting provisions in its regulation, and the absence of a unified judicial approach to a number of theoretical and practical issues concerning the allocation of litigation costs result in divergent development of judicial practice.

In this context, issues related to the reimbursement of litigation costs incurred in connection with various procedural actions become particularly relevant, among which the imposition of a judicial fine is of special interest. Owing to its specific features, namely: its public law nature, dependence on judicial discretion, the possibility of its application at any stage of the proceedings at the initiative of different actors, and on the grounds provided by law, this procedural institution gives rise to differing approaches in judicial practice regarding the reimbursement of litigation costs incurred in connection with the imposition of a judicial fine. In the paper, the author examines the variability and specific features of arbitrazh courts' positions on this issue, analyzes the reasons for such divergence, identifies existing problems, and proposes ways to address them.

Keywords: legal fees; a court fine; final judicial act; legality of the claimed claim; procedural liability; court discretion; arbitration courts; non-execution of a judicial act; expert; final judicial act

Cite as: Zaikov DE. Issues in Reimbursing Legal Costs Incurred in Arbitrazh Proceedings When Considering an Application for the Imposition of a Judicial Fine. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):81-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.081-090

Судебные расходы представляют собой важнейший, но одновременно с этим и наиболее спорный процессуальный институт¹, который может как содействовать реализации права на судебную защиту, так и создавать соответствующие экономические барьеры, направленные на соблюдение баланса интересов сторон судопроизводства и способствует выполнению необходимых условий осуществления права на обращение в суд.

При этом правовое регулирование указанного правового института, которое характеризуется фрагментарностью, приводящей к его коллизионности и неоднозначному толкованию, сопряжено с разнонаправленной судебной практикой², что, с одной стороны, обуславливает усложнение реализации права на возмещение судебных расходов лицами, которые их понесли, а с другой — создает правовую неопределенность при применении соответ-

¹ См., например: Ильин А. В. К вопросу о дискретном характере права на возмещение судебных расходов // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 185–190; Пепеляев С. Г. Возмещение судебных расходов по налоговым спорам // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 6. С. 84–94.

² См., например: Коробов О. А., Великанов В. А. Спорные вопросы возмещения судебных расходов // Российский судья. 2016. № 11. С. 10–13; Заиков Д. Е. Судебные расходы: новые подходы и новые проблемы // Администратор суда. 2017. № 2. С. 29–33; Момотов В. В. Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия // Правоведение. 2024. № 3. С. 319–331. DOI: 10.21638/spbu25.2024.301.

ствующих правовых норм. В свете изложенного особый интерес вызывает распределение судебных издержек, понесенных при рассмотрении вопроса о наложении судебного штрафа³.

Судебный штраф является наиболее эффективным и широко применяемым институтом процессуальной ответственности⁴, представляющим собой меру публично-правового воздействия (государственного принуждения) в виде денежного взыскания в отношении лиц, совершивших процессуальное правонарушение⁵.

Субъектами ответственности в виде судебного штрафа могут выступать как участники судопроизводства, так и другие лица, на которых законом или определением суда возложены соответствующие обязанности.

Судебный штраф может быть наложен судом только в случаях, прямо предусмотренным процессуальным законом, например:

- за непредставление в установленный срок заключения эксперта или истребуемого судом доказательства;
- за неявку эксперта, свидетеля, переводчика, иного лица, явка которого признана обязательной, без уважительных причин в судебное заседание;
- за проявление неуважения к суду;
- за утрату переданного на исполнение исполнительного листа;
- за неисполнение судебного акта.

Наиболее частым основанием наложения судебного штрафа является неисполнение судебного акта, несколько более редким — проявление неуважения к суду, непредставление истребуемых доказательств. Такие основания распространены в рамках обособленных споров при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве). Это влечет актуальность исследуемой проблематики именно в арбитражных судах⁶.

Вместе с тем позиции судов о возможности взыскания судебных издержек, обусловленных рассмотрением вопроса о наложении судебного штрафа на эксперта, совпадают: они не подлежат взысканию, т.к. возникли исключительно по волеизъявлению лица, участвующего в деле, и непосредственно не связаны с восстановлением его нарушенных прав в судебном порядке. Подача заявления о наложении судебного штрафа на эксперта не способствует разрешению дела и принятию соответствующего решения, а по сути направлена лишь на его побуждение к исполнению требований суда, рассматривающего дело⁷. Аналогичный подход видится необходимым распространить и на случаи наложения судебного штрафа на любых субъектов, не относящихся к лицам, участвующим в деле.

Компетенцией поставить вопрос о наложении судебного штрафа обладают как суд, так и лица, участвующие в деле. Вместе с тем в отдельных случаях судебная практика расходится

³ В своем большинстве это расходы на оплату услуг представителя, достаточно редко на его проезд и проживание, почтовые расходы.

⁴ В 2024 г. только арбитражные суды субъектов Российской Федерации наложили более 1 300 судебных штрафов на общую сумму более 25 млн руб. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Процессуальное правонарушение — это виновно совершенное, противоправное деяние, совершенное деликтоспособным субъектом процессуальных отношений, за совершение которого предусмотрены меры процессуальной ответственности (см.: *Липинский Д. А., Чуклова Е. В.* Процессуальное правонарушение: понятие и признаки // *Вестник гражданского процесса.* 2017. № 4. С. 60).

⁶ ГПК РФ не предусматривает ответственности в виде судебного штрафа за неисполнение судебного постановления. Статья 336.1 КАС РФ, аналогичная ст. 332 АПК РФ, была внесена в КАС РФ только в 2023 г. См.: *Федеральный закон от 24.07.2023 № 349-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»* // *СЗ РФ.* 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5775.

⁷ См.: определение Арбитражного суда Нижегородской области от 13.04.2023 по делу № А43-2137/2020; постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2023 № 19АП-808/22 по делу № А36-11503/2019.

во мнениях по поводу наличия такого полномочия у последних⁸:

— наложение судебного штрафа является правом суда, однако возбудить рассмотрение вопроса о применении данной процессуальной санкции вправе и лица, участвующие в деле⁹;

— наложение судебных штрафов является исключительной прерогативой суда, и такой вопрос не может быть инициирован лицами, участвующими в деле¹⁰.

Стоит указать, что данная проблема присуща арбитражному процессу. Например, в административном судопроизводстве она не возникает в силу прямого разъяснения Пленума Верховного Суда РФ: вопрос о наложении судебного штрафа может быть разрешен судом как по собственной инициативе, так и по инициативе лиц, участвующих в деле¹¹. Именно такой подход представляется верным и целесообразным, а значит, подлежащим распространению на все виды судопроизводств, поскольку он позволяет исключить возможность игнорирования судом совершенных процессуальных правонарушений при активной позиции заинтересованных лиц, участвующих в деле.

Для установления возможности возмещения судебных издержек, понесенных при рассмотрении заявления о наложении судебного штрафа, существенное значение приобретает вопрос о том, кто является субъектом, ини-

цировавшим данную процедуру, — суд или лицо, участвующее в деле: если суд — основания для отдельного распределения судебных издержек вне зависимости от итогов рассмотрения указанного вопроса отсутствуют, т.к. это частный эпизод единого судебного процесса, ход которого определяется судом; во втором случае решение будет зависеть от основания наложения судебного штрафа, результатов рассмотрения соответствующего заявления, а также того толкования процессуальных норм о возмещении судебных издержек, которое подерживает суд.

Анализ судебной практики о возмещении судебных издержек, понесенных в связи с рассмотрением вопроса о наложении судебного штрафа, свидетельствует о ее разнонаправленном развитии и отсутствии у судов единого подхода к его разрешению. При этом суды придерживаются двух основных направлений, используя при возмещении таких расходов как общий, так и специальный подход.

1. Общий подход

Основу данного подхода составляет правило о возмещении судебных издержек тому лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт¹² по

⁸ Исключением является ч. 4 ст. 332 АПК РФ, которая прямо определяет круг наделенных таким правом субъектов.

⁹ См., например: постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2019 № 06АП-2872/19 по делу № А37-2109/2018.

¹⁰ См., например: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2014 № 15АП-6917/14 по делу № А53-7049/2013 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2021 № 09АП-35463/21 по делу № А40-1301/2020.

¹¹ См.: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

¹² Наиболее полная градация итоговых судебных актов закреплена в п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»». Упрощенный подход нашел отражение в определении Верховного Суда РФ от 16.05.2016 № 309-ЭС15-19396 по делу № А60-58232/2014.

делу¹³. Однако это правило в силу специфики анализируемых процессуальных отношений обуславливает неоднозначное его толкование и применение в судебной практике.

Одним из вопросов, которые рассматривают суды в контексте исследуемой проблемы, является квалификация определения о наложении судебного штрафа в качестве итогового судебного акта. Вполне обоснованно большинство судов исключают подобную возможность (спор по существу не разрешался, доводы сторон спора не исследовались, не рассматривались материально-правовые требования, а лишь процессуальный вопрос о наложении судебного штрафа), что обуславливает отсутствие правовых оснований для возмещения соответствующих судебных издержек¹⁴.

В судебной практике также имеет место позиция, связанная с буквальным толкованием ч. 1 ст. 110 АПК РФ: принятие итогового судебного акта в пользу, например, истца (удовлетворение иска в полном объеме) в силу прямого указания закона влечет взыскание каких бы то ни было судебных расходов только с ответчика в пользу истца, а не наоборот. Даже в случае отказа истцу в удовлетворении заявления о наложении на ответчика судебного штрафа понесенные последним в связи с этим судебные расходы возмещению не подлежат¹⁵.

Между тем подобная безусловная зависимость возмещения всех судебных расходов от результата рассмотрения материально-правового спора, в котором итоговый судебный акт вынесен не в пользу ответчика, видится неоправданной, лишаящей его возможности

реализации важнейшего процессуального права на распределение судебных издержек, возникших в связи с наложением судебного штрафа. Наиболее явно эта ситуация проявляется при подаче истцом необоснованного заявления о привлечении ответчика к указанному виду процессуальной ответственности.

Ряд судов высказывают позицию о том, что определение о наложении судебного штрафа имеет своей целью укрепление правопорядка в области публично-правовых отношений и не подлежит квалификации в качестве судебного акта, вынесенного в пользу лица, обратившегося с заявлением о наложении судебного штрафа, что исключает распределение произведенных в связи с этим судебных издержек¹⁶. Еще одним аргументом в пользу такого мнения является то, что судебный штраф взыскивается в пользу федерального бюджета, а не в пользу стороны¹⁷.

Безусловно, применение указанной точки зрения основано на классическом понимании правовой сущности судебных расходов, которые по многим критериям не соотносятся со спецификой института судебного штрафа, имеющего публично-правовой характер. Так, подача истцом заявления о наложении судебного штрафа на ответчика за неисполнение им судебного акта выступает в качестве экономического средства воздействия на лицо, не исполняющее свою обязанность, и имеет своей целью понудить последнее к выполнению им соответствующей обязанности. Одновременно с этим указанное действие направлено на обеспечение выполнения требований процессуального

¹³ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4 (далее — Постановление № 1).

¹⁴ См., например: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.08.2015 № 17АП-14496/13 по делу № А60-26043/2013 ; постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2017 № 12АП-4976/17 ; постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2023 № 19АП-572/21 по делу № А14-8843/2020.

¹⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2016 № 09АП-45682/16.

¹⁶ См., например: постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 12АП-14734/17 по делу № А12-51613/2016.

¹⁷ См., например: определение Верховного Суда РФ от 06.04.2016 № 306-ЭС16-2242 по делу № А72-5218/2014 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.04.2018 № Ф06-31083/18 по делу № А12-51613/2016.

законодательства, соблюдение публичных интересов в отношении обязательности судебных актов, а также формирование уважительного отношения к закону и суду. При таких условиях инициирование рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа представляет собой проявление правовой активности заявителя, который содействует суду в выявлении допущенных процессуальных правонарушений и привлечении к ответственности виновных лиц; подобное поведение заявителя (в случае наложения судебного штрафа) обуславливает необходимость его поощрения в виде наделения правом на возмещение понесенных им в указанной процедуре судебных издержек¹⁸. В качестве правовой основы данного вывода может выступать истолкованная в широком смысле часть 2 ст. 111 АПК РФ.

Необходимо отметить, что судебная практика в качестве одного из направлений своего развития предусматривает и возможность возмещения судебных издержек, понесенных при рассмотрении вопроса о наложении судебного штрафа, и каких-либо особенностей применения норм гл. 9 АПК РФ не устанавливается¹⁹.

Вместе с тем вынесение определения об отказе в наложении судебного штрафа может быть обусловлено не только отсутствием основания для применения такой меры процессуальной ответственности, но и дискрецией суда, принявшего решение не налагать судебный штраф на лицо, совершившее процессуальное право-

нарушение, в связи с наличием особых обстоятельств. В качестве таковых могут выступать тяжелое имущественное положение²⁰, характер совершенного правонарушения, степень вины нарушителя и другие фактические обстоятельства по делу²¹.

Во втором случае, несмотря на отказ в удовлетворении заявления о наложении судебного штрафа, оснований для взыскания понесенных судебных издержек с заявителя не усматривается, однако применение данного вывода возможно лишь в случае соответствующей мотивировки в определении суда.

В свете указанной позиции выражается мнение о том, что при распределении судебных издержек, произведенных в связи с рассмотрением вопроса о наложении судебного штрафа, критерием их присуждения выступает заключение суда о правомерности или неправомерности заявления соответствующего требования²². В то же время суды по-разному подходят к толкованию и этого положения.

С одной стороны, под требованиями понимаются требования, указанные в исковом заявлении (заявлении), а их правомерность (неправомерность) определяется по результатам вынесения итогового судебного акта. Это обуславливает невозможность распределения судебных издержек, причиненных рассмотрением вопроса о наложении судебного штрафа, поскольку в соответствующем определении вывод о правомерности или неправомерности

¹⁸ Аналогичная позиция применительно к институту компенсаторных механизмов высказана в определении Конституционного Суда РФ от 22.09.2022 № 2100-О.

¹⁹ См., например: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.09.2014 № 15АП-14117/14 по делу № А32-24790/2012 ; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.10.2015 № Ф02-4816/15 по делу № А78-1260/2013 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.09.2019 № Ф06-50783/19 по делу № А65-29985/2017 ; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2020 № 17АП-7897/20 по делу № А60-1062/2020.

²⁰ См., например: постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 02.12.2008 № 03АП-2277/2008 по делу № А33-3811/2008-03АП-2277/2008.

²¹ См. постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.07.2024 № Ф02-2503/2024 по делу № А58-7924/2021.

²² См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.2021 № 46-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Студия анимационного кино “Мельница”» // СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7616.

таких требований не содержится, а потому возмещение судебных издержек судом отдельно не осуществляется²³.

С другой стороны, под требованиями понимаются указанные в заявлении требования о наложении судебного штрафа на виновную сторону, а их правомерность (неправомерность) определяется по результатам вынесения соответствующего определения²⁴. Так, отказ в удовлетворении заявления истца о наложении судебного штрафа на ответчика за неисполнение решения суда явился основанием для взыскания с истца судебных издержек, несение которых ответчиком было обусловлено рассмотрением указанного заявления²⁵.

В делах о несостоятельности (банкротстве) анализируемая проблематика²⁶ не имеет столь явно выраженных противоречий: рассмотрение заявления о наложении судебного штрафа представляет собой обособленный спор²⁷, в рамках которого разрешается вопрос о правомерности заявленного требования. Понесенные судебные издержки взыскиваются по общим правилам, установленным АПК РФ²⁸. Так, подача необоснованного заявления о наложении судебного штрафа обуславливает возникновение обязанности по возмещению понесенных судебных издержек за счет лица, инициировавшего такой спор²⁹.

2. Специальный подход

В качестве основания применения специального подхода выступает п. 31 Постановления № 1, в силу которого обязанность по возмещению судебных издержек, связанных с участием в судебных заседаниях по рассмотрению заявлений должника об отсрочке, о рассрочке исполнения решения суда, об изменении способа и порядка его исполнения, которые взыскатель понес при исполнении решения суда, возложена на должника.

Указанное положение имеет своей целью определить должника в качестве субъекта, обязанного возмещать судебные издержки лицам, участвующим в деле, т.к. именно его отказ от добровольного исполнения судебного акта обусловил возникновение исполнительного производства. Вместе с тем предполагается, что судебные издержки, произведенные взыскателем, будут возложены на должника вне зависимости от результата рассмотрения соответствующего заявления. В свете этого п. 31 Постановления № 1 является специальным по отношению к его п. 1, вследствие чего действует правило *lex specialis derogat generali*³⁰.

Однако суды занимают различные позиции по поводу того, подлежит ли применению п. 31

²³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.06.2022 № Ф03-2562/22 по делу № А51-6828/2018.

²⁴ См., например: постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2023 № 19АП-7038/21 по делу № А36-998/2020.

²⁵ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2015 № 08АП-2324/15 по делу № А46-12554/2013.

²⁶ Наиболее часто встречающееся основание для наложения судебного штрафа в таких делах — неуважение к суду.

²⁷ См.: п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 8.

²⁸ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19.09.2023 № 03АП-4396/23 по делу № А33-21785/2018.

²⁹ См., например: постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2018 № 05АП-6966/18 по делу № А24-1918/2010 ; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2021 № 17АП-309/19 по делу № А60-71877/2017.

³⁰ См.: *Раздьяконов Е. С., Тарасов И. Н., Халатов С. А.* Актуальные вопросы возмещения судебных издержек: комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 4. С. 190.

Постановления № 1 в отношении судебных издержек, несение которых было обусловлено рассмотрением заявления о наложении судебного штрафа и которые в названном пункте отсутствуют. Неоднозначность толкования подобной ситуации приводит к разнонаправленному развитию судебной практики.

Отдельные суды придерживаются расширительного толкования анализируемого положения, в силу которого отсутствие в нем указания на судебные издержки, понесенные на стадии исполнения решения суда при рассмотрении вопроса о наложении судебного штрафа, не исключают возможность применения к их распределению подхода, установленного пунктом 31 Постановления № 1³¹. Тем самым независимо от результата рассмотрения заявления о наложении судебного штрафа соответствующие судебные издержки относятся только на должника.

Приведенное мнение, основанное на формальном применении разъяснений по вопросам судебной практики, видится необоснованным по причине заведомого предопределения невозможности реализации должником важнейшего процессуального права вне зависимости от обстоятельств дела.

Одновременно с этим имеет место и буквальное толкование п. 31 Постановления № 1, которое исключает возможность его применения к каким-либо судебным расходам, прямо в нем не поименованным³². При этом такая позиция обосновывается устранением предпосылок для злоупотребления со стороны взыскателя: «Иное означало бы, что после вынесения решения по делу должник как проигравшая сторона должен был бы нести судебные издержки за любые предъявляемые к нему взыскателем тре-

бования, в том числе и за явно необоснованные, и возмещать судебные издержки взыскателя, предъявившего неосновательные требования»³³. В пользу буквального толкования п. 31 Постановления № 1 высказался и Конституционный Суд РФ³⁴.

Проведенное исследование отразило существующую палитру позиций арбитражных судов по поводу распределения судебных издержек, понесенных при рассмотрении вопроса о наложении судебного штрафа. К сожалению, подобное разночтение вносит правовую неопределенность в регулирование процессуальных отношений и не способствует возможности реализации лицами, участвующими в деле, своих процессуальных прав.

Безусловно, единственно верного подхода к разрешению вопроса о возмещении судебных издержек в рассматриваемом случае не существует; имеющуюся вариативность определяют специфика соответствующего дела, его обстоятельства и поведение лиц, участвующих в деле, однако необходима выработка общих правил, применение которых обеспечивало бы формирование единой судебной практики по указанной проблематике.

Так, в качестве таковых можно определить следующие положения:

- установление факта инициирования лицом, участвующим в деле, рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа в качестве условия возникновения права на возмещение судебных издержек, несение которых было обусловлено рассмотрением заявления о привлечении к указанной процессуальной ответственности;
- исключение безусловной зависимости права на распределение судебных издержек,

³¹ См., например: постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2022 № 01АП-159/18 по делу № А79-1633/2017; постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2022 № 12АП-9684/22 по делу № А12-40975/2019.

³² См. постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.03.2017 № Ф10-137/17 по делу № А36-5439/2015.

³³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.05.2024 № 73-КГ24-1-К8.

³⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.2024 № 26-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. М. Туманиной» // СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. II). Ст. 3270.

причиненных рассмотрением заявления о наложении судебного штрафа, от итогов разрешения материально-правового спора;

— использование правомерности заявленного требования о наложении судебного штрафа в качестве основного критерия для определения лица, наделенного правом требовать возмещения понесенных судебных издержек, однако с учетом возможности принятия в рамках судебной дискреции решения об отказе в наложении судебного штрафа в связи с наличием особых обстоятельств;

— активное применение п. 32 Постановления № 1, в соответствии с которым суд вправе возложить судебные издержки на лицо, злоупотребившее своими процессуальными пра-

вами (например, подавшее необоснованное заявление о наложении судебного штрафа) или не выполнившее свои процессуальные обязанности (например, не представившее истребуемое судом доказательство)³⁵;

— исключение применения п. 31 Постановления № 1 к распределению судебных издержек в связи с рассмотрением вопроса о наложении судебного штрафа.

Безусловно, указанные положения требуют детального обсуждения в целях возможной корректировки и дополнения, однако их наличие и применение в судебной практике представляется необходимым условием соблюдения принципов законности и равноправия сторон, а также достижения целей правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зайков Д. Е.* Судебные расходы: новые подходы и новые проблемы // Администратор суда. — 2017. — № 2. — С. 29–33.
2. *Ильин А. В.* К вопросу о дискретном характере права на возмещение судебных расходов // Российский юридический журнал. — 2011. — № 2. — С. 185–190.
3. *Коробов О. А., Великанов В. А.* Спорные вопросы возмещения судебных расходов // Российский судья. — 2016. — № 11. — С. 10–13.
4. *Липинский Д. А., Чуклова Е. В.* Процессуальное правонарушение: понятие и признаки // Вестник гражданского процесса. — 2017. — № 4. — С. 39–61.
5. *Момотов В. В.* Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия // Правоведение. — 2024. — № 3. — С. 319–331. — DOI: 10.21638/spbu25.2024.301.
6. *Пепеляев С. Г.* Возмещение судебных расходов по налоговым спорам // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2012. — № 6. — С. 84–94.
7. *Раздьяконов Е. С., Тарасов И. Н., Халатов С. А.* Актуальные вопросы возмещения судебных издержек: комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ // Вестник экономического правосудия РФ. — 2016. — № 4. — С. 141–192.

Материал поступил в редакцию 25 мая 2025 г.

³⁵ См., например, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.06.2019 № 11АП-7519/19 по делу № А65-19536/2018.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zaykov D. E. Sudebnye raskhody: novye podkhody i novye problemy // Administrator suda. — 2017. — № 2. — S. 29–33.
2. Ilin A. V. K voprosu o diskretnom kharaktere prava na vozmeshchenie sudebnykh raskhodov // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2011. — № 2. — S. 185–190.
3. Korobov O. A., Velikanov V. A. Spornye voprosy vozmeshcheniya sudebnykh raskhodov // Rossiyskiy sudya. — 2016. — № 11. — S. 10–13.
4. Lipinskiy D. A., Chuklova E. V. Protsessualnoe pravonarushenie: ponyatie i priznaki // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2017. — № 4. — S. 39–61.
5. Momotov V. V. Ekonomicheskiy analiz instituta sudebnykh raskhodov kak faktora effektivnosti pravosudiya // Pravovedenie. — 2024. — № 3. — S. 319–331. — DOI: 10.21638/spbu25.2024.301.
6. Pepelyaev S. G. Vozmeshchenie sudebnykh raskhodov po nalogovym sporam // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. — 2012. — № 6. — S. 84–94.
7. Razdyakonov E. S., Tarasov I. N., Khalatov S. A. Aktualnye voprosy vozmeshcheniya sudebnykh izderzhok: komentarii k postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda RF // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF. — 2016. — № 4. — S. 141–192.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.091-099

Е. В. Лагошин*

Цифровая объективизация результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них

Аннотация. Достаточно сложно вообразить сферу общественных отношений, не попавших под влияние тотальной кибернетизации. Сфера творческой, или, как теперь принято говорить, креативной, индустрии в этом смысле не исключение. Современные произведения цифрового искусства, удостоверенные токеном, активно вовлекаются в гражданский оборот, создавая объектную основу для цифровых транзакций в рамках смарт-контрактов. Вместе с тем зачастую на практике возникают сложности с правовой квалификацией объекта, получившего цифровое воплощение: в отдельных случаях токенизации подвергается сам результат интеллектуальной деятельности, а иногда — имущественное право на соответствующую материальную или интеллектуальную ценность. Автором на основе анализа различных научных подходов определяются порядок и условия репрезентации объектов интеллектуальных прав в цифровой среде, а также предлагается система вариантов цифровой объективизации интеллектуальной собственности. Кроме того, в рамках исследования обоснована правовая природа оригинальных произведений цифрового искусства, допускающая применение к ним вещно-правового режима регулирования.

Ключевые слова: смарт-контракт; токен; цифровые произведения творчества; интеллектуальные права; цифровой оборот; результаты интеллектуальной деятельности; токенизация; авторские права; цифровое искусство; блокчейн

Для цитирования: Лагошин Е. В. Цифровая объективизация результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 91–99. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.091-099

© Лагошин Е. В., 2026

* Лагошин Евгений Владимирович, аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Вернадского просп., д. 82, г. Москва, Российская Федерация, 119571
solmyr@inbox.ru

Digital Objectification of the Results of Intellectual Activity and the Exclusive Rights Thereto

Evgeniy V. Lagoshin, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure, M. M. Speransky Faculty of Law, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
solmyr@inbox.ru

Abstract. It is difficult to envision any sphere of social relations that has not been affected by pervasive cybernetization. The sphere of the creative industries is no exception in this regard. Contemporary works of digital art authenticated by tokens are actively entering civil circulation, forming an object basis for digital transactions within smart contracts. At the same time, in practice, difficulties often arise in the legal qualification of an object that has acquired a digital embodiment: in some cases, it is the result of intellectual activity itself that is subject to tokenization, while in others it is the proprietary right to a corresponding material or intellectual asset. Based on an analysis of various scholarly approaches, the author determines the procedure and conditions for the representation of objects of intellectual rights in the digital environment and proposes a system of variants for the digital objectification of intellectual property. Separately, within the framework of the study, the legal nature of original works of digital art is substantiated, allowing for the application of a property-law regulatory regime to them.

Keywords: smart contract; token; digital works of creativity; intellectual rights; digital turnover; results of intellectual activity; tokenization; copyright; digital art; block chain

Cite as: Lagoshin EV. Digital Objectification of the Results of Intellectual Activity and the Exclusive Rights Thereto. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):91-99. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.091-099

Как подчеркивалось на самом высоком уровне, в настоящее время ключевое значение для отечественного рынка инноваций должны иметь перспективные наукоемкие инициативы, а также интеллектуальный творческий потенциал, который необходимо должным образом реализовать и коммерциализировать¹.

В качестве одного из удачных инструментов для управления и распоряжения правами на объекты интеллектуальной собственности в научно-публицистических исследованиях зача-

стую упоминается смарт-контракт². Очевидно, что особые свойства интеллектуальных ценностей как нельзя лучше подходят для цифрового конструирования предмета смарт-сделки и достижения перехода прав на них в порядке автоматизированного распоряжения.

Тем не менее использование смарт-контракта для цифрового оборота исключительных прав возможно, только если объект распоряжения будет полностью репродуцирован в информационной системе. Технически такое

¹ ПМЭФ-2024: Президент о значимости интеллектуальной собственности для развития страны // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. URL: <https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/pmehf--2024> (дата обращения: 14.05.2025).

² См., например: Form Specification of Smart Contract for Intellectual Property Transaction Based on Blockchain / Z. Duan, W. Feng, W. Zhong [et al.] // *Wireless Communications and Mobile Computing*. 2022. No. 3. P. 1–9. DOI: 10.1155/2022/3274454 // URL: https://www.researchgate.net/publication/362844760_Form_Specification_of_Smart_Contract_for_Intellectual_Property_Transaction_Based_on_Blockchain; El Harrak M. Smart Contracts and Intellectual Property: Revolutionizing Management and Enforcement of patents, Copyrights and Trademarks in the Digital Age // *Revue libre de Droit*. 2021. P. 107–111; Magnanini F., Ferretti L., Colajanni M. Efficient License Management Based on Smart Contracts Between Software Vendors and Service Providers // *Conference: 2019 IEEE 18th International Symposium on Network Computing and Applications (NCA)*. September 2019. P. 1–6. DOI: 10.1109/NCA.2019.8935038. URL: <https://www.researchgate.net/publication/338077339>.

удостоверение выражается в его учетной привязке к информационно-программной среде путем присвоения идентификационной записи. Единицей учета служит токен³. Термин «токен» не получил законодательной регламентации в России и существует только в современных научных трудах. Хотя законодателем и предпринималась попытка ввести его в гражданский оборот в качестве вида цифрового актива⁴, но, к счастью, соответствующая дефиниция не приобрела статуса нормы права.

Одни авторы полагают, что токен является подтверждением самого материального или цифрового объекта⁵. В контексте интеллектуальных прав речь идет об известных континентальному правопорядку результатах научно-творческих усилий, выраженных в объективной форме (вещи, материальные или цифровые носители и др.).

Вторая группа авторов, коих в отечественной науке большинство, считает токен техническим средством удостоверения исключительных прав, выступающих объектом гражданского оборота⁶. Однако при верности данной позиции нельзя не заметить, что современная практика гражданского оборота наполняется множеством случаев отчуждения самих цифровых произведений, а не исключительных или лицензионных прав на них.

Всё началось с того, что в 2021 г. американская блокчейн-компания Injective Protocol,

выкупив авторизированную копию работы известного уличного художника Бэнкси под названием *Morons (White)*, создала ее цифровой образ, удостоверяемый невзаимозаменяемым токеном. Оригинальный предмет искусства был намеренно уничтожен огнем в виде творческого акта. В дальнейшем новое цифровое произведение, «окрашенное» токеном, было выставлено на аукцион для последующей реализации с помощью смарт-контракта⁷. При этом интеллектуальное имущественное право на оригинальный арт-объект осталось в статике, не следуя за токенизируемым виртуальным объектом.

Какая же теоретическая установка должна быть принята за основу? Забегая несколько вперед, следует отметить, что оба подхода не являются взаимоисключающими и в определенных ситуациях участники смарт-контракта могут даже конструировать один комплексный объект цифрового распоряжения, представленный виртуальной репродукцией как самой ценности, так и прав на нее.

В первую очередь важно осознавать, что для индивидуально-определенной идентификации интеллектуальной собственности подходят не все токены, а только способные формировать уникальный цифровой след в распределенной системе. В доктрине указанный вид токенов назван невзаимозаменяемым (*non-fungible token*,

³ Впервые токены упоминались в качестве мелких разменных монет, которые печатали английские промышленники в XVI в. из меди и латуни для поддержания локальной торговли, английское правительство практически не чеканило мелких монет (издержки на производство превышали их номинал). См. подробнее: *Wells W. C. Seventeenth-century tokens of Northamptonshire* // URL: https://www.britnumsoc.org/publications/Digital%20BNJ/pdfs/1909_BNJ_6_15.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.

⁵ См., например: *Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования* // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10 (241). С. 72.

⁶ См., например: *Гонгало Б. М., Новосёлова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права?* // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 184; *Полежаев О. А. NFT-активы в системе объектов гражданских прав: проблемы юридической квалификации отношений* // Закон. 2023. № 9. С. 68–75.

⁷ В США сожгли картину Бэнкси и превратили ее в «виртуальный актив» // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/03/2021/6040d9459a79472ec22a722e> (дата обращения: 28.05.2025).

или NF-токен)⁸. Рассмотрим основные характеристики NF-токена в контексте объектов интеллектуальной собственности:

1. Уникальный характер цифровой записи — достигается реализацией хэш-функции, делающей возможным преобразование исходных данных в неповторимый набор символов в системе блокчейн либо иной информационной системе централизованного или децентрализованного свойства. В итоге уникальный токен позволяет обеспечить целостность и неповторимость сведений о любых обстоятельствах и результатах научно-творческой деятельности.

2. Неизменность цифровых данных. Идентификатор NF-токена в системе блокчейн, история транзакций и иные атрибуты, содержащиеся в метаданных токена, не могут быть изменены по усмотрению сторон без достижения консенсуса между всеми элементами и узлами информационной инфраструктуры.

3. Прозрачность жизненного цикла уникального токена. Заинтересованные пользователи по умолчанию в любой момент могут получить информацию о дате и времени возникновения цифровой ценности, ее правообладателе, а также о дальнейших обязательственных действиях в отношении цифрового актива.

4. Уникальный токен является способом фиксации имущественных прав. Это могут быть вещные, обязательственные, исключительные, лицензионные или иные правомочия, детализированные по правилам информационной системы.

5. Синергетический синтез вышеперечисленных признаков уникального токена придает ему качество цифрового сертификата аутентичности, который позволяет убедиться в оригинальности объекта интеллектуальной собственности и его принадлежности конкретному автору или правообладателю, пусть даже в презюмирующем контексте, если мы имеем дело с авторскими или смежными с ними творениями.

Таким образом, функционально уникальный токен завершает процесс формирования цифрового следа у имущественных активов в целях

их вовлечения в объектный контур смарт-контракта, направленного на распоряжение исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности.

В развитие данного тезиса попробуем сформировать матрицу возможных вариантов цифровой объективизации в сфере интеллектуальных прав.

Во-первых, стороны цифрового договорного правоотношения могут токенизировать права на материальные объекты, в которых выражены результаты интеллектуальной деятельности. Это рукописи художественных творений, нотные записи, экземпляры произведений живописи и скульптуры, программ для ЭВМ и баз данных, оптические носители звукозаписей, конструкторская и программная документация, опытные образцы и серийные прототипы технических устройств и т.д.

В большинстве своем здесь токен будет удостоверить только вещное право на материальный носитель или экземпляр воплощения результатов творческого труда автора без цифровой объективизации интеллектуальных прав. Исключением станут случаи, когда частная автономия воли сторон связывает токен с исключительным правом на соответствующее произведение или научно-техническое достижение либо когда продавцом по смарт-контракту выступает собственник «окрашенного» токеном оригинала произведения, обладающий исключительным правом, но не являющийся его автором: продажа оригинального продукта творчества приравнивается к отчуждению исключительного права на него, разумеется, если иной подход диспозитивно не определен участниками правоотношения. Такая правовая судьба предусмотрена законом, например для авторских прав коллекционеров оригинальных картин, скульптур, иных эксклюзивных объектов пространственного исполнения (ч. 1 ст. 1291 ГК РФ), а также смежных прав публикаторов (ч. 1 ст. 1343 ГК РФ).

Вместе с тем технологический прогресс, как известно, не стоит на месте, генерируя новые возможности для художественного самовыра-

⁸ В целях ухода от терминов, возникших вследствие дословного перевода английских слов, в рамках статьи будет использоваться термин «уникальный токен».

жения. И вот уже современный рынок цифрового искусства может похвастаться многомиллионными сделками по реализации творческих произведений в виде цифровых артефактов. Например, более 17 млн долл. США выручено аукционным домом Sotheby's за продажу уникальных токенов графического наполнения цифрового художника Пака⁹; беспрецедентный по стоимости цифровой коллаж *Everydays: The First 5 000 Days* художника М. Винкельманна продан за баснословные 69,3 млн долл. США¹⁰. Подобные акты манифеста искусства, свободного от физического носителя, указывают на предпосылки появления следующего варианта объективизации интеллектуальной собственности.

В частности, речь идет о результатах научной и творческой деятельности, представленных только в виде цифрового образа и, как правило, синтезированных с помощью специальных информационно-технологических средств выражения замысла или идей автора либо изобретателя. Это могут быть цифровые графические, текстовые, музыкальные, аудиовизуальные произведения, программные продукты, интерактивные базы данных, текстуализация или визуализация формулы изобретения, полезной модели или форм-фактора промышленного образца.

В доктринальной среде отсутствует единство мнений по поводу правовой природы этих объектов. Одни авторы обосновывают их вещно-правовой характер и требуют пополнения переч-

ня объектов гражданских прав, предусмотренных статьей 128 ГК РФ¹¹, другие концентрируются на их интеллектуально-правовом наполнении. Так, исследователь А. В. Снопкова предлагает считать их сложными объектами, имеющими комплексную структуру, состоящую из различных результатов интеллектуального труда¹².

Концептуально не отвергая указанные позиции, важно сделать акцент на ключевых моментах, связанных с цифровыми результатами творчества:

1. В отличие от советского авторского права, которое к произведениям предъявляло требования об их выражении «в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения»¹³, современный позитивный подход допускает материализацию произведения в любой объективной форме, которая может восприниматься человеком с помощью не только органов чувств, но и аппаратных или программных средств. Изложенное означает распространение режима авторско-правовой охраны на цифровые продукты творчества, не имеющие материального выражения.

2. Относительно недавно в науке было распространено мнение об отсутствии необходимости в выделении цифрового оригинала и экземпляров произведения, созданного в электронном виде, в силу их тождественности¹⁴. Появление уникального токена позволило доказать практическую несостоятельность этой

⁹ \$17 Million Realized in Sotheby's First NFT Sale with Digital Creator Pak // Sotheby's. URL: <https://www.sothebys.com/en/articles/17-million-realized-in-sothebys-first-nft-sale-with-digital-creator-pak> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁰ Цифровой коллаж продали за фантастическую сумму в 69,3 миллиона долларов // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/03/12/cifrovoy-kollazh-prodali-za-fantasticheskuyu-summu-v-693-millionov-dollarov.html> (дата обращения: 07.06.2025).

¹¹ *Залюбовская А. Д.* NFT: самостоятельный результат интеллектуальной деятельности или экономический суррогат творчества // *Право и бизнес. 2023. № 2. СПС «КонсультантПлюс» ; Емельянов Д. С., Емельянов И. С.* Указ. соч. С. 75.

¹² *Снопкова А. В.* Проблемы правовой охраны объектов digital art // *Право цифровой экономики — 2022 (18) : ежегодник-антология / рук. и науч. ред. д. ю. н. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2022. С. 63.*

¹³ *Серебровский В. И.* Вопросы советского авторского права. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 32.

¹⁴ См.: *Кобыляцкий Д. А.* Правовая охрана произведений в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Ростов н/Д, 2015. С. 86 ; *Калятин В. О.* О правовых последствиях отчуждения оригинала произведения // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 7. С. 7.*

формулы. Дело в том, что метаданные токена, обеспечивающего цифровую учетную привязку к творческому результату интеллектуальной деятельности, могут содержать информацию об авторе произведения, дате его создания и иные сведения, необходимые для дальнейшего подтверждения аутентичности оригинального объекта. Этот способ идентификации прямо предусмотрен законом (в соответствии с п. 1 ст. 1300 ГК РФ информация об авторском праве может быть представлена в виде конкретных цифр и кодов) и формирует презумпцию авторского труда.

3. Приращение авторских произведений, имеющих только цифровой формат объективизации, характеристиками оригинальных экземпляров усиливает аргументацию сторонников вещно-правового режима для указанных цифровых объектов.

Однако у противников подобного подхода на теоретическом вооружении остается, пожалуй, основной содержательный довод, подкрепленный многовековой доктриной. Речь идет о физической осязаемости объектов вещного права, в отличие от виртуальных сущностей¹⁵, с чем, безусловно, не поспоришь. Вместе с тем политико-правовые обстоятельства, обусловленные реалиями хозяйственных связей участников правоотношений, создают предпосылки для возможного отказа в некоторых случаях от бинарного состояния (вещь — не вещь) при оценке юридической судьбы отдельных объектов гражданских прав.

В свое время К. П. Победоносцев, проникая в мировоззренческий контекст отношений собственности, обосновал «живую связь» человека с вещью как своего рода философско-правовую идею¹⁶, в дальнейшем возведенную профессором С. С. Алексеевым в разряд оригинальных

традиций отечественного цивилистического уклада¹⁷. Развивая данные умозаключения, профессор Г. А. Гаджиев абсолютно справедливо высказался о применении субъективного права собственности к юридическому понятию вещи, которое оторвано только от телесного воплощения объекта и включает бестелесные «как бы» вещи, т.е. «юридические фикции вещей»¹⁸.

Под влиянием указанных рассуждений не усматривается политико-правовых препятствий для применения вещного правового режима и к цифровым произведениям интеллектуальной деятельности. Ведь дифференциация объектов гражданских прав осуществляется как раз по принципу разности регуляторных сценариев, а не исходя из их физических свойств¹⁹. Такие объекты, представляющие собой объективированные результаты творческого труда и имеющие самостоятельную коммерческую ценность для иных участников гражданского оборота, обладают свойством товара и вполне могут для целей правоприменения укладываться в универсалию вещей в их юридическом смысле.

И наконец, третий вариант объективизации связан с цифровой репрезентацией самого исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные как в вещественной (материальной), так и в цифровой форме. К сожалению, зачастую покупатель заблуждается при приобретении уникального токена, маркирующего то или иное творческое произведение, и полагает возможным использовать его авторско-правовыми способами, включая коммерческую репликацию.

Поскольку по умолчанию сторон при переходе токена от одного лица к другому исключительное право на соответствующее произведение остается в статике, для целей его оборота необходимо в первую очередь прямо и недву-

¹⁵ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. С. 198–199.

¹⁷ Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 9.

¹⁸ Гаджиев Г. А. Возрождение традиционной для России цивилистической культуры в Гражданском кодексе РФ 1994 г. // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 6. С. 78.

¹⁹ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 45.

смысленно формализовать содержание интеллектуального имущественного права в привязке к токену.

Важно, что цифровая проекция исключительного права не влечет изменения его правовой природы. В то же время в отдельных случаях, как верно подмечает профессор Л. А. Новосёлова, цифровая форма позволяет «установить гораздо более высокую степень интеграции с выраженным в нем объектом, благодаря которому обладающий средством юридической репрезентации блага субъект может и распоряжаться последним, и осуществлять иные правомочия»²⁰. Какие практические преимущества получают участники цифрового гражданского оборота?

Например, правообладатель может сформировать удостоверенный уникальным токеном портфель разноплановых интеллектуальных продуктов, сочетающий объекты авторских, смежных и патентных прав, а также средства индивидуализации товаров, работ и услуг. Либо, наоборот, несколько уникальных токенов на

единое исключительное право способны технически решить многолетнюю проблему его декомпоновки и определения долей и правомочий совместных правообладателей.

Но, воспринимая как пророческие слова Г. Ф. Шершеневича о том, что содержание категории исключительных прав «будет постепенно расти по мере дальнейшего усложнения современной экономической системы и создания совершенно новых отношений»²¹, полагаем вероятным, что лучшие примеры практической реализации интеллектуальных прав в цифровом воплощении еще впереди.

Таким образом, объективизация интеллектуальной собственности в виртуальной среде представляет собой систему цифровой репрезентации результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них с применением уникальных токенов, маркирующих принадлежность соответствующей имущественной ценности определенному субъекту.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 240 с.
2. Гаджиев Г. А. Возрождение традиционной для России цивилистической культуры в Гражданском кодексе РФ 1994 г. // Вестник гражданского права. — 2024. — Т. 24. — № 6. — С. 75–82.
3. Гонгало Б. М., Новосёлова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права? // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179–192.
4. Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2021. — № 10 (241). — С. 71–76.
5. Залюбовская А. Д. NFT: самостоятельный результат интеллектуальной деятельности или экономический суррогат творчества // Право и бизнес. — 2023. — № 2. — С. 45–49.
6. Калятин В. О. О правовых последствиях отчуждения оригинала произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2016. — № 7. — С. 5–16.
7. Кобыляцкий Д. А. Правовая охрана произведений в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Ростов н/Д, 2015. — 196 с.
8. Новосёлова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть закона. — 2021. — № 2 (46). — С. 75–91.

²⁰ Новосёлова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть закона. 2021. № 2 (46). С. 86.

²¹ Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1891. С. 74.

9. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вещные права. — М. : Статут, 2002. — 800 с.
10. *Полежаев О. А.* NFT-активы в системе объектов гражданских прав: проблемы юридической квалификации отношений // Закон. — 2023. — № 9. — С. 68–75.
11. *Серебровский В. И.* Вопросы советского авторского права. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. — 283 с.
12. *Снопкова А. В.* Проблемы правовой охраны объектов digital art // Право цифровой экономики — 2022 (18) : ежегодник-антология / рук. и науч. ред. д. ю. н. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2022. — С. 62–97.
13. *Суханов Е. А.* Вещное право : научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017. — 559 с.
14. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — Т. 21. — № 6. — С. 7–29.
15. *Шершеневич Г. Ф.* Авторское право на литературные произведения. — Казань : Тип. Имп. ун-та, 1891. — 313 с.
16. *El Harrak M.* Smart Contracts and Intellectual Property: Revolutionizing Management and Enforcement of patents, Copyrights and Trademarks in the Digital Age // Revue libre de Droit. — 2021. — P. 107–111.
17. Form Specification of Smart Contract for Intellectual Property Transaction Based on Blockchain / Z. Duan, W. Feng, W. Zhong [et al.] // Wireless Communications and Mobile Computing. — 2022. — No. 3. — P. 1–9. — DOI: 10.1155/2022/3274454. — URL: https://www.researchgate.net/publication/362844760_Form_Specification_of_Smart_Contract_for_Intellectual_Property_Transaction_Based_on_Blockchain.
18. *Magnanini F., Ferretti L., Colajanni M.* Efficient License Management Based on Smart Contracts Between Software Vendors and Service Providers // Conference: 2019 IEEE 18th International Symposium on Network Computing and Applications (NCA). — September 2019. — P. 1–6. — DOI: 10.1109/NCA.2019.8935038. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/338077339>.
19. *Wells W. C.* Seventeenth-century tokens of Northamptonshire // URL: https://www.britnumsoc.org/publications/Digital%20BNJ/pdfs/1909_BNJ_6_15.pdf.

Материал поступил в редакцию 27 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Pravo sobstvennosti. Problemy teorii. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2010. — 240 s.
2. Gadzhiev G. A. Vozrozhdenie traditsionnoy dlya Rossii tsivilisticheskoy kultury v Grazhdanskom kodekse RF 1994 g. // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2024. — T. 24. — № 6. — S. 75–82.
3. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Est li mesto «tsifrovym pravam» v sisteme obektov grazhdanskogo prava? // Permskiy yuridicheskiy almanakh. — 2019. — № 2. — S. 179–192.
4. Emelyanov D. S., Emelyanov I. S. Nevzaimozamenyaemye tokeny (NFT) kak samostoyatelnyy obekt pravovogo regulirovaniya // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 10 (241). — S. 71–76.
5. Zalyubovskaya A. D. NFT: samostoyatelnyy rezultat intellektualnoy deyatel'nosti ili ekonomicheskii surrogat tvorchestva // Pravo i biznes. — 2023. — № 2. — S. 45–49.
6. Kalyatin V. O. O pravovykh posledstviyakh otchuzhdeniya originala proizvedeniya // Intellektual'naya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2016. — № 7. — S. 5–16.
7. Kobylatskiy D. A. Pravovaya okhrana proizvedeniy v seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — Rostov n/D, 2015. — 196 s.
8. Novoselova L. A., Polezhaev O. A. Tsifrovye finansovye aktivy kak obekty imushchestvennykh otnosheniy: aktualnye voprosy teorii i praktiki // Vlast zakona. — 2021. — № 2 (46). — S. 75–91.

9. Pobedonostsev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast: Votchinnye prava. — M.: Statut, 2002. — 800 s.
10. Polezhaev O. A. NFT-aktivy v sisteme obektov grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii otnosheniy // *Zakon*. — 2023. — № 9. — S. 68–75.
11. Serebrovskiy V. I. Voprosy sovetskogo avtorskogo prava. — M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. — 283 s.
12. Snopkova A. V. Problemy pravovoy okhrany obektov digital art // *Pravo tsifrovoy ekonomiki* — 2022 (18): ezhegodnik-antologiya / ruk. i nauch. red. d. yu. n. M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2022. — S. 62–97.
13. Sukhanov E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 559 s.
14. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» // *Vestnik grazhdanskogo prava*. — 2021. — T. 21. — № 6. — S. 7–29.
15. Shershenevich G. F. Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya. — Kazan: Tip. Imp. un-ta, 1891. — 313 s.
16. El Harrak M. Smart Contracts and Intellectual Property: Revolutionizing Management and Enforcement of patents, Copyrights and Trademarks in the Digital Age // *Revue libre de Droit*. — 2021. — P. 107–111.
17. Form Specification of Smart Contract for Intellectual Property Transaction Based on Blockchain / Z. Duan, W. Feng, W. Zhong [et al.] // *Wireless Communications and Mobile Computing*. — 2022. — No. 3. — P. 1–9. — DOI: 10.1155/2022/3274454. — URL: https://www.researchgate.net/publication/362844760_Form_Specification_of_Smart_Contract_for_Intellectual_Property_Transaction_Based_on_Blockchain.
18. Magnanini F., Ferretti L., Colajanni M. Efficient License Management Based on Smart Contracts Between Software Vendors and Service Providers // *Conference: 2019 IEEE 18th International Symposium on Network Computing and Applications (NCA)*. — September 2019. — P. 1–6. — DOI: 10.1109/NCA.2019.8935038. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/338077339>.
19. Wells W. C. Seventeenth-century tokens of Northamptonshire // URL: https://www.britnumsoc.org/publications/Digital%20BNJ/pdfs/1909_BNJ_6_15.pdf.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.100-108

М. В. Лушникова*

Компенсация за задержку выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, в контексте налоговых споров

Аннотация. В статье представлен авторский анализ правовой природы денежной компенсации за задержку выплаты заработной платы и иных причитающихся работнику выплат в качестве гарантии по оплате труда работников и способа обеспечения исполнения обязанности работодателя. Дана критическая оценка позиции законодателя в части применения к рассматриваемому институту юридической конструкции материальной ответственности работодателя без вины. Особое внимание уделено межотраслевым связям НК РФ и ТК РФ с точки зрения терминологической многозначности терминов и понятий трудового права (компенсации, компенсационные выплаты), используемых в НК РФ в целях налогообложения указанной денежной компенсации. Выявлены зоны правовой неопределенности. Проблемы исследуются в ключе субсидиарного межотраслевого регулирования на основе обобщения судебной практики и официальной позиции Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы. Сделан вывод о том, что денежная компенсация за задержку зарплаты не является доходом (в значении экономической выгоды) и не должна квалифицироваться в качестве объекта обложения налогом на доходы физических лиц. Предложены решения по преодолению и устранению правовой неопределенности, оптимизации межотраслевых связей путем внесения дополнений в ТК РФ (ст. 164, 129, 130) в части дефиниции компенсаций и компенсационных выплат, гарантий по оплате труда работников, а также в НК РФ (п. 1 ст. 217, п. 1 ст. 422) в отношении порядка освобождения от обложения налогом на доходы физических лиц и страховыми взносами компенсаций за задержку заработной платы и иных выплат.

Ключевые слова: Трудовой кодекс РФ; межотраслевые связи; субсидиарное межотраслевое регулирование; компенсация за задержку выплаты заработной платы и иных выплат; компенсационные выплаты; правовая неопределенность; Налоговый кодекс РФ; налог на доходы физических лиц; страховые взносы; расходы по налогу на прибыль

Для цитирования: Лушникова М. В. Компенсация за задержку выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, в контексте налоговых споров // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 100–108. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.100-108

© Лушникова М. В., 2026

* Лушникова Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Российская Федерация, 150003
mvlushnikova@mail.ru

Compensation for Delayed Payment of Wages and Other Employee Entitlements in the Context of Tax Disputes

Marina V. Lushnikova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Labor and Financial Law, Demidov Yaroslavl State University; Honored Lawyer of the Russian Federation; Honorary Worker of Higher Professional Education, Yaroslavl, Russian Federation
mvlushnikova@mail.ru

Abstract. The paper provides the author's analysis and assessment of the legal nature of monetary compensation for the delayed payment of wages and other payments due to an employee as a wage guarantee and as a means of ensuring the employer's performance of its obligation. The author critically evaluates the legislator's position regarding the application to this institution of the legal construct of the employer's strict (nofault) liability. Particular attention is paid to the intersectoral links between the Tax Code of the Russian Federation and the Labor Code of the Russian Federation from the perspective of the terminological ambiguity of labor law terms and concepts (compensation, compensatory payments) used in the Tax Code of the Russian Federation for the purposes of taxing the monetary compensation in question. The paper also defines the areas of legal uncertainty. The problems are examined through the lens of subsidiary intersectoral regulation on the basis of a generalization of judicial practice and the official positions of the Ministry of Finance of Russia and the Federal Tax Service. The paper concludes that monetary compensation for delayed payment of wages does not constitute income (in the sense of an economic benefit) and should not be qualified as an object of personal income taxation. As a solution the author proposes to overcome and eliminate legal uncertainty and to optimize intersectoral links by introducing amendments to the Labor Code of the Russian Federation (Articles 164, 129, and 130) with regard to the definition of compensation and compensatory payments and wage guarantees, as well as to the Tax Code of the Russian Federation (paragraph 1 of Article 217; paragraph 1 of Article 422) concerning the procedure for exemption from personal income tax and insurance contributions of compensation for delayed payment of wages and other payments.

Keywords: Labor Code of the Russian Federation; intersectoral links; subsidiary intersectoral regulation; compensation for delayed payment of wages and other payments; compensatory payments; legal uncertainty; Tax Code of the Russian Federation; personal income tax; insurance contributions; corporate profit tax expenses

Cite as: Lushnikova MV. Compensation for Delayed Payment of Wages and Other Employee Entitlements in the Context of Tax Disputes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):100-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.100-108

В основании проблематики, заявленной в названии данной статьи, лежит теория оптимизации межотраслевых правовых связей трудового права в формах субсидиарного, конкурентного и совместного правового регулирования общественных отношений в сфере труда и налогообложения¹. Применительно к предмету нашего исследования имеются в виду трудовые права работника на своевременную и в полном объеме выплату заработной платы (ст. 21 ТК РФ), соответственно, и право на получение компенсации в случаях задержки зар-

ботной платы, других выплат, с одной стороны, а с другой — корреспондирующие обязанности работодателя в трудовых отношениях (ст. 22 ТК РФ). В налоговых правоотношениях данная компенсация обычно на практике рассматривается как объект обложения налогом на доходы физических лиц, страховыми взносами и не учитывается в качестве расходов по налогу на прибыль, что вызывает у нас возражения и сомнения в обоснованности такой правоприменительной практики. Забегая вперед, отметим, что правовая неопределенность в части правовой

¹ Лушникова М. В. Трудовое право в системе отраслей российского права: проблемы оптимизации межотраслевых связей // Формирование и развитие отраслей права в исторической правовой реальности России : в 12 т. Т. 3 : Трудовое право России. М., 2020. С. 125–151.

природы и дефиниции процентов (денежной компенсации) за задержку выплаты заработной платы и иных выплат в трудовых отношениях (ст. 236 ТК РФ) неизбежно порождает налоговые споры по определению объекта обложения по налогу на доходы физических лиц, налогу на прибыль, страховым взносам и квалификации расходов по налогу на прибыль.

Для налогового права проблемы правовой неопределенности норм имеют особую значимость. Как справедливо указывается в литературе, это во многом продиктовано публично-правовой природой налогового права, связано с фискальным принудительным характером налоговых платежей, а также имманентно присутствующим налоговым отношениям конфликтностью². Принцип правовой определенности — это общеправовой принцип, и, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, этот принцип означает ясность, точность, недвусмысленность, непротиворечивость норм права, их стабильность и запрет обратной силы закона³.

Вместе с тем эффективная защита прав работника на своевременную и полную выплату заработной платы и причитающихся ему выплат должна обеспечиваться средствами не только трудового права, но и иных отраслей права, включая налоговое право. Именно в этом аспекте можно и должно вести речь об оптимизации межотраслевых связей трудового и налогового права, где особая роль отводится не санкциям и мерам принуждения, а стимулированию работодателей к досудебному согласительному порядку выплаты компенсации за задержку оплаты труда и иных выплат на основании коллективного договора, локального нормативного правового акта, индивидуального трудового договора, в том числе и в повышенном размере. Однако при этом в полной мере должен реализовываться баланс фискальной и регулирующей функций

налоговой системы государства. Иными словами, речь идет о соблюдении баланса частных и публичных интересов в правовом регулировании трудовых и налоговых отношений.

В поисках правового решения обозначенной проблемы рассмотрим следующие вопросы.

1. О правовой природе процентов (денежной компенсации) за задержку выплаты заработной платы и иных выплат в трудовых отношениях

Компенсация за задержку выплаты заработной платы и иных выплат определяется законодателем в качестве одного из видов материальной ответственности работодателя. Полагаем, что это весьма сомнительное решение законодателя. Во-первых, вопреки общему правилу о юридической ответственности за вину, к этому виду материальной ответственности работодателя законодатель применил гражданско-правовую конструкцию ответственности без вины, которую, кстати, признают далеко даже не все цивилисты. Во-вторых, по своей правовой природе это иное правовое явление, которое следует отнести к специальным правилам денежной компенсации за нарушение сроков выплаты (аналог пени в налоговом праве) с особым установленным порядком расчета в привязке к ключевой ставке ЦБ РФ. Этот вид денежной компенсации по назначению сходен и с индексацией заработной платы. Имеются в виду выплаты (компенсации) в форме индексации заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары, услуги (ст. 134 ТК РФ). Стоит отметить позицию Конституционного Суда РФ, который в оценке ст. 236 ТК РФ употребляет словосочетание «компенсационный механизм», а не «материальная ответственность работодателя»⁴, подчеркивая особую правовую природу этой компенсации

² Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления. М., 2013. С. 4–7.

³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2017 № 13-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в связи с запросом Ленинградского областного суда» // Российская газета. 2017. 10 мая. № 110.

⁴ Постановление КС РФ от 04.04.2024 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Сысоева» // СЗ РФ. 2024. № 16. Ст. 2290.

за задержку заработной платы и иных выплат. Иными словами, статья 236 ТК РФ имеет целью компенсировать негативные последствия в виде лишения работника и членов его семьи необходимых денежных средств (возможности своевременно ими воспользоваться)⁵. Выплата денежных компенсаций за задержку заработной платы и иных выплат работнику — одна из гарантий по оплате труда работников, которой должно быть место в ст. 130 ТК РФ «Основные государственные гарантии по оплате труда работников».

В отношении работодателя данная денежная компенсация является способом обеспечения исполнения его обязанностей по своевременной выплате заработной платы наряду с таким способом, как решение федеральной инспекции труда о принудительном исполнении обязанности работодателя по выплате начисленной заработной платы и иных выплат (ст. 360.1 ТК РФ).

Таким образом, компенсацию за задержку выплаты заработной платы и иных выплат следует отнести к мерам, обеспечивающим повышение уровня реального содержания заработной платы, т.е. к основным гарантиям по оплате труда работников. Статью 236 ТК РФ следует изъять из гл. 38 «Материальная ответственность работодателя перед работником» и перенести в гл. 21 «Заработная плата» под новым наименованием «Обеспечение индексации заработной платы и других выплат в случае их задержки» (ст. 134.1 ТК РФ). Здесь уже не потребуются упоминания от ответственности работодателя, независимо от наличия вины. Для соблюдения единства терминологии и устранения конфликта с легальной дефиницией компенсаций как возмещения затрат работника (ст. 164 ТК РФ) целесообразно использовать термин «индексация выплат», которая будет сопровождать каждый вид соответствующих выплат при определении объекта налогообложения в налоговых правоотношениях.

В трудовом законодательстве действует известный принцип *in favorem*, который применяется в отношении компенсаций за задержку выплаты заработной платы и иных выплат. Он

означает, что Трудовой кодекс РФ (ст. 236) устанавливает минимальный уровень компенсации, предоставляя право социальным партнерам увеличить этот размер на коллективно-договорном или локальном нормативном уровнях либо работодателем и работником в индивидуально-договорном порядке. При повышенных размерах компенсации возникает еще один вопрос: насколько работодатель будет заинтересован в таких выплатах в части учета (или неучета) этого превышения в качестве расходов по налогу на прибыль, в качестве объекта обложения страховыми взносами?

2. О терминологической многозначности понятия «проценты («денежная компенсация») (ст. 236 ТК РФ) и проблемах квалификации объектов обложения по налогу на доходы физических лиц, страховых взносов и квалификации в качестве расходов по налогу на прибыль»

Напомним, что термины и понятия иной отраслевой принадлежности употребляются в налоговом праве в том же значении, что и в тех отраслях, в которых они существуют, если иное не установлено Налоговым кодексом РФ (ст. 11). Налоговый кодекс РФ не содержит дефиниций компенсаций, компенсационных выплат в целях налогообложения. По сути, речь идет о межотраслевом субсидиарном правовом регулировании с применением правового средства отсылки к нормам иной отраслевой принадлежности.

«Компенсации» (ст. 164 ТК РФ) и «денежные компенсации» (ст. 236 ТК РФ): соотношение понятий

В отношении компенсации за задержку выплаты заработной платы и иных выплат законодатель использует термин «проценты» в единственном значении денежной компенсации. Но при этом появляется иная терминологическая многозначность, а значит, и правовая неопределенность.

В Трудовом кодексе РФ (ст. 164) содержится легальное определение компенсаций в качестве

⁵ Костян И. А. Отдельные вопросы защиты прав работников на заработную плату // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 47–48.

денежных выплат, направленных на возмещение работнику затрат, связанных с исполнением трудовых и иных обязанностей. Суды, разрешая налоговые споры, конкретизируют признаки компенсаций (ст. 164 ТК РФ), в частности подчеркивают их соразмерность с расходами работника (фактическими или предполагаемыми)⁶, непосредственную связь с выполнением работником трудовых функций или иных обязанностей⁷. Такие компенсации, соответственно, не включаются в систему оплаты труда.

Наш случай денежной компенсации за задержку оплаты труда и иных выплат к таковым не относится, так как определиться с размером расходов работника здесь весьма проблематично. Встает вопрос: какие расходы работника, направленные на выполнение трудовых и иных обязанностей, подлежат возмещению? По сути, речь идет не о возмещении расходов работника, а о специальном способе индексации выплат при нарушении работодателем установленного срока в форме пени за просрочку. Именно этот термин и отвечает правовой природе анализируемой денежной выплаты, о чем мы уже писали выше. Таким образом, термин компенсации в трудовом праве оказывается многозначным, что порождает терминологическую правовую неопределенность. И как тут не вспомнить крылатое выражение, что иметь много значений — значит не иметь ни одного?

«Компенсационные выплаты» (ст. 129 ТК РФ) и «денежные компенсации» (ст. 236 ТК РФ): соотношение понятий

Как отмечалось выше, Конституционный Суд РФ охарактеризовал проценты (денежную компенсацию) за задержку заработной платы

и иных выплат через компенсационный механизм. Означает ли это, что названные проценты можно отнести к категории компенсационных выплат? Тем более что в НК РФ применительно к налогам на доходы физических лиц, страховым взносам также используется понятие компенсационных выплат, однако их дефиниция в целях налогообложения и в НК РФ отсутствует. Поскольку в нашей ситуации рассматриваются выплаты в рамках трудовых отношений, следует обратиться к ТК РФ. В одном из обзоров судебной практики Верховный Суд РФ особо отметил, что глава 23 НК РФ «Налог на доходы физических лиц» не содержит дефиниции компенсационных выплат в связи с исполнением трудовых обязанностей, поэтому данное понятие должно употребляться в значении, которое ему придает Трудовой кодекс РФ⁸.

Между тем в ТК РФ (ст. 129) отсутствует легальное определение компенсационных выплат, законодатель ограничился их примерным перечнем в виде надбавок и доплат компенсирующего характера за работу в особых условиях труда (вредные условия труда, разъездной характер работы, работа в ночное время и др.). Это означает, что компенсационные выплаты учитывают характер и условия труда и являются частью заработной платы (оплаты труда), устанавливаются системой оплаты труда⁹. В этой связи денежную компенсацию за задержку заработной платы и иных выплат нельзя отнести к компенсационным выплатам в том значении, о котором идет речь в ТК РФ (ст. 129), другими словами, она не соответствует указанному в этой статье назначению компенсационных выплат. В этом случае мы вновь сталкиваемся

⁶ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 октября 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2 ; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2024 № 20АП-5260/2024 по делу № А62-6548/2023 // Здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2024 № 01АП-873/24 по делу № А43-11340/2023.

⁸ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 октября 2015 г.

⁹ Приказ Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства» (документ опубликован не был).

с терминологической правовой неопределенностью, порождающей проблемы квалификации объектов налогообложения и определения налоговой базы по налогам на доходы и страховым взносам.

Начнем с официальной позиции Минфина России, которая не отличается последовательностью ни в квалификации денежной компенсации за задержку заработной платы, ни в аргументации. Так, в 2022 г. появились письма Минфина России с противоположными разъяснениями правовой природы рассматриваемой компенсации и порядка ее обложения налогом на доходы физических лиц и страховыми взносами. В письме от 11.03.2022¹⁰ эта денежная компенсация отнесена к компенсационным выплатам, предусмотренным законодательством, которые в соответствии со ст. 217 НК РФ не облагаются налогом на доходы физических лиц. Но, как мы уже отмечали выше, данная компенсация не отвечает признакам компенсационных выплат (ст. 129 ТК РФ). В других же письмах, датированных тем же годом и позднее, было дано иное пояснение, согласно которому эти денежные компенсации за задержку заработной платы признавались объектом обложения налогом на доходы физических лиц и страховыми взносами. Аргументация указанной позиции шла от обратного, т.е. констатировалось, что компенсация, предусмотренная статьей 236 ТК РФ, не является возмещением затрат работников, связанных с исполнением ими трудовых обязанностей¹¹. Имеется в виду компенсация в значении ст. 164 ТК РФ. В более поздних письмах появился еще один аргумент — об отсутствии специальной нормы в ст. 422 НК РФ о включении в перечень необлагаемых объектов страховыми взносами сумм денежной компенсации за задержку заработной платы¹². Таким образом, доводы Минфина РФ вызывают вопросы, так как построены на отрицательных аргументах: компенсация по ст. 236 ТК РФ не является компенсацией и

не предусмотрена в перечне необлагаемых объектов. Исходя из этого рождается объект налогообложения? В отношении налога на доходы физических лиц действует презумпция облагаемости любых доходов, за исключением закрытого перечня доходов, освобожденных от налогообложения. Однако облагаемый доход должен отвечать квалифицирующим признакам экономической выгоды (ст. 41 НК РФ), индивидуализации и порядка определения размера дохода. Полагаем, что компенсация за задержку заработной платы не отвечает признаку экономической выгоды. Работник в случае задержки заработной платы и иных выплат лишается возможности своевременного использования этих денежных средств. Не исключается ситуация, в которой он будет вынужден заключать договоры денежного займа и т.п. В случае последующей компенсации по нормам, установленным статьей 236 ТК РФ, идет восстановление имущественной составляющей трудового отношения, а не ее прирост (экономическая выгода).

Столь же неоднозначна и противоречива судебная практика и касательно квалификации объекта обложения компенсации за задержку оплаты труда налогом на доходы физических лиц и страховыми взносами. Так, Верховный Суд РФ в сравнительно недавнем определении от 20.05.2024 поддержал позицию налоговых органов в отношении налогообложения денежной компенсации за задержку заработной платы налогом на доходы физических лиц и страховыми взносами. В качестве аргументов были приведены все те же доводы о природе этой компенсации как вида материальной ответственности работодателя. Применительно к юридическим терминам отмечено, что компенсация за нарушение работодателем срока выплаты зарплаты не является компенсацией в значении ст. 164 ТК РФ, т.е. возмещением затрат работников, связанных с исполнением ими трудовых обязанностей, а потому не включается

¹⁰ Письмо Минфина России от 11.03.2022 № 03-04-05/18004.

¹¹ Письма Минфина России от 25.10.2022 № 03-04-05/103057 ; от 27.05.2022 № 03-04-06/50079 ; письмо ФНС России от 26.01.2023 № БС-4-11/850@.

¹² Письмо Минфина России от 28.12.2024 № 03-15-05/133188.

в перечень компенсационных выплат, освобождаемых от налогообложения, ст. 217 НК РФ¹³.

Отметим, что ранее Верховный Суд РФ придерживался другой позиции, считая, что денежная компенсация по ст. 236 ТК РФ не является вознаграждением, поэтому не подлежит включению в объект обложения страховыми взносами в качестве компенсационной выплаты, связанной с выполнением трудовых обязанностей¹⁴.

Между тем арбитражные суды демонстрируют и иные подходы, отличные от позиции Минфина России, и аргументы в части квалификации денежных компенсаций за несвоевременную выплату заработной платы и иных выплат в трудовых отношениях в целях налогообложения. Рассмотрим довольно знаковое постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.04.2025 в части признания незаконным обложения страховыми взносами компенсации за задержку заработной платы¹⁵. Суд обосновал решение тем, что данная компенсация не является оплатой труда, представляет собой дополнительную защиту прав работника, выплачиваемую на основании закона, и, хотя не включена в перечень необлагаемых выплат, взносы на нее не должны начисляться. В другом решении¹⁶ уже Арбитражный суд Волго-Вятского округа признал эти денежные компенсации компенсационными выплатами, предусмотренными законом, а следовательно, не облагаемыми страховыми взносами (ст. 20.1 Закона «Об обязательном социальном страховании несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»¹⁷).

Похожая по своей неоднозначности ситуация складывается и с квалификацией денежной

компенсации за задержку заработной платы в качестве расходов по налогу на прибыль. В отношении налога на прибыль Минфин России поясняет, что компенсация за задержку заработной платы не может относиться на расходы на оплату труда (ст. 255 НК РФ), поскольку не является компенсационной выплатой, которая связана с режимом работы и условиями труда, а также содержанием работника. Нельзя, по мнению Минфина, отнести эти компенсации и на внереализационные расходы (п. 1 ст. 265 НК РФ). А вот аргумент приводится весьма любопытный, а именно: компенсация по ст. 236 ТК РФ не учитывается во внереализационных расходах, так как ее размер может устанавливаться трудовым договором и коллективным договором¹⁸. Между тем судебная практика на сей счет показывает порой иное: эти компенсации признаются по ст. 236 ТК либо внереализационными расходами, либо расходами на оплату труда¹⁹.

Правовая неопределенность в обозначенных сферах в налоговых отношениях здесь и сейчас может быть преодолена на основе принципа толкования всех неразрешимых противоречий в пользу работника (ст. 3 НК РФ). Эти противоречия, во-первых, объективны, что подтверждается неоднозначной судебной практикой и непоследовательной позицией Минфина России. Во-вторых, они не устраняются с использованием всех необходимых способов толкования закона. Очевидно, что необходимо устранение этих дефектов законодательной техники путем внесения соответствующих изменений и дополнений в ТК РФ и НК РФ.

¹³ Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2024 № 305-ЭС19-19610(25) по делу № А40-208163/2015.

¹⁴ Определение Верховного Суда РФ от 14.07.2020 № 310-ЭС20-9103 по делу № А83-7286/2018 ; определение Верховного Суда РФ от 28.12.2016 № 310-КГ16-17515 по делу № А64-7720/2015.

¹⁵ Постановление АС Северо-Западного округа от 07.04.2025 по делу № А42-3543/2024.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.11.2022 № Ф01-6835/2022 по делу № А43-12744/2022.

¹⁷ Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

¹⁸ Письмо Минфина России от 31.10.2011 № 03-03-06/2/164.

¹⁹ Путеводитель по налогам. Энциклопедия спорных ситуаций по налогу на прибыль // СПС «Консультант-Плюс». 2025.

Заключение и предложения de lege ferenda

1. Компенсация за задержку заработной платы и иных выплат в трудовых отношениях по своей правовой природе является одной из основных по оплате труда работника и должна быть указана в ст. 130 ТК РФ. В отношении работодателя обязанность выплаты этой компенсации представляет собой не материальную ответственность без вины, а способ обеспечения исполнения обязанности, что предполагает исключение этой обязанности из перечня случаев материальной ответственности работодателя и внесение соответствующих дополнений в упомянутую ст. 130 ТК РФ.

2. Компенсация за задержку заработной платы и иных выплат в трудовых отношениях не является объектом обложения налогом на доходы физических лиц, поскольку не отвечает важнейшему признаку дохода как экономической выгоды. Соответственно, не возникает объекта обложения страховыми взносами. По своей правовой природе денежная компенсация за задержку заработной платы и иных выплат должна быть отнесена на внереализационные расходы за нарушение договорных обязательств. Таким образом отчасти обеспечивается и мотивация работодателя к тому, чтобы в досудебном порядке произвести выплаты этой денежной компенсации.

3. В целях оптимизации межотраслевых связей ТК РФ и НК РФ, обеспечения заинтересованности работника и работодателя в согласительном досудебном порядке выплаты компенсации за задержку заработной платы и иных выплат,

устранения правовой неопределенности в части налогообложения этих компенсаций необходимо:

— во-первых, в ТК РФ (ст. 164) дополнить определение компенсации указанием: «а также денежные компенсации морального вреда и компенсации за задержку заработной платы и иных выплат». Закрепить в ТК РФ (ст. 129) легальную дефиницию компенсационных выплат в качестве выплат, учитывающих характер и условия труда, отграничить их от стимулирующих и социальных выплат в трудовых отношениях;

— во-вторых, в НК РФ термин «компенсационные выплаты» (п. 1 ст. 217, п. 1 ст. 422) заменить на термин «компенсации», который включает все виды компенсаций расходов социально значимого характера, в том числе компенсации в трудовых отношениях. Конкретизировать необлагаемый объект по налогу на доходы физических лиц и страховым взносам указанием на компенсации за задержку выплаты заработной платы и иных выплат независимо от формы получения (по соглашению сторон, на основании коллективного договора, локального нормативного правового акта или в судебном порядке);

— в-третьих, для предупреждения злоупотреблений со стороны участников соглашения (работника и работодателя) с целью сокрытия доходов, выплат от налогообложения установить, что не облагаются налогом, страховыми взносами денежные компенсации за задержку выплаты заработной платы и иных выплат в пределах нормативов необлагаемых сумм компенсации по ст. 236 ТК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления. — М. : Риор, Инфра-М, 2013. — 246 с.
2. Костян И. А. Отдельные вопросы защиты прав работников на заработную плату // Трудовое право в России и за рубежом. — 2023. — № 4. — С. 47–48.
3. Лушникова М. В. Трудовое право в системе отраслей российского права: проблемы оптимизации межотраслевых связей // Формирование и развитие отраслей права в исторической правовой реальности России : в 12 т. Т. 3 : Трудовое право России. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 488 с.

Материал поступил в редакцию 16 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Demin A. V. Neopredelennost v nalogovom prave i pravovye sredstva ee preodoleniya. — M.: Rior, Infra-M, 2013. — 246 s.
2. Kostyan I. A. Otdelnye voprosy zashchity prav rabotnikov na zarabotnuyu platu // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2023. — № 4. — S. 47–48.
3. Lushnikova M. V. Trudovoe pravo v sisteme otrasley rossiyskogo prava: problemy optimizatsii mezhotraslevykh svyazey // Formirovanie i razvitie otrasley prava v istoricheskoy pravovoy realnosti Rossii: v 12 t. T. 3: Trudovoe pravo Rossii. — M.: Yurlitinform, 2020. — 488 s.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.109-120

В. А. Лаптев*

Об отдельных позициях Верховного Суда РФ в части применения положений статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ

Аннотация. Летом 2025 г. Верховным Судом РФ был утвержден тематический обзор практики применения положений ст. 53.1 ГК РФ, появление которой небесспорно связывают с Концепцией развития гражданского законодательства РФ. Акцент сделан на подходах к оценке добросовестности и разумности действий (бездействия) руководителя корпоративной организации. В статье исследуются тенденции юридической доктрины и судебной практики прежних лет по данной категории корпоративных споров. Подчеркиваются положения, на которые следует обратить внимание судей и практикующих юристов при рассмотрении вопроса о возложении ответственности на лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица. Демонстрируются изменения подходов судов. Анализируются обязанности руководителя по организации системы управления корпоративной организацией, процессуальным аспектам распределения бремени доказывания в суде факта причинения убытков; экономическому эффекту от совершенной руководителем сделки, который влияет на определение размера причиненных убытков, а также принципу зачета. Раскрываются новые подходы к определению аффилированности (связанности) лиц в условиях конфликта интересов. Исследуется фактическое одобрение сделки, к которому отнесено длительное отсутствие возражений. Приводятся яркие примеры недобросовестного и неразумного поведения руководителя. Определяется порядок исчисления сроков исковой давности. Представленные размышления могут быть полезны для совершенствования судебной практики.

Ключевые слова: корпоративная ответственность; управление корпорацией; добросовестное корпоративное управление; неразумные управленческие решения; экономический эффект сделки; корпоративные убытки; ответственность руководителя; ответственность менеджмента; добросовестная корпоративная практика; корпоративные споры

Для цитирования: Лаптев В. А. Об отдельных позициях Верховного Суда РФ в части применения положений статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 109–120. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.109-120

© Лаптев В. А., 2026

* Лаптев Василий Андреевич, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), судья Арбитражного суда г. Москвы (в отставке)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
laptev.va@gmail.com

On Certain Opinions of the Supreme Court of the Russian Federation Regarding the Application of the Provisions of Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation

Vasily A. Laptev, Doctor of Law, Chief Researcher, Civil and Business Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Judge, Moscow Commercial (Arbitrazh Procedure) Court (Retired), Moscow, Russian Federation
laptev.va@gmail.com

Abstract. In summer 2025, the Supreme Court of the Russian Federation approved a thematic review of the practice of applying the provisions of Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the adoption of which is rightly associated with the Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation. The focus is on approaches to assessing the good faith and reasonableness of the actions (inactions) of the head of a corporate organization. The work examines trends in legal doctrine and judicial practice of previous years concerning this category of corporate disputes. It highlights the points that judges and practicing lawyers should pay attention to when considering the issue of imposing liability on a person authorized to act on behalf of a legal entity. Changes in the approaches of the courts are demonstrated. Special attention is given to the manager's responsibilities for organizing the corporate governance system, procedural aspects of distributing the burden of proof in court of damages, the economic impact of the manager's transaction, which influences the determination of the amount of damages, and the principle of offsetting. New approaches to determining the affiliation (connectedness) of persons in conditions of conflict of interest are revealed. The actual approval of the transaction is examined, which includes the long-term absence of objections. The paper lists striking examples of dishonest and unreasonable behavior of the manager. The procedure for calculating the limitation periods is determined. The above considerations may be useful for improving judicial practice.

Keywords: corporate liability; corporate governance; good faith corporate governance; unreasonable management decisions; economic effect of a transaction; corporate losses; managerial liability; management liability; good faith corporate practice; corporate disputes

Cite as: Laptev VA. On Certain Opinions of the Supreme Court of the Russian Federation Regarding the Application of the Provisions of Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):109-120. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.109-120

Спустя 11 лет после включения в ГК РФ ст. 53.1¹ Верховным Судом РФ был издан тематический *Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации* (далее — Обзор)², объединивший в себе 26 наглядных примеров оценки поведения

руководителя и иных лиц, определяющих действия корпоративной организации (преимущественно обществ с ограниченной ответственностью), при рассмотрении споров о возмещении причиненных ей убытков. Справедливости ради следует заметить, что, несмотря на потребность в обеспечении единообразия³, судебная практика складывалась неоднозначно по данной

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

² Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г. // URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/34596/>.

³ Толстой Ю. К. Важно обеспечить единообразие судебной практики // Закон. 2009. № 11. С. 9–18.

категории дел и периодически становилась предметом научно-практических дискуссий⁴.

Полагаем неверным утверждение о том, что позиции Верховного Суда РФ, изложенные в Обзоре, повторяют постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62⁵, поскольку принятие последнего состоялось еще до включения ст. 53.1 в ГК РФ. Вместе с тем отдельные подходы к указанной проблематике в этом постановлении, бесспорно, заложили основу понимания добросовестности и разумности поведения лиц, входящих в органы корпоративной организации.

Мы не ставим цель исследовать все отраженные в Обзоре правовые позиции, а отмечаем только новые тенденции, заслуживающие внимания практикующих юристов и правоведов в вопросе управления корпорацией.

1. Обязанность руководителя организовать систему управления корпорацией. На первый взгляд не вызывающее никаких сомнений положение п. 12 Обзора весьма примечательно. Традиционным является представление о корпоративных отношениях как об отношениях уча-

стия (членства) и управления корпорацией (ст. 2 и 65.1 ГК РФ)⁶. Рассматриваемые отношения можно именовать внутренними, внутрикорпоративными или корпоративными. Гражданско-правовое сообщество, состоящее из участников корпоративной организации, образует высший орган — общее собрание.

Обязанность построить *систему управления корпорацией* возложена на общее собрание участников и совет директоров при наличии последнего (ст. 65.1–65.3 ГК РФ). Появление у руководителя обязанности наладить систему управления в корпорации представляет собой как минимум новый подход к пониманию управления юридическим лицом.

Здесь необходимо вспомнить историю юридической мысли ученых-хозяйственников советского периода, разделяющих внутрихозяйственные отношения на внутриорганизационные (корпоративные, управление делами) и внутрипроизводственные (управление производственными циклами, деятельностью)⁷. При использовании упомянутых категорий во всех

⁴ Герголенко М. А. Проблемы разграничения корпоративной ответственности в виде возмещения убытков в деле о банкротстве и корпоративной ответственности, предусмотренной статьей 53.1 ГК РФ // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : коллективная монография : в 4 т. Т. 1. М. : Проспект, 2020. С. 596–603 ; Жукова Ю. Д. Ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица: анализ правовых возможностей, заложенных в статье 53.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник арбитражной практики. 2014. № 5 (54). С. 15–24 ; Незнамова И. А. Проблемные аспекты взыскания убытков по ст. 53.1 ГК РФ с единоличного исполнительного органа на практике // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 10А. С. 236–242 ; Сурков А. Н., Савватеев С. В., Шичко А. Р. Категории добросовестности и разумности в привлечении лица к ответственности в соответствии со статьей 53.1 ГК РФ: теоретические и практические аспекты // Право и управление. 2025. № 5. С. 65–68 и др.

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31. 28 августа — 4 сентября.

⁶ Подробнее см.: Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023 ; Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников ; ИЗИСП. М. : Статут, 2021 ; Сеницын С. А. Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2023 ; Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 285–311 и др.

⁷ Лаптев В. В. Предмет и система хозяйственного права. М. : Юридическая литература, 1969. 176 с. ; Он же. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М. : Инфотропик Медиа, 2010 ; Лаптев В. А. Предмет современного предпринимательского права // Государство и право. 2015. № 3. С. 17–28.

случаях речь шла об управлении жизнедеятельностью юридического лица (его производством, бизнесом в целом).

В Обзоре понимание управления обществом сведено к обязанности руководителя обеспечить функционально контролируруемую систему работы, в том числе позволяющую выявлять недобросовестных и неплатежеспособных контрагентов. По сути, формулировки Обзора возлагают на директора обязанность контролировать каждую хозяйственную сделку общества и его контрагентов, что представляется сомнительным применительно к крупным корпорациям с большим числом сотрудников. Данные подходы скорее относятся к корпорациям с небольшим количеством участников, в которых руководитель выполняет функции главного бухгалтера и отсутствуют иные работники.

Возникает вопрос о возможности обозначать категорией «управление обществом» производственные аспекты, кадровую политику и организацию работы сотрудников компании. Несмотря на введение в юридический оборот термина «*обычный деловой (нормальный хозяйственный) риск*» (п. 9 Обзора), отсутствуют критерии его отграничения от обычного предпринимательского риска, указанного в ст. 2 ГК РФ как свойство деятельности коммерческой организации.

Другой любопытный пример — пункт 15 Обзора, согласно которому все внутрипроизводственные процессы должны быть управляемы со стороны руководителя, который вправе передать конкретные функции профессионалам, но в конечном счете отвечает за их работу. В этом примере речь шла о систематическом нарушении работниками требований законодательства о размещении твердых бытовых отходов на полигоне, о чем должен был знать руководитель и что стало поводом для расторжения договора аренды земельного участка, предназначенного для ведения предпринимательской деятельности общества.

Вместе с тем в п. 14 Обзора содержится иной подход, в силу которого руководитель, сформировавший штат сотрудников, освобожден от ответственности за действия работников (в данном случае юридического отдела), допустивших нарушения административного законодательства, из-за чего на общество наложен штраф с конфискацией продукции (автомобильных масел). Мотивом к освобождению руководителя от ответственности послужило то, что указанные нарушения работников были вне сферы его контроля.

Несмотря на приведенные толкования управленческих обязанностей руководителя общества, в круг его обязанностей, безусловно, должна входить организация системы управления обществом как в сфере его производственно-хозяйственной деятельности, так и в классическом (корпоративном) понимании. В случае смерти участника общества руководитель обязан: обеспечить проведение общего собрания с присутствием оставшихся участников, правопреемство доли в уставном капитале общества к наследникам либо ее передачу (принятие) на казначейский счет общества в ЕГРЮЛ; при наличии в акционерном обществе «спящих» (уехавших, бездействующих, прекративших деятельность) акционеров в кратчайшие сроки определить судьбу данных акций в целях формирования прозрачного состава и легитимного общего собрания участников (акционеров) как высшего органа. По сути, мы говорим об организации внутрикорпоративного уклада в корпорации — обязанности, также возложенной на руководителя.

2. Корпорация — материальный истец и подсудность корпоративного спора. Конструкция косвенного иска, окончательно закрепленная в ст. 65.2 ГК РФ и подтвержденная судебной практикой (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25⁸), может быть двусмысленно истолкована в п. 2 Обзора. Так, бремя доказывания факта недобросовестного поведения руководителя (как действующего

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

щего, так и не действующего в интересах общества) возлагается на истца. Известно, что истцом является сама корпорация, в интересах которой может быть заявлен косвенный иск о возмещении убытков, а участник выступает ее законным представителем (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ)⁹, который также может именоваться заявителем по делу.

Данный подход повсеместно применяется арбитражными судами как по делам о возмещении причиненных корпорации убытков, так и при обжаловании участниками общества крупных сделок и сделок с заинтересованностью по корпоративным основаниям. В 2018 г. Верховным Судом РФ уже разъяснялось распределение бремени доказывания на истца (т.е. на корпорацию), в частности факта совершения оспариваемой сделки за пределами обычной хозяйственной деятельности; того, что другая сторона по сделке знала (например, состояла в сговоре) или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой либо сделкой с заинтересованностью и (или) что отсутствовало надлежащее согласие (одобрение) на ее совершение; причинения ущерба интересам общества в результате совершения сделки с заинтересованностью (п. 9, 18, 24 и 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27¹⁰).

Получается, что если иск о возмещении убытков заявлен к руководителю общества его законным представителем (акционером, участником), то само общество — истец (в лице того же руководителя-ответчика) должно доказывать недобросовестность действий руководителя в целях удовлетворения иска. Разумеется, позиция корпорации при текущем составе руководства, к которому обращено требование, не будет объективной и нейтральной.

Представленный в Обзоре пример касался обращения общества к бывшему руководителю, у которого, между прочим, уже отсутствовали

объективные возможности представлять от имени корпорации доказательства своего добросовестного поведения, поскольку все документы о финансово-хозяйственной деятельности находились в распоряжении текущего руководства общества.

Не возникло бы этой дискуссии, если бы в п. 2 Обзора указывалось на то, что, помимо истца-корпорации, подобные доказательства вправе представлять иные лица, в том числе законный представитель в ситуации, когда ответчиком выступает текущий руководитель общества.

Думается, что такое распределение бремени доказывания по данной категории дел с возложением его именно на корпорацию сделано небезосновательно. Приведенный пример поучителен, из него вытекает обязанность руководителя на случай увольнения собирать дублирующие документы для возможных будущих судебных тяжб. Было бы неверным утверждение о кардинальном изменении законодательного подхода, и здесь положение Обзора должно рассматриваться как процессуальное руководство к ситуациям смены бывшего руководителя на новое лицо.

Еще один пример (п. 5 Обзора) — обращение законного представителя корпорации (участника) с иском не только к бывшему руководителю, но и к контрагенту по сделке.

Известно, что конструкция косвенного иска позволяет участнику (акционеру) обратиться в порядке положений гл. 28.1 АПК РФ с иском в суд, инициируя типичный корпоративный спор. Среди прочих процессуальных особенностей корпоративных споров выделяется исключительная подсудность — по адресу корпоративной организации (ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ).

Этот пример существенно расширяет понятие «подсудность корпоративного спора», не ограничиваясь традиционным составом его участников (корпорация, участники, члены органов управле-

⁹ О косвенных исках также см.: *Моисеев С. В.* Представительство по косвенным искам: отдельные проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2022. № 9. С. 56–60 ; *Кузнецов А. А.* Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // *Закон.* 2020. № 11. С. 76–86 и др.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2018. № 8.

ния корпорацией, фактические управленцы корпорацией и др.), и выходит в плоскость любых договорных и иных юридических связей корпоративной организации с участниками рынка. Наблюдается сближение исков о взыскании убытков с обжалованием экстраординарных сделок корпоративной организации. Только здесь речь идет о сделках, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Видится, что для полноценной и легитимной реализации такой возможности требуется разъяснение о подсудности спора по требованиям участника (законного представителя корпорации) к контрагентам корпорации о взыскании убытков в пользу корпорации. При этом не следует отождествлять, даже по аналогии, возможность обжалования по корпоративным основаниям сделок с заинтересованностью с участием контрагента (стороны) по сделке с требованиями о взыскании убытков с контрагентов по сделкам корпорации.

3. Экономический эффект от сделки при определении размера убытков и принцип зачета. Неслучайно акцент сделан на необходимости определения экономического результата поведения руководителя корпорации. По сути, экономические последствия такого поведения (действия, бездействие) определяют исход дела о взыскании причиненных корпорации убытков.

Несмотря на всю очевидность разъяснений п. 10 Обзора, сомнения вызывает периодичность экономико-правовой оценки последствий совершенных директором сделок. Так, руководитель освобождается от ответственности за причиненные обществу убытки, если его действия были направлены на предотвращение больших убытков. Такая формулировка ранее содержалась в п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62. Вместе с тем приведенный пример фокусирует внимание на последствиях сделки, которая из категории убыточной может перейти в разряд экономически оправданной.

В рассматриваемом случае руководитель продавал дешевле рынка продукцию (товары, работы) общества, а корма и ветеринарные препараты для птицефабрики закупал выше рыночной стоимости, поскольку этого требовали сложившиеся на рынке дефицит и цены на аналогичные товары. Между прочим, по прошествии времени достаточно сложно доказать этот факт, поскольку показатели рынка могут существенно меняться на протяжении дня, недели либо месяца и не всегда участники процесса в состоянии документально доказать это в суде.

На практике отсутствуют единые подходы к тому, каким образом и в какой момент нужно определять негативный эффект от совершенных директором сделок либо оправдывать целесообразность их совершения. Так, невыгодная в сегодняшних условиях сделка общества может в будущем принести большую прибыль (например, сохранить репутацию и имидж компании на рынке, что впоследствии позитивно скажется на развитии бизнеса). Однако процессуальное законодательство не допускает приостановления производства по делу для ожидания окончательных последствий для общества от заключенной сделки (ст. 143 и 144 АПК РФ), и суд должен оценивать данные обстоятельства на момент рассмотрения дела по существу спора.

Такое положение дел обусловлено, в частности, тем, что заключение (совершение) сделки и ее исполнение не всегда совпадают во времени. Встречаются случаи длительного исполнения сделок, от которых экономический эффект (положительный, отрицательный) может прийти значительно позже. Не стоит списывать со счетов и банкротную практику, когда исполнение нередко воспринимается в качестве самостоятельной сделки, которая может быть обжалована¹¹, что является отдельным предметом исследования, в том числе и по вопросу взыскания убытков с контролирующих должника лиц¹².

¹¹ См.: п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

¹² Например, см.: Суворов Е. Д. Банкротное право. М. : Статут, 2023. 438 с. ; Законодательство о банкротстве: преемственность и новации : монография / П. Р. Абдуллаева, Н. В. Бандурина, Ю. М. Воронина [и др.] ; отв. ред.: С. А. Карелина, И. В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2023. 348 с. и др.

Востребованным для добросовестных руководителей общества стало разъяснение в п. 11 Обзора, согласно которому суд в обязательном порядке должен оценить не только имущественные потери от сделки, но и встречную выгоду. Речь идет о реализации *принципа зачета* между этими показателями. Ранее мы обращали внимание на то, что будущая выгода от сделки может быть неочевидна в момент ее совершения и исполнения. При этом речь идет не только о встречной (сиюминутной, текущей) выгоде, но и о перспективах (например, сохранение деловой репутации на соответствующем рынке, в том числе за счет убыточных для общества сделок). Эти обстоятельства могут влиять на развитие бизнеса общества в отрасли, получение банковского кредита или иного финансирования, способность участия в государственных закупках и т.д.

В приведенном примере полагаем возможным рассматривать описанную ситуацию в силу ст. 410 ГК РФ как судебный зачет двух встречных обязательств (однородного активного и пассивного требования): размера причиненных обществу убытков и суммы экономической выгоды (в том числе будущей) от совершенной сделки¹³. Причем конкретные размеры денежных средств должны отражаться в судебном акте и могут быть совместно с зачетом предметом обжалования в вышестоящих инстанциях.

4. Фактическая аффилированность через конфликт интересов. Указанные в ст. 53.2 ГК РФ положения об аффилированности содержат подход, согласно которому *отношения связанности* определяются только нормами закона. По этой причине до сих пор используются поло-

жения ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁴. Несмотря на научные дискуссии, возникающие в ходе реформирования гражданского законодательства о юридических лицах в 2012–2014 гг., законодатель отказался от закрепления в ГК РФ права суда в каждом конкретном случае определять связанность лиц.

В пункте 3 ст. 53.1 ГК РФ предусмотрена возможность привлечения к ответственности лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица. Но здесь говорится не о фактической аффилированности (связанности) лиц, а о фактической возможности влиять на корпоративные (управленческие) решения юридического лица.

В положении п. 3 Обзора, по сути, Верховный Суд РФ наделил суд возможностью в отрыве от установленных законом критериев определять связанность (аффилиацию) лиц: руководителя общества с иными участниками гражданского оборота. Раскрывая фабулу рассматриваемого примера, мы можем увидеть, что речь шла об установлении через ступень (через юридическое лицо) взаимосвязи руководителя-ответчика с выгодоприобретателями по сделке. Таким образом, вопреки нормам ст. 81 Закона об АО¹⁵ и иных актов было применено универсальное понятие «конфликт интересов», с помощью которого суды отступили от норм корпоративного и конкурентного законодательства.

Широко распространенная в антикоррупционном законодательстве категория «конфликт интересов» всегда оценивалась применительно к конкретным, а не абстрактным ситуациям¹⁶.

¹³ См.: п. 10–21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. 2020. 25 июня. № 136.

¹⁴ Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2–3.

¹⁵ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

¹⁶ *Конфликт интересов* — ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). См.: ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Использование этой конструкции в корпоративных правоотношениях не только меняет понимание заинтересованности и аффилированности лиц в обычных гражданско-правовых сделках, но и расширяет подходы к раскрытию понятия гражданско-правового сообщества¹⁷ и связанности лиц. Получается, что суды должны давать оценку заявленным сторонами доводам о кооперативной цепочке связей по сделкам юридических лиц на предмет участия в них связанных лиц.

5. Фактическое одобрение сделки — длительное отсутствие возражений (молчание).

Нечасто в корпоративной практике, в том числе по делам о признании недействительными крупных сделок и сделок с заинтересованностью, применяется пункт 4 ст. 157.1 ГК РФ. Действительно, положения данной нормы относятся к любым соглашениям, о чем дано разъяснение в п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. В контексте взыскания убытков они практически не используются судами.

Полезна для корпоративной практики сформулированная в п. 16 Обзора точка зрения о том, что длительное отсутствие претензий участников (акционеров) относительно действий руководителя, который добросовестно раскрывал информацию о сделках общества и модели ведения им предпринимательской деятельности, исключает ответственность руководителя за возможное причинение убытков обществу. При наличии убыточных сделок, о которых было известно членам корпоративной организации,

предпринимательская деятельность всегда сопряжена с риском, в том числе в виде недостижения положительного результата (прибыли), вплоть до потери (закрытия) бизнеса.

Заслуживает внимания оригинальное дополнение Верховным Судом РФ новым смыслом соответствующих фраз закона. Буквальное прочтение п. 4 ст. 157.1 ГК РФ указывает на то, что молчание является согласием (одобрением) на сделку лишь в установленных законом случаях. То есть юридическая техника законодателя говорит о том, что только закон наделяет соответствующее молчание свойством *согласия на совершение сделки*. В то же время в Обзоре указывается на то, что не только установленные законом случаи, но и иные обстоятельства (в силу соглашения сторон либо обычаев делового оборота¹⁸ и иных обстоятельств¹⁹ их перечень открыт) придают молчанию свойство согласия — и оно становится юридическим фактом (ст. 8 ГК РФ)²⁰, исключающим ответственность руководителя.

Видится интересной дискуссия на тему возможного обжалования таких молчаливых согласий на одобрение сделок в банкротных спорах, от исхода которых могут зависеть споры о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

6. Добросовестность и разумность. Корпоративная практика и юридическая литература содержат достаточно подробные оценки и всевозможные варианты применения данных категорий. Самое главное, они оцениваются судьей в каждом конкретном случае индивидуально.

¹⁷ См.: Кресс В. В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2–7; Филиппова С. Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. 2022. № 6. С. 30–41; Лаптев В. А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 46–57 и др.

¹⁸ Современная редакция ст. 5 ГК РФ с 2012 г. не содержит термина «обычай делового оборота» (Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627).

¹⁹ Например, см.: Кашанина Т. В. Эволюция форм права // Lex russica (Русский закон). 2011. Т. 70. № 1. С. 34–53; Лаптев В. А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lex russica (Русский закон). 2017. № 4 (125). С. 110–119 и др.

²⁰ Например, см.: Филиппова С. Ю. Юридические факты в гражданском праве. Ч. I. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. М.: Статут, 2020. 368 с.

Полезным для практики стало перечисление положений, которые могут рассматриваться в качестве шаблонных представлений (презумпций). Вместе с тем данные презумпции преодолимы с точки зрения возможности суда прийти к иным выводам в оценке поведения руководителя общества. Речь идет о следующем:

— руководитель не вправе самостоятельно определять размер своего вознаграждения без согласия участников или совета директоров (п. 4 Обзора);

— использование руководителем имущества общества в собственных интересах, в том числе путем создания компании, на которую переключен потребительский спрос, является недобросовестным (п. 5 Обзора);

— выплата обществом премий и выходных пособий не является добросовестным поведением, если это не отвечает интересам общества, в том числе по качеству и результатам выполняемой сотрудниками работы (п. 8 Обзора), и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что добросовестность и разумность поведения руководителя определяются судом с учетом экономической целесообразности и последствий выплат. На практике может возникнуть ситуация, при которой невыгодная в момент совершения сделки (выплата) впоследствии станет экономически оправданной.

7. Точка отсчета исковой давности. Несмотря на существование тематических постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43²¹ и Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62, вопросу об исковой давности посвящено несколько примеров Обзора.

При сокрытии информации о сделке исковая давность начинает течь с того момента, когда общество приобрело возможность узнать о совершенной руководителем сделке (п. 24 Обзора). Такой подход давно был закреплен в судебной практике (например, п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43, п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от

30.07.2013 № 62). Таким образом, применительно к требованиям о взыскании убытков с бывшего директора в соответствующих случаях допускается восстановление длительного периода срока исковой давности.

Вызывает дискуссию пример, в котором указывается на то, что утверждение участником финансовой отчетности не свидетельствует об осведомленности совершенной руководителем сделки (п. 25 Обзора). Так, логика постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 строится на *принципе долженствования*, при котором участник знал либо должен был узнать о нарушении прав и законных интересов корпорации. Здесь мы говорим не о случаях сокрытия информации о сделке, а о том, что участник обязан добросовестно реализовывать свои корпоративные права (управленческие, информационные и имущественные). Так, участнику (акционеру) в процессе обсуждения на общем собрании вопроса об утверждении отчетности общества не составляет труда ознакомиться (либо дополнительно запросить) с документацией о финансово-хозяйственной деятельности общества.

Соответственно, при надлежащем раскрытии ему обществом этой информации предполагается осведомленность участника. Наличие осведомленности должно признаваться и в ситуациях, когда участник бездействует (пассивное поведение) и доверяет текущему руководителю общества. Можно предположить, что должно применяться правило, аналогичное молчаливому согласию (п. 16 Обзора). По такому же пути разъясняются вопросы исковой давности при обжаловании крупных сделок и сделок с заинтересованностью (пп. 3 и 4 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27).

Разъяснения Верховного Суда РФ о порядке исчисления сроков исковой давности при изменении состава участников (акционеров) общества наиболее чувствительны для корпоративной практики (п. 26 Обзора). С одной

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

стороны, логика о том, что при правопреемстве (универсальном, сингулярном) в обычных гражданско-правовых обязательствах не изменяется срок исковой давности, была заложена в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43. С другой стороны, правила об обязательствах применяются к требованиям, вытекающим из корпоративных отношений, лишь в той части, в которой это не противоречит существу корпоративных отношений (ст. 307.1 ГК РФ).

Приведенный пример позволяет двояко толковать случаи, когда предыдущий участник и руководитель, прекрасно осведомленные о совершении убыточной сделки, дождались времени ее «задавнивания», а экономические последствия от ее совершения наступают значительно позже, в том числе после смены участников общества. Констатация утраты права на иск, по сути, означает лишение права на судебную защиту. Для противодействия данным злоупотреблениям можно предложить использовать инструменты гарантий и заверений об обстоятельствах²². Вместе с тем у приобретателя

доли в уставном капитале (акций) должны быть механизмы защиты прав его корпорации посредством косвенного иска к ее бывшему либо текущему руководителю.

Выводы. Таким образом, можно заключить, что большинство дел о взыскании убытков с руководителя касается непубличных корпораций (преимущественно обществ с ограниченной ответственностью) с незначительным количеством работников. В связи с этим возрастает риск привлечения к ответственности руководителя, который непосредственно вовлечен в оперативное руководство производственно-хозяйственной деятельностью общества.

Экономический эффект от совершенной сделки становится центральным обстоятельством, которое исследуется судом в целях определения размера причиненных обществу его руководителем убытков.

Рассмотренные подходы позволяют сформулировать критерии определения рисков при страховании корпоративной ответственности руководителя либо членов совета директоров общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Василевская Л. Ю.* Институты иностранного права в Гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование — новые проблемы // Судья. — 2016. — № 10. — С. 10–13.
2. *Герголенко М. А.* Проблемы разграничения корпоративной ответственности в виде возмещения убытков в деле о банкротстве и корпоративной ответственности, предусмотренной статьей 53.1 ГК РФ // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : коллективная монография : в 4 т. Т. 1. — М. : Проспект, 2020. — С. 596–603.
3. *Жукова Ю. Д.* Ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица: анализ правовых возможностей, заложенных в статье 53.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник арбитражной практики. — 2014. — № 5 (54). — С. 15–24.
4. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации : монография / П. Р. Абдуллаева, Н. В. Бандурина, Ю. М. Воронина [и др.] ; отв. ред.: С. А. Карелина, И. В. Фролов. — М. : Юстицинформ, 2023. — 348 с.

²² См. также: *Василевская Л. Ю.* Институты иностранного права в Гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование — новые проблемы // Судья. 2016. № 10. С. 10–13 ; *Илюшина М. Н.* Новые гражданско-правовые механизмы договорного регулирования и пределы их использования в обороте долей обществ с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2019. № 3. С. 8–12 ; *Харитонов Ю. С.* Заверения об обстоятельствах в российской предпринимательской практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 30–35.

5. *Илюшина М. Н.* Новые гражданско-правовые механизмы договорного регулирования и пределы их использования в обороте долей обществ с ограниченной ответственностью // *Гражданское право*. — 2019. — № 3. — С. 8–12.
6. *Кашанина Т. В.* Эволюция форм права // *Lex russica (Русский закон)*. — 2011. — Т. 70. — № 1. — С. 34–53.
7. *Кресс В. В.* Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // *Предпринимательское право*. — 2024. — № 4. — С. 2–7.
8. *Кузнецов А. А.* Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // *Закон*. — 2020. — № 11. — С. 76–86.
9. *Лаптев В. А.* Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. — 2022. — № 4. — С. 46–57.
10. *Лаптев В. А.* Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // *Lex russica (Русский закон)*. — 2017. — № 4 (125). — С. 110–119.
11. *Лаптев В. А., Чуча С. Ю.* Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2023. — № 2. — С. 285–311.
12. *Лаптев В. В.* Предмет и система хозяйственного права. — М. : Юридическая литература, 1969. — 176 с.
13. *Лаптев В. В.* Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. — М. : Инфотропик Медиа, 2010. — 88 с.
14. *Моисеев С. В.* Представительство по косвенным искам: отдельные проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2022. — № 9. — С. 56–60.
15. *Незнамова И. А.* Проблемные аспекты взыскания убытков по ст. 53.1 ГК РФ с единоличного исполнительного органа на практике // *Вопросы российского и международного права*. — 2021. — Т. 11. — № 10А. — С. 236–242.
16. *Синицын С. А.* Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы : монография. — М. : Инфотропик Медиа, 2023. — 596 с.
17. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников ; ИЗиСП. — М. : Статут, 2021. — 528 с.
18. *Суворов Е. Д.* Банкротное право. — М. : Статут, 2023. — 438 с.
19. *Сурков А. Н., Савватеев С. В., Шичко А. Р.* Категории добросовестности и разумности в привлечении лица к ответственности в соответствии со статьей 53.1 ГК РФ: теоретические и практические аспекты // *Право и управление*. — 2025. — № 5. — С. 65–68.
20. *Толстой Ю. К.* Важно обеспечить единообразие судебной практики // *Закон*. — 2009. — № 11. — С. 9–18.
21. *Филиппова С. Ю.* Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // *Закон*. — 2022. — № 6. — С. 30–41.
22. *Филиппова С. Ю.* Юридические факты в гражданском праве. Ч. I. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. — М. : Статут, 2020. — 368 с.
23. *Харитонова Ю. С.* Заверения об обстоятельствах в российской предпринимательской практике // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2016. — № 2. — С. 30–35.

Материал поступил в редакцию 11 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasilevskaya L. Yu. Instituty inostrannogo prava v Grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii: novoe regulirovaniye — novye problemy // Sudya. — 2016. — № 10. — S. 10–13.
2. Gergolenko M. A. Problemy razgranicheniya korporativnoy otvetstvennosti v vide vozmeshcheniya ubytkov v dele o bankrotstve i korporativnoy otvetstvennosti, predusmotrennoy statey 53.1 GK RF // Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii: kollektivnaya monografiya: v 4 t. T. 1. — M.: Prospekt, 2020. — S. 596–603.
3. Zhukova Yu. D. Otvetstvennost lits, imeyushchikh fakticheskuyu vozmozhnost opredelyat deystviya yuridicheskogo litsa: analiz pravovykh vozmozhnostey, zalozhennykh v state 53.1 Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2014. — № 5 (54). — S. 15–24.
4. Zakonodatelstvo o bankrotstve: preemstvennost i novatsii: monografiya / P. R. Abdullaeva, N. V. Bandurina, Yu. M. Voronina [i dr.]; otv. red.: S. A. Karelina, I. V. Frolov. — M.: Yustitsinform, 2023. — 348 s.
5. Ilyushina M. N. Novye grazhdansko-pravovye mekhanizmy dogovornogo regulirovaniya i predely ikh ispolzovaniya v oborote doley obshchestv s ogranichennoy otvetstvennostyu // Grazhdanskoe pravo. — 2019. — № 3. — S. 8–12.
6. Kashanina T. V. Evolyutsiya form prava // Lex russica (Russkiy zakon). — 2011. — T. 70. — № 1. — S. 34–53.
7. Kress V. V. Razvitie grazhdansko-pravovykh soobshchestv kak priznak i sledstvie tsifrovizatsii grazhdanskikh pravootnosheniy // Predprinimatelskoe pravo. — 2024. — № 4. — S. 2–7.
8. Kuznetsov A. A. Kosvennyye iski v korporativnom prave Rossii: materialno-pravovoy aspekt // Zakon. — 2020. — № 11. — S. 76–86.
9. Laptev V. A. Grazhdansko-pravovoe soobshchestvo v sisteme upravleniya korporatsiy: zadachi zakonodatelya i realii sudebnoy praktiki // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2022. — № 4. — S. 46–57.
10. Laptev V. A. Lokalnyy pravovoy obyчай kak istochnik regulirovaniya predprinimatelskikh otnosheniy // Lex russica (Russkiy zakon). — 2017. — № 4 (125). — S. 110–119.
11. Laptev V. A., Chucha S. Yu. Rukovoditel organizatsii i organ yuridicheskogo litsa: edinstvo sushchnosti i protivorechiya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2023. — № 2. — S. 285–311.
12. Laptev V. V. Predmet i sistema khozyaystvennogo prava. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1969. — 176 s.
13. Laptev V. V. Predprinimatelskoe (khozyaystvennoe) pravo i realnyy sektor ekonomiki. — M.: Infotropik Media, 2010. — 88 s.
14. Moiseev S. V. Predstavitelstvo po kosvennym iskam: otdelnye problemy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2022. — № 9. — S. 56–60.
15. Neznamova I. A. Problemnye aspekty vyzyskaniya ubytkov po st. 53.1 GK RF s edinolichnogo ispolnitelnogo organa na praktike // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2021. — T. 11. — № 10A. — S. 236–242.
16. Sinitsyn S. A. Korporativnoe pravo: opyt, sostoyanie, perspektivy: monografiya. — M.: Infotropik Media, 2023. — 596 s.
17. Sovremennoe korporativnoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki: monografiya / O. A. Belyaeva, S. A. Burlakov, M. M. Vildanova [i dr.]; otv. red. O. V. Gutnikov; IZiSP. — M.: Statut, 2021. — 528 s.
18. Suvorov E. D. Bankrotnoe pravo. — M.: Statut, 2023. — 438 s.
19. Surkov A. N., Savvateev S. V., Shichko A. R. Kategorii dobrosovestnosti i razumnosti v privlechenii litsa k otvetstvennosti v sootvetstviy so statey 53.1 GK RF: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Pravo i upravlenie. — 2025. — № 5. — S. 65–68.
20. Tolstoy Yu. K. Vazhno obespechit edinoobrazie sudebnoy praktiki // Zakon. — 2009. — № 11. — S. 9–18.
21. Filippova S. Yu. Mnozhestvennost lits i grazhdansko-pravovoe soobshchestvo: skhodstva i razlichiya // Zakon. — 2022. — № 6. — S. 30–41.
22. Filippova S. Yu. Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave. Ch. I. Pravomernyye yuridicheskie deystviya: grazhdansko-pravovyye problemy kvalifikatsii. — M.: Statut, 2020. — 368 s.
23. Kharitonova Yu. S. Zavereniya ob obstoyatelstvakh v rossiyskoy predprinimatelskoy praktike // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 2. — S. 30–35.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.121-136

С. И. Богусевич*

О возможности противопоставления корпорации корпоративного договора ее участников

Аннотация. Цель исследования — установить, в какой мере корпоративный договор способен порождать обязанности для корпорации и ее менеджмента. Автор приходит к выводу, что условия корпоративного договора могут обязывать менеджеров корпорации, если речь идет об одном конкретном управленческом решении, поскольку нельзя говорить о передаче членами органов управления компетенции таких органов третьим лицам. Кроме того, если корпоративный договор подписан всеми участниками корпорации и ее директором, то директор не вправе ссылаться на его недействительность в силу запрета непротиворечивого поведения. Данное правило применяется даже в странах, где установлен прямой законодательный запрет на противопоставление корпорации условий корпоративного договора. В статье обосновывается необходимость расширения возможности учета положений корпоративного договора при подсчете голосов на общем собрании участников корпорации, исследуются распространенные за рубежом акционерные синдикаты и институт ручательства за чужие действия. Автор использовал сравнительно-правовой метод, опирался на доктрину и судебную практику стран, придерживающихся романо-германской правовой традиции.

Ключевые слова: корпоративный договор; акционерные синдикаты; функциональная теория юридического лица; эстоппель в корпоративном праве; ручательство за чужие действия; акционерное соглашение; соглашение участников; институциональная теория; теория реального субъекта; корпоративное право

Для цитирования: Богусевич С. И. О возможности противопоставления корпорации корпоративного договора ее участников // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 121–136. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.121-136

Благодарности. Автор выражает благодарность д. ю. н., проф. К. М. Беликовой за научные комментарии и критические замечания, сделанные при подготовке статьи. В то же время все ошибки и недочеты остаются исключительно на совести автора.

On the Possibility of Opposing a Corporate Agreement of Its Participants to the Corporation

Svyatoslav I. Bogusevich, Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Chief Specialist, Corporate Relations Department, Uralkali PJSC, Moscow, Russian Federation
sbogusevich@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to determine the extent to which a corporate agreement can create obligations for the corporation and its management. The author concludes that the terms of a corporate agreement may bind

© Богусевич С. И., 2026

* *Богусевич Святослав Игоревич*, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный специалист отдела корпоративных отношений ПАО «Уралкалий»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
sbogusevich@gmail.com

the corporation's managers if it concerns one specific management decision, since it is impossible to speak of the transfer of the powers of such bodies by members of the governing bodies to third parties. Moreover, if all members of the corporation and its director sign a corporate agreement, the director has no right to refer to its invalidity due to the prohibition of consistent behavior. This rule applies even in countries where there is a direct statutory prohibition on opposing the terms of a corporate agreement to the corporation. The author substantiates the need to expand the possibility of taking into account the provisions of a corporate agreement when counting votes at a general meeting of corporation participants, and examines the common shareholder syndicates and the institution of guarantee for the actions of others that are widespread abroad. The author used a comparative legal method and relied on the doctrine and judicial practice of countries adhering to the Romano-Germanic legal tradition.

Keywords: corporate agreement; shareholder syndicates; functional theory of legal entity; estoppel in corporate law; guarantee for the actions of others; shareholder agreement; participants' agreement; institutional theory; real entity theory; corporate law

Cite as: Bogusevich SI. On the Possibility of Opposing a Corporate Agreement of Its Participants to the Corporation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):121-136. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.121-136

Acknowledgements. The author expresses gratitude to Dr. Sci. (Law), Prof. K. M. Belikova for scholarly commentary and critical remarks made during the preparation of the paper. All errors and shortcomings remain solely the responsibility of the author.

Одним из проблемных вопросов корпоративного права является возможность противопоставления корпорации корпоративного договора ее участников. Часто данный вопрос редуцируется до анализа допустимости участия корпорации в корпоративном договоре ее членов, поскольку подписание корпорацией такого договора формально позволяет преодолеть его относительный эффект, специально закрепленный в п. 5 ст. 67.2 ГК РФ и п. 4 ст. 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹ (далее — Закон об АО).

Простое прочтение закона не дает полной определенности: пункт 9 ст. 67.2 ГК РФ допускает заключение так называемых квазикорпоративных договоров с любыми третьими лицами, имеющими охраняемый интерес, а АПК РФ в п. 4 ч. 1, ч. 3 ст. 225.1 обуславливает исполнимость арбитражной оговорки в корпоративном договоре присоединением к ней юридического лица, участниками которого он

заключен (данная норма фактически не применяется после вступления в силу специального закона — ч. 7.1 ст. 7 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). На практике, однако, до внесения изменений в упомянутый Закон стороны корпоративных договоров вынуждены были включать хозяйственное общество в договор в качестве подписанта, если он содержал условие о передаче споров в третейский суд.

Позиция правоприменителя также противоречива: если в одних случаях суды прямо говорят, что стороной корпоративного договора могут быть только участники корпорации (при этом не объясняя, как этот тезис соотносится с положениями ГК РФ о квазикорпоративных договорах)², то в других проявляют значительно бóльшую гибкость: утверждают мировое соглашение, права и обязанности сторон которого регулируются корпоративным договором с участием акционерного общества — эми-

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2016 № 08АП-3836/2016 по делу № А46-16331/2015 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2025 № 09АП-6959/2025 по делу № А40-130426/2024.

тента³, или же квалифицируют корпоративный договор с обществом как смешанный (в деле ООО «Производственные решения»⁴).

В настоящем исследовании автор ставит задачу обосновать, что в странах континентального права в отдельных случаях корпорация и ее менеджмент могут выступать стороной корпоративного договора, имеющего обязательственную природу, а также привести соответствующие примеры.

Полагаем, что запрет на заключение корпорацией корпоративного договора с ее участниками не должен носить формальный и абсолютный характер. Например, вряд ли есть необходимость запрещать заключать договор о предоставлении миноритариям протоколов правления или бухгалтерских документов непосредственно с акционерным обществом (такая информация часто раскрывается третьим лицам в ходе *due diligence*). Возникновение у конкретных миноритариев больших информационных прав в сравнении с законом или уставом не противоречит целям правового регулирования. Континентально-правовой традиции также с 1940-х гг. известно заключение корпоративных договоров в пользу корпорации (так называемых атрибутивных корпоративных договоров)⁵.

На наш взгляд, ограничение на участие корпорации в корпоративном договоре ее членов в российском праве действительно существует, оно выводится из запрета обязывать участников такого договора голосовать в соответствии с указаниями органов общества и определять корпоративным договором структуру и компетенцию органов корпорации, установленного в п. 2 ст. 67.2 ГК РФ, а также частично в п. 2 ст. 32.1

Закона об АО. Именно через подтверждение отсутствия нарушения положений п. 2 ст. 67.2 ГК РФ в упомянутом деле ООО «Производственные решения» суд пришел к выводу о допустимости заключения корпоративного договора с участием корпорации.

В целях определения границ данного запрета предлагаем: 1) рассмотреть, в какой мере участие корпорации в корпоративном договоре способно ограничить независимость ее органов; 2) привести к формированию параллельных органов управления; 3) проанализировать формировавшиеся в доктрине альтернативные точки зрения по исследуемому вопросу.

1. Ограничение корпоративным договором независимости органов корпорации

В вопросе допустимости ограничения корпоративным договором свободы усмотрения органов корпорации необходимо разделять ситуации: 1.1) когда менеджмент корпорации получает возможность влиять на деятельность общего собрания участников; 1.2) когда участники наделяются правом давать указания менеджменту в обход общего собрания.

1.1. Как пишет Х. Ода, запрет голосования по указанию менеджмента на общем собрании не оригинален и был заимствован отечественным законодателем из п. II ст. 136 немецкого Акционерного закона⁶. При этом немецкий Акционерный закон прямо запрещает акционерам голосовать по указанию не только органов управления, но и общества (*Gesellschaft*), а также контролируемой им компании (*abhängigen Unternehmens*)⁷.

³ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2015 № 11АП-7215/2015 по делу № А55-25911/2014.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2019 № 09АП-60340/2018 по делу № А40-118958/2018.

⁵ Подробнее см.: Богусевич С. И. О текущей реформе института корпоративного договора в России // Право и экономика. 2024. № 11 (441). С. 32.

⁶ Ода Х. Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 154.

⁷ Aktiengesetz. § 136 Ausschluß des Stimmrechts // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/_136.html (дата обращения: 15.06.2025).

Цель данного запрета — предотвратить риск утраты общим собранием участников контроля над менеджментом. Для достижения приведенной цели положения отечественного закона следует толковать расширительно: менеджмент не может давать указания участникам о варианте голосования на основании корпоративного договора как непосредственно, так и опосредованно, если стороной корпоративного договора является корпорация или контролируемое ею общество.

Кроме того, полагаем, что если после заключения корпоративного договора его сторона (участник корпорации) будет избрана членом совета директоров или правления, то она должна воздержаться от осуществления действий, влияющих на решения волеобразующего органа. В противном случае суд должен отказать в защите прав по корпоративному договору такой стороны со ссылкой на запрет злоупотребления правом (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

1.2. Что же касается ситуации, когда участники получают возможность давать прямые указания менеджменту (ввиду непосредственного подписания членами органов управления корпоративного договора или путем включения в него корпорации), то здесь возможны варианты.

Если придерживаться правового реализма, то очевидно, что менеджмент редко бывает полностью независим от участников корпорации с высококонцентрированной структурой капитала, характерной для нашей страны. Более того, ряд институтов акционерного права, например кумулятивное голосование, как раз нацелены на то, чтобы в совете директоров были представлены интересы различных групп акционеров. Однако,

в отличие от прямого участия корпорации или менеджмента в корпоративном договоре, при кумулятивном голосовании речь не идет о связанности менеджмента с отдельной группой акционеров гражданско-правовым обязательством.

Почему это важно? Как отмечается в зарубежной литературе, правовые возможности членом органов управления в отношении корпорации представляют собой полномочия (*vote fonction*⁸), а не субъективные права, так как осуществляются не в личном интересе, а в интересе корпорации. Соответственно, уступка полномочий (в том числе завуалированная) не допускается⁹.

На практике в корпоративных договорах часто используется компромиссный подход: стороны гарантируют друг другу соблюдение определенных стандартов поведения номинированными ими членами органов управления (очевидно, имея в виду наличие у них некоего неформального влияния в отношении таких лиц).

Чилийские авторы предлагают квалифицировать подобное обязательство как ручательство за чужие действия (*promesa de hecho ajeno*) — обязательство по приложению максимальных усилий, регулируемое статьей 1450 Гражданского кодекса Чили¹⁰. По условиям указанного договора промитент обязуется перед промиссаром за третье лицо, не являясь его представителем, что третье лицо исполнит обязательство типа *dare, facere* или *non facere*. У третьего лица не возникает никаких обязательств перед промиссаром, если только оно не одобрит сделку промитента. Если одобрение со стороны третьего лица не поступит, промитент должен возместить убытки промиссару¹¹.

⁸ Houenou E. S. La contractualisation du droit des sociétés: l'ordre public à l'épreuve de la liberté contractuelle dans les sociétés commerciales de l'OHADA. Thèse. Droit. Université Panthéon-Sorbonne (Paris) I ; Université d'Abomey-Calavi (Bénin), 2019. P. 329–332.

⁹ Torriño M. P. La vinculación de directores en acuerdos parasociales // Revista argentina de derecho empresario. 2020. No. 18. URL: <https://riu.austral.edu.ar/bitstream/handle/123456789/1321/La%20vinculaci%C3%B3n%20de%20Directores%20en%20Acuerdos%20Parasociales.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 19.06.2025). P. 25.

¹⁰ Alcalde Rodríguez E. Los convenios sobre el voto y las limitaciones a la transferencia de acciones en la sociedad anónima. Otra vuelta de tuerca a la autonomía privada // Revista chilena de derecho. 2003. Vol. 30. No. 1. P. 120.

¹¹ El Decreto con Fuerza de Ley N°1 (DFL 1) del Ministerio de Justicia de Chile, publicado el 30 de mayo de 2000, fija el texto refundido, coordinado y sistematizado del Código Civil. Art. 1450 // URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=172986> (дата обращения: 15.06.2025).

Как видим, данное обязательство отличается от договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ), поскольку заключается не о правах¹², а об обязанностях такого лица. Его следует отличать и от действий в чужом интересе без поручения, так как промитент не обязательно действует к выгоде третьего лица, как это предусмотрено пунктом 1 ст. 980 ГК РФ.

Рассматриваемое обязательство не подпадает и под названные в законе обеспечительные конструкции. В отличие от поручительства и независимой гарантии, в описываемом случае промитент гарантирует не исполнение, а принятие на себя обязательства третьим лицом (ср. с пунктом 1 ст. 361, п. 1 ст. 368 ГК РФ). Ручательство за чужие действия не является обязательством о возмещении потерь, известным российскому праву, поскольку промитент не состоит в так называемом базовом обязательственном правоотношении с третьим лицом, которое требуется согласно буквальному прочтению п. 1 ст. 406.1 ГК РФ¹³.

В Институциях Юстиниана похожая конструкция упоминается при описании исключений из бесполезных стипуляций: так, считается обязательным лицо, которое поручилось, что добьется исполнения обязательства третьим лицом. Например, промитент отвечает, если поручился,

что убедит Тиция дать пять золотых (I.3.19.3), или же стипуляция содержит оговорку о платеже промитентом неустойки на случай, если третье лицо не совершит обещанных действий (I.3.19.21)¹⁴.

Зарубежным правовым порядкам известны различные вариации описываемого института. Гражданский и торговый кодекс Аргентины 2014 г. в ст. 1026¹⁵ допускает возникновение из ручательства за действия третьего лица обязательства как по приложению максимальных усилий, так и по достижению результата¹⁶. Французский гражданский кодекс в ходе реформы 2016 г. также сохранил аналогичную гарантию (*promesse de porte-fort*, ст. 1204)¹⁷, которая является обязательством по достижению результата, в отличие от обязательства по содействию (*promesse de bons offices*), где промитент обязуется лишь приложить необходимые усилия для одобрения договора третьим лицом¹⁸. При этом, как писал М. Планиоль, промитент так или иначе отвечает не за чужой долг, а за свои собственные действия¹⁹.

Вместе с тем зарубежная континентально-правовая доктрина знает и случаи, когда директора выступают непосредственными подписантами корпоративного договора. Как отмечает Э. С. Хоэну, несмотря на действовавший ранее

¹² Карапетов А. Г., Суховольская Е. В. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 459–460.

¹³ Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. С. 1569–1571.

¹⁴ *Abdy J. T., Walker B.* The Institutes of Justinian. Cambridge, 1876. P. 297, 305 ; *Новицкий И. Б.* Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юристъ, 2004. С. 371.

¹⁵ El Código Civil y Comercial de la Nación, aprobado por la Ley 26.994. Promulgada: Octubre 7 de 2014 // URL: <https://servicios.infoleg.gov.ar/infolegInternet/anexos/235000-239999/235975/texact.htm> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁶ *Caramelo G.* Código Civil y Comercial de la Nación Comentado / G. Caramelo, S. Picasso, M. Herrera. 1a ed. Ciudad Autónoma de Buenos Aires : Infojus, 2015. V. 3. P. 424–425.

¹⁷ Code civil. Article 1204. Version en vigueur depuis le 1 octobre 2016 // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032041353 (дата обращения: 19.06.2025).

¹⁸ *Terré F., Simler Ph., Lequette Y., Chénéde F.* Droit civil ; les obligations. 12e édition. Paris, 2019. P. 772–775.

¹⁹ *Planiol M., Ripert G.* Traité élémentaire de droit civil: conforme au programme officiel des Facultés de droit. Onzième édition. Paris, 1931. Tome 2ème. P. 389–390.

во Франции запрет в ст. 10 Декрета-закона от 30.08.1937 любых соглашений о порядке голосования между акционерами, 4 апреля 1951 г. суд в Амьене признал законным соглашение о порядке голосования между членами совета директоров акционерного общества об избрании председателя при условии, что сохранялась возможность немотивированного досрочного (*ad nutum*) прекращения полномочий председателя, а само соглашение заключалось в отношении одного корпоративного решения²⁰.

Полагаем, что, подписывая соглашение о порядке голосования, директора не отчуждали свои полномочия, поскольку речь шла об одном корпоративном решении (т.е. они могли получить необходимую информацию и проанализировать его последствия)²¹. Скорее можно говорить, что решение об избрании председателя фактически принималось до заседания совета директоров, т.е. нарушался принцип коллегиальности и совещательности при принятии решений данным органом управления. Если рассматривать подобную ситуацию в контексте российского права, то, учитывая, что Закон об АО в п. 1 ст. 68, п. 2 ст. 70 разрешает принятие решений коллегиальными органами управления заочным путем, несоблюдение этих принципов также не должно стать препятствием для заключения соглашения о порядке голосования в отношении прямо определенных в соглашении решений между директорами или с участием директоров.

Таким образом, нами установлено, что корпоративный договор с корпорацией или членами ее органов управления не должен позволять ее директорам влиять на решения волеобразующего органа, при этом допускается обязать директоров с их согласия принять отдельные определенные таким договором управленческие решения — в этом смысле целесообразнее заключать договор не с самой корпорацией, а с директорами. Кроме того, участники корпорации могут обязаться провести консультации

с директорами относительно порядка осуществления ими своих полномочий.

2. Возникновение параллельных органов управления ввиду заключения корпоративного договора

Полагаем, что в вопросе допустимости появления в корпорации так называемых параллельных органов также следует различать две ситуации: 2.1) когда решения такого органа не обязательны для корпорации и 2.2) когда они создают правовые последствия для корпорации или ее органа.

2.1. Сама по себе практика выработки согласованного варианта голосования вне общего собрания участников при заключении корпоративного договора достаточно распространена, например, в странах Латинской Америки в форме так называемых акционерных синдикатов (аналога *voting trust* в англо-американском праве). В Аргентине Закон 1989 г. о приватизации прямо предусматривал заключение акционерных синдикатов с привлечением работников, участвующих в приватизации, от имени которых на общем собрании акционеров действовал общий представитель²². Появление таких синдикатов вызвано практической необходимостью. Поскольку нарушение корпоративного договора о порядке голосования не обязательно влечет возникновение убытков у потерпевшей стороны, применение имущественных санкций часто оказывается малоэффективным. В России законодатель пытался решить данную проблему для акционерных соглашений, предусмотрев в п. 7 ст. 32.1 Закона об АО возможность включения в текст соглашения компенсации за его нарушение, не являющейся неустойкой. Тем не менее суды, исходя из компенсаторно-восстановительной направленности гражданско-правовой ответственности, применяют правила о

²⁰ Houenou E. S. Op. cit. P. 332–335.

²¹ См. также: Torrillo M. P. Op. cit. P. 27.

²² Ley 23.696 de Reforma del Estado. Promulgada: agosto 18 de 1989. Artículos 37–40 // URL: <https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/98/texact.htm> (дата обращения: 19.06.2025).

снижении неустойки в ст. 333 ГК РФ к подобной компенсации по аналогии закона²³.

По этой причине для обеспечения исполнения условий корпоративного договора предпочтительнее оказываются превентивные механизмы с использованием секвестра — передачи акций или долей в доверительное управление или, дабы избежать одностороннего отказа от доверительного управления, отчуждения фидуциару (передача в собственность третьему лицу с условием об обратном выкупе).

В российской доктрине в числе основных возражений против обеспечительной купли-продажи называлась ее направленность на обход императивных положений закона о залоге²⁴. Однако, поскольку в рассматриваемом нами случае речь идет не об удовлетворении сторон корпоративного договора из стоимости переданных в фидуцию акций или долей в случае его нарушения (*fiducia cum creditore*), а о блокировании самой возможности нарушения договора о порядке голосования через своего рода аналог доверительного управления (*fiducia cum amico*), подобная конструкция не нарушает запрет присвоения кредитором так называемого излишка (*superfluum*) — разницы между размером обеспечиваемого требования и стоимостью вещного обеспечения (абз. 2 п. 3 ст. 334, абз. 4 п. 2 ст. 350.1 ГК РФ).

2.2. Альтернативой упомянутым синдикатам с секвестром акций или долей в уставном капитале ООО может быть предусмотренная законом возможность противопоставления условий корпоративного договора корпорации²⁵. В России она реализована в п. 6 ст. 67.2 ГК РФ, согласно которому стороны корпоративного договора, заключенного всеми участниками корпорации, вправе оспорить решение ее органа, принятое в

нарушение этого договора. Как пишет Д. И. Степанов, речь идет о решениях не только общего собрания участников, но и производных от него органов²⁶ — в подтверждение указанного вывода имеется практика оспаривания решения совета директоров о созыве общего собрания акционеров, в которое не были включены кандидатуры в совет директоров в соответствии с положениями корпоративного договора²⁷.

Поскольку реализация подобного способа защиты может вылиться в достаточно длительные судебные разбирательства без гарантии оспаривания последующих сделок (на что прямо указывается в абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ), более эффективным механизмом защиты прав и интересов сторон корпоративного договора мог бы стать легальный запрет учета при голосовании на общем собрании участников корпорации варианта голосования, противоречащего раскрытому обществу корпоративному договору²⁸. При этом в случае участия лица в нескольких корпоративных договорах приоритет должен иметь первый раскрытый обществу договор, а неясные условия должны толковаться в пользу отсутствия ограничения свободы волеизъявления участника корпорации. Если участник уклонится от голосования в соответствии с корпоративным договором, от его имени вправе проголосовать иные участники по безотзывной доверенности. Если стороны не согласовали данный механизм замещения волеизъявления стороны корпоративного договора, то участник должен считаться непроголосовавшим. На наш взгляд, само по себе заключение корпоративного договора о порядке голосования на общем собрании не должно быть равносильно признанию участника автоматически проголосовавшим на всех будущих собраниях, так как в случае злоупотре-

²³ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2023 № 05АП-7532/2022 по делу № А51-14370/2022.

²⁴ Бевзенко Р. С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 28–31.

²⁵ *Gutiérrez Camacho W.* Los contratos parasocietarios // *Ius et Praxis*. Universidad de Lima. 2000. Núm. 031. P. 98.

²⁶ Степанов Д. И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 39.

²⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.10.2021 № 17АП-9416/2021-ГК по делу № А50-227/2021.

²⁸ О реализации данного подхода см.: Богусевич С. И. Указ. соч. С. 31.

требление правом со стороны контрагентов по корпоративному договору такой участник может быть заинтересован в неисполнении корпоративного договора, зная, что в судебной защите требований его контрагентов будет отказано со ссылкой на п. 2 ст. 10 ГК РФ.

В России этот механизм непосредственно в законе не прописан, но может быть выведен из абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ, обязывающего публиковать в ЕГРЮЛ сведения о непропорциональном распределении правомочий между участниками непубличной корпорации. В частности, при удостоверении решения собрания нотариус, согласно регламенту совершения нотариальных действий, обязан руководствоваться положениями корпоративного договора, раскрытого в ЕГРЮЛ²⁹. Технически, ввиду порядка ведения ЕГРЮЛ, такая возможность доступна лишь для ООО³⁰, что является недостатком отечественного регулирования.

Полагаем, что фактически условие акционерного соглашения о согласованном голосовании влечет отступление от принципа пропорциональности и в акционерных обществах, причем как непубличных, так и публичных. Например, миноритарные акционеры ПАО, будучи заинтересованы в избрании в совет директоров своего кандидата, вправе договориться голосовать за кандидатуру конкретного лица. Право акционера ПАО распоряжаться на основании акционерного соглашения количеством голосов, превышающим количество принадлежащих ему

акций, прямо вытекает из обязанности уведомить ПАО о возникновении у него такой возможности в случае превышения определенных пунктом 5 ст. 32.1 Закона об АО порогов. Тем не менее ни упомянутое уведомление акционерного общества о превышении порогов, ни формальное подписание обществом корпоративного договора не создают обязанностей для регистратора не учитывать голос, поданный в нарушение такого акционерного соглашения.

Особняком в литературе стоит вопрос противопоставления корпорации корпоративных договоров, подписанных всеми участниками общества. Аргентинские авторы предлагают считать такие договоры обязательными для менеджмента корпорации, поскольку те фактически являются аналогом ее внутреннего документа³¹.

Чилийские ученые рассматривают корпоративный договор, подписанный всеми участниками корпорации, как договорную часть устава в непубличном обществе, в связи с тем что в такой корпорации интерес корпорации равносильно интересу всех ее участников³² (в обществе с листингом ввиду наличия акций в свободном обращении заключение корпоративного договора между всеми участниками корпорации, как правило, невозможно).

В испаноязычной литературе высказывается иная точка зрения, заимствованная из английского права: рекомендуется считать корпоративный договор всех участников корпорации

²⁹ П. 70 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, утв. приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156, с учетом изменений, внесенных приказом Минюста России от 24.11.2021 № 223 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202111290039> (дата обращения: 23.06.2025).

³⁰ См.: п. 36 приложения № 13 к приказу ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» (ред. от 09.01.2024) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202009160028> (дата обращения: 23.06.2025).

³¹ *Torrillo M. P.* Op. cit. P. 18–19.

³² *Lagos Villarreal O.* La cuestión de la licitud o ilicitud de los pactos de accionistas relativos al voto de directores de sociedades anónimas // *Revista chilena de derecho.* 2019. Vol. 46. Núm. 1. P. 9, 10, 24; *Idem.* El problema de la licitud de los pactos de accionistas relativos al voto de los directores: un estudio de derecho comparado // *Revista de derecho privado.* 2019. Núm. 36. P. 224. P. 224.

иррегулярным решением общего собрания (потому что единогласный характер такого квази-решения позволяет не соблюдать требования к созыву собрания в силу принципа единогласия — *principle of unanimous consent*)³³. В отечественном праве аналогичный тезис можно вывести из пп. 1 п. 1 и п. 3 ст. 181.4, п. 1 ст. 181.5 ГК РФ, согласно которым решение собрания не может быть оспорено по мотиву нарушения порядка созыва и проведения собрания участников корпорации, если участник голосовал за, а при участии в голосовании всех участников корпорации не имеет значения, включался ли вопрос в повестку дня. М. С. Варюшин предлагает рассматривать в качестве субсидиарного учредительного документа корпоративный договор всех участников общества, так как решения органов корпорации могут быть оспорены в случае противоречия такому договору согласно п. 6 ст. 67.2 ГК³⁴. В. К. Андреев проводит аналогию между таким договором и решением собрания, отмечая, что заключенный всеми участниками общества корпоративный договор, как и решение общего собрания, является руслом «выражения интересов всех участников»³⁵.

На наш взгляд, подобный корпоративный договор действительно допустимо воспринимать как квазирешение общего собрания участников в том смысле, что подписавшие его участники не образуют какого-либо сепаратного или параллельного органа, наличие которого само по себе может противоречить публичному интересу, так как снижает прозрачность управления в хозяйственных обществах, что не отвечает целям поли-

тики противодействия легализации незаконных доходов и финансированию противоправной деятельности.

Однако вопрос о его обязательности для иных органов корпорации остается открытым, поскольку в нашей стране интерес корпорации не тождественен интересу всех ее участников. С одной стороны, решения общего собрания обязательны для иных органов корпорации (см., например, абз. 2 п. 2 ст. 69 Закона об АО). С другой — подобная обязанность даже в отношении решений, принятых с соблюдением порядка созыва и проведения собрания, не является безусловной. Так, в России высшие суды регулярно разъясняют, что директор не должен исполнять решение общего собрания, если оно противоречит интересу корпорации (не делая никаких оговорок в пользу единогласных решений)³⁶.

Существо данной проблемы кроется в самой категории «интерес корпорации», которая, надо полагать, носит рефлексивистский характер и зависит от ценностей, принятых в данном конкретном гражданском обществе на определенном этапе его развития, т.е. не может быть однозначно определена (позитивно установлена). Так, Верховный суд Испании в постановлении 1991 г. разъяснил, что при квалификации интереса корпорации испанский закон исходит из договорной теории корпорации, а не институциональной, указав, что у акционерного общества нет интереса, отличного от суммы интересов всех его участников. При этом в 2022 г. тот же Суд посчитал, что единая универсально принятая теория интереса корпорации отсутствует³⁷:

³³ *González de Gregorio Molina J. I.* La sindicación de acciones. Tesis. Universidad CEU San Pablo. España, 2015. P. 323–324.

³⁴ *Варюшин М. С.* Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11, 126.

³⁵ *Андреев В. К., Лаптев В. А.* Указ. соч. С. 228–230, 236.

³⁶ П. 16 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5 ; п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // URL: https://arbitr.ru/materials/90841?path=%2Farxiv%2Fpost_plenum%2F (дата обращения: 23.06.2025).

³⁷ Tribunal Supremo. Sala de lo Civil. Sentencia de 19.02.1991. Roj: STS 13053/1991 — ECLI:ES:TS:1991:13053 ; Sentencia de 07.04.2022. Roj: STS 1386/2022 — ECLI:ES:TS:2022:1386 // URL: <http://www.poderjudicial.es/search/indexAN.jsp> (дата обращения: 21.06.2025).

помимо классических договорной и институциональной теорий³⁸, которые также можно охарактеризовать как монистическую (интерес корпорации неотличим от интересов участников) и дуалистическую (интерес корпорации отделим и довлеет над интересами участников), можно выделить плюралистическую (интерес корпорации должен включать интересы различных стейкхолдеров), целевую (интерес состоит в достижении целей корпорации) теории и даже подход, согласно которому интерес корпорации не является статичным и может различаться в зависимости от характера конкретного корпоративного действия.

Возникший в США усилиями Р. Познера экономический анализ права объясняет подобную палитру взглядов инструменталистским подходом к праву, которое, по мнению сторонников течения, является лишь средством реализации правовой политики³⁹. Так, внедрение стандартов корпоративной социальной ответственности предполагает, что корпорация должна учитывать интересы различных заинтересованных сторон, с которыми она соприкасается в своей деятельности⁴⁰. Соответственно, экономический анализ права предлагает смотреть на корпорацию как на *nexus of contracts*, центр пересечения

интересов различных стейкхолдеров, среди которых не только участники, но также работники, потребители и иные кредиторы⁴¹.

Сходные взгляды на корпорацию возникли во Франции в так называемой реннской школе (Университета Ренна, среди ее видных представителей — Ж. Пайюссо). Посчитав, что институциональная и договорная теории зашли в тупик в объяснении природы корпорации, ее сторонники предложили функциональную теорию, согласно которой корпорация (юридическое лицо) представляет собой лишь технику организации деятельности предприятия⁴². Функциональная теория приходит к таким же выводам, что и экономический анализ права: интерес корпорации представляет собой интерес предприятия, чью деятельность она организует, и включает в себя интересы работников и кредиторов. Следовательно, деятельность предприятия должна не только приносить прибыль, но и обеспечивать его долгосрочную финансовую устойчивость⁴³.

Исходя из вышеизложенного, учитывая неопределенность в вопросе интереса корпорации, в упомянутом деле 2022 г. Верховный суд Испании отказался квалифицировать корпоративный договор как регулирующий документ корпорации. Вместе с тем, отметив, что согла-

³⁸ Институциональная теория юридического лица представляет собой развитие теории реального субъекта, широко известной в отечественной доктрине. Она смотрит на корпорацию как на институт, существующий отдельно от ее учредителей, и объясняет, в частности, почему в случае признания решений учредительного собрания недействительными юридическое лицо не может быть автоматически исключено из ЕГРЮЛ без прохождения процедуры ликвидации. С аналогичными выводами см., например: постановление Президиума ВАС РФ от 10.07.2012 № 2364/12. Подробнее об институциональной теории см.: *Richard E. H., Muiño O. M. Derecho societario: sociedades comerciales, civil y cooperativa*. За reimposición. Buenos Aires : Editorial Astrea, 2000. P. 37–41. О теории реального субъекта см.: *Козлова Н. В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учеб. пособие. М. : Статут, 2003. С. 136–147.

³⁹ *Pauleau Ch.* Incidencia del derecho en la creación y funcionamiento de las Joint Ventures. Análisis de la organización jurídica de las Joint Ventures en la Unión Europea, con especial referencia a España. Tesis. Universitat Pompeu Fabra. Barcelona, 2000. P. 23–27.

⁴⁰ *Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А.* Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // *Предпринимательское право*. 2022. № 2. С. 31.

⁴¹ *González Rebechini G.* Libertad de pactos. Entre los acuerdos de accionistas y la brújula del interés social // *Revista Argentina de Derecho Societario*. 2022. Núm. 31. URL: <https://ijeditores.com/pop.php?option=articulo&Hash=70b0aeede2cd58a01431f329e66aae7> (дата обращения: 21.06.2025).

⁴² *Pauleau Ch.* Op. cit. P. 21–23.

⁴³ *De la Madrid Andrade M.* Orden Público Societario y Autonomía Privada. Las estipulaciones atípicas // *Revista Perspectiva Jurídica*. Universidad Panamericana. 2019. Núm. 13. P. 16–18.

шение участников является ценным институтом частного права, так как имеет большую гибкость, чем устав, Суд посчитал, что такой договор может быть противопоставлен обществу в порядке исключения по основаниям, предусмотренным обязательственным правом: в случае если общество его подписало либо в силу принципа легитимных ожиданий и доктрины непротиворечивости собственных действий. Напомним, что испанский закон прямо запрещает противопоставлять корпорации соглашения ее участников⁴⁴. В России в деле «Кредитные системы» очень похожим образом недавно высказался Верховный Суд РФ, применив эстоппель и посчитав неформальное согласие бенефициаров одобрением крупной сделки⁴⁵.

Допущение применения эстоппеля, несмотря на формальный запрет в законе, означает, что факт подписания обществом договора в любом случае ограничивает право директора ссылаться на его недействительность. При этом требования сторон такого договора могут получить судебную защиту лишь при условии, что его заключение и исполнение не ущемляет прав и интересов третьих лиц, — ссылка на эстоппель не должна приниматься во внимание, если сам кредитор действовал недобросовестно (в силу принципа *nemo auditur propriam turpitudinem allegans*). В этом смысле важно, чтобы договор, подписанный корпорацией, был подписан также всеми ее участниками.

Таким образом, нами установлено, что принятие сторонами корпоративного договора

управленческих решений вне органов корпорации допускается при условии, что такие решения не могут быть противопоставлены корпорации, если обратное прямо не допускается законом, либо же могут защищаться с опорой на запрет недобросовестного поведения. Фактически данная логика сугубо в рамках обязательственной концепции корпоративного договора приводит нас к выводам, аналогичным позиции апелляционного суда Нью-Йорка по делу *Clark v. Dodge* 1936 г., в соответствии с которой акционерные соглашения, ограничивающие свободу усмотрения директоров корпорации, допустимы, если не противоречат интересам третьих лиц или публичному интересу, а также заключены всеми участниками корпорации⁴⁶.

3. Альтернативные точки зрения на природу запрета участия корпорации в корпоративном договоре

В отечественной доктрине превалирует подход, согласно которому корпорация не может быть стороной корпоративного договора⁴⁷. В пользу данной позиции приводятся как 3.1) формальные доводы: кауза корпоративного договора⁴⁸, императивный характер положений п. 1 и 9 ст. 67.2 ГК РФ, допускающих участие третьих лиц в квазикорпоративном договоре лишь при наличии у них охраняемого интереса⁴⁹, так и 3.2) догматические: необходимость наличия у сторон корпоративного договора прав участников корпорации, а также неприменимость для

⁴⁴ Real Decreto Legislativo 1/2010, de 2 de julio, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley de Sociedades de Capital. Artículo 29. Pactos reservados // URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2010-10544> (дата обращения: 21.06.2025).

⁴⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.01.2025 № 305-ЭС24-16398 по делу № А40-206386/2023.

⁴⁶ David H. Clark, Appellant, v. John L. Dodge et al., Respondents. Court of Appeals of New York. Argued December 12, 1935 Decided January 8, 1936. 269 NY 410 // URL: https://www.nycourts.gov/reporter/archives/clark_dodge.htm (дата обращения: 09.03.2025).

⁴⁷ Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 297.

⁴⁸ Ломакин Д. В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» / под ред. И. С. Шиткиной : в 2 т. Т. 1. М. : Статут, 2021. С. 167.

⁴⁹ Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М. : М-Логос, 2017. С. 93–94.

континентального правопорядка договорной теории корпорации, которая вслед за английским правом позволила бы включать ее в число сторон корпоративного договора⁵⁰.

3.1. Полагаем, что отсылки к буквальному содержанию закона не позволяют объяснить, почему корпоративный договор не может предусматривать непоименованные в законе условия, регулирующие права и обязанности корпорации, на основании ст. 421 ГК РФ. В частности, Д. В. Ломакин отмечает, что до появления в ГК РФ и законах о хозяйственных обществах соответствующих положений корпоративные договоры в России могли заключаться в силу принципа свободы договора⁵¹. Аналогичным образом при обсуждении законопроекта об акционерных соглашениях высказывался В. В. Витрянский, а В. П. Мозолин и А. С. Комаров обращали внимание на то, что во многих зарубежных правопорядках корпоративный договор является непоименованным договором⁵².

Аргумент о строгой императивности положений отечественного корпоративного законодательства оспаривается судебной практикой: в известном деле «Яна Тормыш» Верховный Суд РФ указал на презумпцию диспозитивности, положенную в основу регулирования непубличных корпораций⁵³. В ряде стран, например в Мексике, ранее придерживавшихся строгой институциональной традиции, принцип свободы договора в корпоративном праве закреплен законодательно⁵⁴ (в ходе реформы 2014 г.⁵⁵).

Корпоративные права, как известно, также могут осуществляться третьими лицами — в случае их залога (п. 2 ст. 358.15 ГК РФ) или выдачи безотзывной доверенности с полномочием представителя самостоятельно определять вариант голосования (ст. 188.1 ГК РФ). Кроме того, поскольку в России нет ограничений в отношении квазиказначейских акций или долей, корпорация вполне может учредить компанию одного лица, принять ее в состав своих же участников с незначительной миноритарной долей, назначить себя ее управляющей организацией и через нее опосредованно участвовать в корпоративном договоре (что лишает практического смысла довод об отсутствии у корпорации корпоративных прав).

Как было показано выше, не является бесспорным утверждение о том, что в континентальном праве корпоративное законодательство о юридических лицах полностью отвергло договорную теорию корпорации. Э. С. Хоэну в защищенной в 2019 г. в Сорбонне докторской диссертации пишет о тенденции к контрактализации корпоративного права с 80-х гг. XX в., в том числе в континентальных правопорядках⁵⁶.

На основании вышесказанного полагаем, что формально-догматический подход (через буквальное прочтение норм закона или учение о корпоративном правоотношении / теорию юридического лица) не позволяет объяснить, в какой мере корпоративный договор может быть противопоставлен корпорации.

⁵⁰ *Осипенко К. О.* Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 92–93 ; *Ломакин Д. В.* Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник экономического правосудия РФ. 2009. № 8. С. 22–23.

⁵¹ *Ломакин Д. В.* Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. М. : Статут, 2020. С. 24.

⁵² Из практики Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 140–146.

⁵³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019.

⁵⁴ *De la Madrid Andrade M.* Op. cit. P. 14, 17–22.

⁵⁵ Ley General de Sociedades Mercantiles, Artículo 8: 13.06.2014. Artículo Segundo // URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LGSM.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵⁶ *Houenou E. S.* Op. cit. P. 1.

Выводы

Являются недействительными положения корпоративного договора, позволяющие менеджменту влиять на работу волеобразующего органа корпорации, а также ведущие к фактической передаче членами органов управления своей компетенции третьим лицам или параллельным органам управления. При этом стороны корпоративного договора вправе поручиться за принятие менеджментом тех или иных управленческих решений, а члены органов управления корпорации вправе принять на себя обязательство относительно конкретного управленческого решения.

В случае заключения корпоративного договора всеми участниками корпорации договор может быть подписан директором от ее имени.

Директор не вправе ссылаться на его недействительность в силу запрета непротиворечивого поведения. Кроме того, на общем собрании участников не должны учитываться голоса, поданные в нарушение корпоративного договора, раскрытого в ЕГРЮЛ. Целесообразно распространить данный порядок и на корпоративные договоры, раскрытые обществу.

Придерживающийся более консервативных оценок формально-догматический подход, опирающийся на строго императивное прочтение положений закона, посвященных корпоративным договорам, не позволяет объяснять имевшую место ранее практику их заключения в качестве непоименованных договоров, а также игнорирует тенденцию к росту диспозитивности в корпоративном праве, ввиду чего должен восприниматься критически.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России : монография. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2023. — 432 с.
2. Бевзенко Р. С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. — 2021. — № 2. — С. 9–87.
3. Богусевич С. И. О текущей реформе института корпоративного договора в России // Право и экономика. — 2024. — № 11 (441). — С. 30–36.
4. Варюшин М. С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 202 с.
5. Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. — М. : М-Логос, 2017. — 672 с.
6. Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А. Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // Предпринимательское право. — 2022. — № 2. — С. 25–35.
7. Карапетов А. Г., Суховольская Е. В. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1425 с.
8. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учеб. пособие. — М. : Статут, 2003. — 316 с.
9. Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2023. — № 2. — С. 285–311.
10. Ломакин Д. В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник экономического правосудия РФ — 2009. — № 8. — С. 6–26.
11. Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. — М. : Статут, 2020. — 146 с.
12. Ломакин Д. В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» / под ред. И. С. Шиткиной : в 2 т. Т. 1. — М. : Статут, 2021. — 622 с.

13. *Ода Х.* Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. — 2010. — № 1. — С. 132–161.
14. *Осипенко К. О.* Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 190 с.
15. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2022. — 1582 с.
16. Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — М. : Юристъ, 2004. — 544 с.
17. *Степанов Д. И.* Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах. — Закон. — 2014. — № 7. — С. 31–55.
18. *Abdy J. T., Walker B.* The Institutes of Justinian. — Cambridge, 1876.
19. *Alcalde Rodríguez E.* Los convenios sobre el voto y las limitaciones a la transferencia de acciones en la sociedad anónima. Otra vuelta de tuerca a la autonomía privada // Revista chilena de derecho. — 2003. — Vol. 30. — № 1. — P. 113–128.
20. *Caramelo G.* Código Civil y Comercial de la Nación Comentado / G. Caramelo, S. Picasso, M. Herrera. — 1a ed. — Ciudad Autónoma de Buenos Aires : Infojus, 2015. — V. 3. — 672 p.
21. *De la Madrid Andrade M.* Orden Público Societario y Autonomía Privada. Las estipulaciones atípicas // Revista Perspectiva Jurídica. Universidad Panamericana. — 2019. — Núm. 13. — P. 13–37.
22. *González de Gregorio Molina J. I.* La sindicación de acciones. Tesis. — Universidad CEU San Pablo. — España, 2015.
23. *González Rebechini G.* Libertad de pactos. Entre los acuerdos de accionistas y la brújula del interés social // Revista Argentina de Derecho Societario. — 2022. — Núm. 31.
24. *Gutiérrez Camacho W.* Los contratos parasocietarios // Ius et Praxis. Universidad de Lima. — 2000. — Núm. 031. — P. 78–104.
25. *Houenou E. S.* La contractualisation du droit des sociétés: l'ordre public à l'épreuve de la liberté contractuelle dans les sociétés commerciales de l'OHADA. Thèse. Droit. — Université Panthéon-Sorbonne — Paris I ; Université d'Abomey-Calavi (Bénin), 2019.
26. *Lagos Villarreal O.* El problema de la licitud de los pactos de accionistas relativos al voto de los directores: un estudio de derecho comparado // Revista de derecho privado. — 2019. — Núm. 36. — P. 205–230.
27. *Lagos Villarreal O.* La cuestión de la licitud o ilicitud de los pactos de accionistas relativos al voto de directores de sociedades anónimas // Revista chilena de derecho. — 2019. — Vol. 46. — Núm. 1. — P. 7–28.
28. *Pauleau Ch.* Incidencia del derecho en la creación y funcionamiento de las Joint Ventures. Análisis de la organización jurídica de las Joint Ventures en la Unión Europea, con especial referencia a España. Tesis. — Universitat Pompeu Fabra, Barcelona, 2000.
29. *Planiol M., Ripert G.* Traité élémentaire de droit civil: conforme au programme officiel des Facultés de droit. — Onzième édition. — Paris, 1931. — Tome 2ème.
30. *Richard E. H., Muiño O. M.* Derecho societario: sociedades comerciales, civil y cooperativa. — 3a reimpression. — Buenos Aires : Editorial Astrea, 2000.
31. *Terré F., Simler Ph., Lequette Y., Chénéde F.* Droit civil ; les obligations. — 12e édition. — Paris, 2019.
32. *Torrillo M. P.* La Vinculación de Directores en Acuerdos Parasociales. La vinculación de directores en acuerdos parasociales // Revista argentina de derecho empresario. — 2020. — No. 18.

Материал поступил в редакцию 5 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreev V. K., Laptev V. A. Korporativnoe pravo sovremennoy Rossii: monografiya. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2023. — 432 s.
2. Bevzenko R. S. Oчерk teorii titulnogo obespecheniya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2021. — № 2. — S. 9–87.
3. Bogusevich S. I. O tekushchey reforme instituta korporativnogo dogovora v Rossii // Pravo i ekonomika. — 2024. — № 11 (441). — S. 30–36.
4. Varyushin M. S. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnykh dogovorov: sravnitelnyy analiz: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 202 s.
5. Glukhov E. V. Korporativnyy dogovor: podgotovka i soglasovanie pri sozdanii sovmestnogo predpriyatiya. — M.: M-Logos, 2017. — 672 s.
6. Ershova I. V., Enkova E. E., Laptev V. A. Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost v sisteme koordinat ustoychivogo razvitiya // Predprinimatelskoe pravo. — 2022. — № 2. — S. 25–35.
7. Karapetov A. G., Sukhovolskaya E. V. Dogovornoe pravo (obshchaya chast): postateynny kommentariy k statyam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2020. — 1425 s.
8. Kozlova N. V. Ponyatie i sushchnost yuridicheskogo litsa. Oчерk istorii i teorii: ucheb. posobie. — M.: Statut, 2003. — 316 s.
9. Laptev V. A., Chucha S. Yu. Rukovoditel organizatsii i organ yuridicheskogo litsa: edinstvo sushchnosti i protivorechiya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2023. — № 2. — S. 285–311.
10. Lomakin D. V. Dogovory ob osushchestvlenii prav uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv kak novella korporativnogo zakonodatelstva // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF — 2009. — № 8. — S. 6–26.
11. Lomakin D. V. Kommercheskie korporatsii kak subekty korporativnykh pravootnosheniy: ucheb. posobie. — M.: Statut, 2020. — 146 s.
12. Lomakin D. V. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federalnomu zakonu «Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennostyu» / pod red. I. S. Shitkinoy: v 2 t. T. 1. — M.: Statut, 2021. — 622 s.
13. Oda Kh. Aktsionernye soglasheniya: ostorozhnyy shag vpered // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2010. — № 1. — S. 132–161.
14. Osipenko K. O. Dogovor ob osushchestvlenii prav uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv v rossiyskom i angliyskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 190 s.
15. Peremena lits v obyazatelstve i otvetstvennost za narushenie obyazatelstva: kommentariy k statyam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2022. — 1582 s.
16. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik / V. A. Krasnokutskiy, I. B. Novitskiy, I. S. Pereterskiy [i dr.]; pod red. I. B. Novitskogo, I. S. Pereterskogo. — M.: Yurist, 2004. — 544 s.
17. Stepanov D. I. Noveye polozheniya Grazhdanskogo kodeksa o yuridicheskikh litsakh. — Zakon. — 2014. — № 7. — S. 31–55.
18. Abdy J. T., Walker B. The Institutes of Justinian. — Cambridge, 1876.
19. Alcalde Rodríguez E. Los convenios sobre el voto y las limitaciones a la transferencia de acciones en la sociedad anónima. Otra vuelta de tuerca a la autonomía privada // Revista chilena de derecho. — 2003. — Vol. 30. — № 1. — P. 113–128.
20. Caramelo G. Código Civil y Comercial de la Nación Comentado / G. Caramelo, S. Picasso, M. Herrera. — 1a ed. — Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Infojus, 2015. — V. 3. — 672 p.
21. De la Madrid Andrade M. Orden Público Societario y Autonomía Privada. Las estipulaciones atípicas // Revista Perspectiva Jurídica. Universidad Panamericana. — 2019. — Núm. 13. — P. 13–37.
22. González de Gregorio Molina J. I. La sindicación de acciones. Tesis. — Universidad CEU San Pablo. — España, 2015.

23. González Rebechini G. Libertad de pactos. Entre los acuerdos de accionistas y la brújula del interés social // Revista Argentina de Derecho Societario. — 2022. — Núm. 31.
24. Gutiérrez Camacho W. Los contratos parasocietarios // Ius et Praxis. Universidad de Lima. — 2000. — Núm. 031. — P. 78–104.
25. Houenou E. S. La contractualisation du droit des sociétés: l'ordre public à l'épreuve de la liberté contractuelle dans les sociétés commerciales de l'OHADA. Thèse. Droit. — Université Panthéon-Sorbonne — Paris I; Université d'Abomey-Calavi (Bénin), 2019.
26. Lagos Villarreal O. El problema de la licitud de los pactos de accionistas relativos al voto de los directores: un estudio de derecho comparado // Revista de derecho privado. — 2019. — Núm. 36. — P. 205–230.
27. Lagos Villarreal O. La cuestión de la licitud o ilicitud de los pactos de accionistas relativos al voto de directores de sociedades anónimas // Revista chilena de derecho. — 2019. — Vol. 46. — Núm. 1. — P. 7–28.
28. Pauleau Ch. Incidencia del derecho en la creación y funcionamiento de las Joint Ventures. Análisis de la organización jurídica de las Joint Ventures en la Unión Europea, con especial referencia a España. Tesis. — Universitat Pompeu Fabra, Barcelona, 2000.
29. Planiol M., Ripert G. Traité élémentaire de droit civil: conforme au programme officiel des Facultés de droit. — Onzième édition. — Paris, 1931. — Tome 2ème.
30. Richard E. H., Muiño O. M. Derecho societario: sociedades comerciales, civil y cooperativa. — 3a reimpresión. — Buenos Aires: Editorial Astrea, 2000.
31. Terré F., Simler Ph., Lequette Y., Chénéde F. Droit civil; les obligations. — 12e édition. — Paris, 2019.
32. Torrillo M. P. La Vinculación de Directores en Acuerdos Parasociales. La vinculación de directores en acuerdos parasociales // Revista argentina de derecho empresario. — 2020. — No. 18.

В поисках оптимальной модели правового регулирования нейрогенетики в Российской Федерации

Аннотация. Нейрогенетика — быстро развивающаяся область генетики, важная для диагностики, лечения и профилактики неврологических расстройств. В статье подробно рассматриваются правовые аспекты нейрогенетики, относящиеся к порядку проведения нейрогенетического тестирования и использования его результатов для развития персонализированной медицины, анализируются виды нейрогенетического тестирования, проблемные вопросы получения информированного согласия, проведения неинвазивного пренатального тестирования. По мнению автора, потенциал использования нейрогенетики непосредственно зависит от надлежащего правового регулирования порядка проведения нейрогенетического тестирования, с помощью которого могут быть выявлены специфические генетические мутации, связанные с возникновением неврологических расстройств. Вместе с тем многие аспекты нейрогенетического тестирования, включая конфиденциальность, генетическую дискриминацию и порядок сообщения результатов тестирования, требуют законодательной регламентации. Адекватное правовое регулирование позволит раскрыться исследовательскому потенциалу нейрогенетического тестирования, новейших диагностических, профилактических и клинических инструментов, адаптированных к индивидуальным нейрогенетическим профилям. Нормативная регламентация применения нейрогенетики будет способствовать повышению доступности нейрогенетического тестирования и лечения, критически важных для уменьшения бремени неврологических расстройств.

Ключевые слова: нейрогенетика; нейрогенетическое тестирование; информированное согласие; персонализированная медицина; генетическая дискриминация; генетическая информация; геномная информация; конфиденциальность геномных данных; правовое воздействие; правовое регулирование

Для цитирования: Берг Л. Н. В поисках оптимальной модели правового регулирования нейрогенетики в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 137–149. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.137-149

© Берг Л. Н., 2026

* Берг Людмила Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
mila-berg@mail.ru

In Search of an Optimal Model for the Legal Regulation of Neurogenetics in the Russian Federation

Lyudmila N. Berg, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Theory of State and Law named after S.S. Alexeev, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation
mila-berg@mail.ru

Abstract. Neurogenetics is a rapidly developing field of genetics that is important for the diagnosis, treatment, and prevention of neurological disorders. The paper scrutinizes the legal aspects of neurogenetics related to the procedure for conducting neurogenetic testing and the use of its results for the development of personalized medicine. The author analyzes the types of neurogenetic testing, problematic issues of obtaining informed consent, and conducting non-invasive prenatal testing. According to the author, the potential use of neurogenetics directly depends on proper legal regulation of the procedure for conducting neurogenetic testing, which may be helpful in identifying specific genetic mutations associated with the occurrence of neurological disorders. However, many aspects of neurogenetic testing, including confidentiality, genetic discrimination, and the procedure for reporting test results, require legislative regulation. Adequate legal regulation will enable the full potential of neurogenetic testing, including the latest diagnostic, preventative, and clinical tools tailored to individual neurogenetic profiles. Regulatory guidance on the use of neurogenetics will facilitate increased access to neurogenetic testing and treatment, which are critical to reducing the burden of neurological disorders.

Keywords: neurogenetics; neurogenetic testing; informed consent; personalized medicine; genetic discrimination; genetic information; genomic information; confidentiality of genomic data; legal impact; legal regulation

Cite as: Berg LN. In Search of an Optimal Model for the Legal Regulation of Neurogenetics in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):137-149. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.137-149

Введение и постановка проблемы

Стремясь понять устройство человеческого мозга, ученые всё больше обращают свое внимание на сложное взаимодействие между генетикой и нейробиологией. Эта развивающаяся область знания, известная как нейрогенетика, призвана определить, каким образом генетические факторы влияют на структуру и функции мозга, в конечном итоге формируя наши мысли, эмоции и поведение. Нейрогенетика базируется на нескольких положениях. Согласно первому, именно человеческий геном (содержащий примерно 20 тыс. — 25 тыс. генов) является ключевым элементом развития, организации и функционирования нервной системы¹. Второе положение исходит из того, что гены играют решающую роль в формировании архитектуры мозга, регулировании нейромедиаторов, функ-

ционировании синаптических связей, лежащих в основе процессов познания. Достижения в области генетики, в частности методы полногеномных ассоциативных исследований (GWAS), секвенирования и редактирования генов, позволяют определить конкретные генетические мутации, связанные с различными неврологическими и психиатрическими расстройствами, и проливают свет на молекулярные механизмы, порождающие подобные нарушения. Сообразно этим знаниям могут быть разработаны новые средства диагностики, профилактики и лечения, адаптированные к индивидуальным генетическим профилям. Конечная цель нейрогенетических исследований — выработка персонализированных терапевтических практик и эффективных стратегий лечения, посредством внедрения которых будут смягчены негативные последствия неврологических и психиатриче-

¹ *Scult M.* A brief introduction to the neurogenetics of cognition-emotion interactions // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2018. Vol. 19. P. 50–54.

ских расстройств как для отдельных лиц, так и для общества в целом.

В рамках нейрогенетических исследований уже выявлены генетические основы многих неврологических расстройств. Так, учеными-нейрогенетиками доказано, что болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, шизофрения, расстройства аутистического спектра и депрессия обусловлены наличием определенного генетического компонента². Например, исследователи обнаружили мутации в таких генах, как APP, PSEN1 и PSEN2, которые связаны с повышенным риском болезни Альцгеймера — прогрессирующего нейродегенеративного расстройства, характеризующегося снижением когнитивных функций и потерей памяти³. Аналогичным образом такие гены, как DISC1, CACNA1C и GRIN2B, связаны с шизофренией⁴. Подобные открытия в области нейрогенетики трансформируют современное представление о взаимосвязанности генов, мозга и поведения. Сочетание инструментария генетики, неврологии и психологии, присущее нейрогенетике как междисциплинарному направлению, обуславливает и разнообразие правовых вопросов, сопутствующих ее развитию.

Представляется, что оно во многом зависит от надлежащего правового регулирования нейрогенетики, в особенности порядка проведения и использования результатов нейрогенетического тестирования, в ходе которого выявляется информация о генетических основах и механизмах возникновения неврологических расстройств. Несмотря на отмеченную значимость нейрогенетического тестирования для целей дальнейшего углубления исследовательского потенциала нейрогенетики, многие касающиеся его вопросы нуждаются в совершенствовании на законодательном уровне. Внимание законодателя должно быть обращено на проблему генетической дискриминации, специфику полу-

чения информированного согласия при нейрогенетическом тестировании и неинвазивном пренатальном тестировании на нейрогенетические состояния.

Особенности нейрогенетического тестирования и его виды

Дальнейшее совершенствование нейрогенетического тестирования является стимулом для преобразования всей парадигмы лечения неврологических расстройств в сторону персонализированной медицины, фундамент которой составляют терапевтические практики, адаптированные к уникальному генетическому профилю пациента. Соответственно, научно-исследовательские возможности нейрогенетического тестирования могут быть использованы для улучшения жизни множества людей, страдающих неврологическими заболеваниями. Для понимания специфики нейрогенетического тестирования необходимо отметить, что оно производится на основе анализа ДНК человека на предмет наличия генетических вариантов, связанных с неврологическими состояниями⁵. Результаты подобного теста содержат ценную информацию о генетических факторах риска развития психических расстройств. Эти сведения позволяют не только проводить необходимую терапию и персонализировать планы лечения, но и принимать профилактические меры.

Выделяют несколько видов нейрогенетического тестирования, каждый из которых адаптирован к конкретным целям и характеризуется спецификой проведения. К первому виду относится диагностическое тестирование, которое назначается медицинским работником при наличии клинических симптомов определенного неврологического расстройства⁶. При выявле-

² Gandy S. APOE e4 status and traumatic brain injury on the gridiron or the battlefield // *Science Translational Medicine*. 2012. Vol. 4. No. 134. P. 1–3.

³ Carrillo M. Can we prevent Alzheimer's disease? Secondary "prevention" trials in Alzheimer's disease // *Alzheimer's & dementia : the journal of the Alzheimer's Association*. 2013. Vol. 9. No. 2. P. 123–131.

⁴ Schneider S. Genetic testing for neurologic disorders // *Seminars in neurology*. 2011. Vol. 31. P. 542–552.

⁵ Lynch D. *Neurogenetics: Scientific and Clinical Advances*. CRC Press, 2006. P. 87.

⁶ Schneider S. *Op. cit.* P. 542–552.

нии в ходе такого тестирования генетических мутаций или вариаций, связанных с конкретным заболеванием, врач ставит соответствующий диагноз и определяет оптимальный вариант лечения. Диагностическое нейрогенетическое тестирование может помочь выявить генетические основы неврологических расстройств на ранней стадии, что крайне важно для своевременного принятия необходимых мер медицинского вмешательства. Ко второму виду тестирования — прогностическому — обращаются преимущественно лица с семейным анамнезом специфического неврологического расстройства, желающие получить информацию о генетических рисках возникновения заболевания в более позднем возрасте⁷. Знания о генетической предрасположенности могут быть полезны для выбора мер профилактики, например изменения образа жизни или периодического мониторинга состояния здоровья. Кроме того, прогностическое тестирование актуально при планировании беременности. В данном случае тест проводится для выявления носителя одной копии мутированного гена, ответственного за рецессивное генетическое заболевание (например, болезнь Тея — Сакса или спинальная мышечная атрофия). Сами носители, как правило, здоровы, но могут передавать мутированный ген потомкам. Таким образом, прогностическое тестирование позволяет оценить генетическую предрасположенность к неврологическим расстройствам и риск их наследственной передачи.

Цель нейрогенетического тестирования третьего вида — фармакогеномного — определение генетической реакции человека на медицинские препараты, назначаемые при лечении неврологических расстройств⁸. Производится оно с обязательным участием медицинского работника, который анализирует генетические вариации, связанные с метаболизмом и эф-

фективностью лекарств. С помощью фармакогеномного тестирования врач может выбрать наиболее подходящие лекарства и их дозировки для отдельных пациентов. Несмотря на специфические черты, присущие каждому из названных видов нейрогенетического тестирования, к их ключевым компонентам относятся: информированное согласие, соблюдение принципа автономии тестируемого лица, личное раскрытие результатов.

Специфика информированного согласия в контексте нейрогенетики

Ввиду стремительного развития нейрогенетики и выявления генетических основ неврологических расстройств на первый план выдвигается множество правовых вопросов, касающихся проведения нейрогенетического тестирования, результаты которого могут серьезно повлиять на жизнь тестируемых лиц. Сообразно этому ключевым компонентом нейрогенетического тестирования является получение информированного согласия, посредством которого заинтересованному лицу должны быть полностью разъяснены последствия проведения теста и его потенциальные результаты. Однако именно в контексте нейрогенетического тестирования получение действительно информированного согласия может быть затруднено. Например, в некоторых случаях на способность лица осознавать риски, преимущества и ограничения нейрогенетического тестирования могут влиять как неврологические, так и психиатрические состояния.

Так, у больных деменцией снижены когнитивные функции, что препятствует процессу самостоятельного принятия решений⁹. Для лиц, страдающих болезнью Альцгеймера, характерны нарушения адекватности восприятия действи-

⁷ *Mariotti C.* Predictive genetic tests in neurodegenerative disorders: A methodological approach integrating psychological counseling for at-risk individuals and referring clinicians // *European Neurology*. 2010. Vol. 64. No. 1. P. 33–41.

⁸ *Uhlmann W.* Genetic susceptibility testing for neurodegenerative diseases: Ethical and practice issues // *Progress in Neurobiology*. 2013. Vol. 110. P. 89–10.

⁹ *Hedera P.* Ethical principles and pitfalls of genetic testing for dementia // *Journal of geriatric psychiatry and neurology*. 2001. Vol. 14. No. 4. P. 213–221.

тельности¹⁰. Депрессивные расстройства могут привести к отказу пациента от принятия решений в рамках нейрогенетического тестирования. Даже у когнитивно здоровых людей уровень понимания может сильно различаться в зависимости от таких факторов, как образование, уровень медицинской грамотности, социальный статус, религиозное воспитание. Лица, заинтересованные или нуждающиеся в нейрогенетическом тестировании, как правило, уже испытывают когнитивные трудности при восприятии информации. Именно поэтому оценка способности предоставлять информированное согласие особенно важна при проведении нейрогенетического тестирования. Если лицо не в состоянии осознавать последствия и риски нейрогенетического тестирования, то информированное согласие должно запрашиваться у законных представителей.

Не менее важным в контексте информированного согласия является разъяснение права на отказ от получения какой-либо информации о здоровье. То есть лицо, прошедшее нейрогенетическое тестирование, вправе просить о неразглашении ему результатов. По мнению некоторых ученых, если в ходе теста подтвердился факт наличия нейрогенетического расстройства, врач или компания-поставщик обязаны проинформировать об этом пациента, несообщение результатов которому должно приравниваться к оставлению в опасности¹¹. Вместе с тем указанная точка зрения не учитывает фундаментальный биоэтический принцип автономии, согласно которому человек не может быть ограничен в процессе принятия решений касательно любых вопросов по поводу собственного здоровья¹². Как видится, особую значимость приобретает получение действительно информированного

согласия, отражающего осознанный характер решения о неразглашении. Ключевой момент при выражении лицом согласия на получение результатов теста — определение того, сможет ли человек психологически справиться с известием о неблагоприятном диагнозе¹³. В этой связи целесообразно привлечение генетического консультанта. Его участие будет способствовать правильному пониманию пациентами медицинских и психосоциальных последствий тестирования, а также получению информированного согласия. Кроме того, в зависимости от психологического состояния пациента необходимость в генетическом консультировании может возникнуть уже после проведения тестирования, при решении вопроса об отсрочке раскрытия результатов теста, которое оценивается в качестве неблагоприятного и травматического опыта большинством пациентов.

Специфика нейрогенетических данных, содержание которых составляет информация не только о генетическом профиле отдельного человека (включая предрасположенность к психическим заболеваниям), но и о его близких родственниках, требует включения в информированное согласие предупреждения о том, что результаты теста могут затрагивать и членов семьи. Помимо этого, при получении информированного согласия должна выясняться воля лица относительно раскрытия результатов теста: будут ли с ними ознакомлены близкие родственники или только сам тестируемый. Если лицо с нейрогенетическим заболеванием отказывается раскрывать диагноз другим родственникам, то это может лишить последних доступа к информации, важной для принятия решений по поводу собственного здоровья¹⁴.

¹⁰ Beattie B. Consent in Alzheimer's Disease Research: Risk/Benefit Factors // The Canadian journal of neurological sciences. Le journal canadien des sciences neurologiques. 2007. Vol. 34. P. 27–31.

¹¹ McLean N. Ethical dilemmas associated with genetic testing: which are most commonly seen and how are they managed? // Genetics in medicine: official journal of the American College of Medical Genetics. 2013. Vol. 15. No. 5. P. 345–353.

¹² Ashcroft R. Principles of Health Care Ethics. Wiley, 2007. P. 10.

¹³ Lautenbach D. Communicating genetic risk information for common disease in the era of genomic medicine // Annual Review of Genomics and Human Genetics. 2013. Vol. 14. No. 1. P. 491–513.

¹⁴ Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Правовые аспекты использования эпигенетической информации: вопросы конфиденциальности, дискриминации и личной ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 3. С. 373–381.

Учитывая это, некоторые ученые предлагают сделать обязательным раскрытие информации о результатах теста для родственников из группы риска, особенно если в семье отсутствует анамнез соответствующего заболевания¹⁵. Тем не менее первостепенное значение должно иметь сохранение конфиденциальности персональных медицинских данных¹⁶. Приемлемый вариант — разъяснение тестируемому лицу последствий несообщения результатов тестирования родственникам или их направление на генетическое консультирование для получения рекомендаций относительно прогностического тестирования.

Правовые аспекты сообщения и использования результатов нейрогенетического тестирования

В ходе нейрогенетического тестирования не исключены ситуации выявления так называемых вторичных результатов, то есть сведений о генетических мутациях, связанных с нейрогенетическим состоянием, которые изначально не составляли предмета оценки и были обнаружены случайно. Закономерно встает вопрос о наличии либо отсутствии обязанности раскрытия вторичных результатов заинтересованному лицу. По мнению ряда авторов, медицинский работник, выдавший направление на тестирование, или компания-поставщик однозначно обязаны раскрыть соответствующие сведения¹⁷. В обосновании этой позиции указывается на необходимость избежать потенциального вреда от неразглашения, связанного с фактическим сокрытием от человека информации о его здоровье. Тем не менее существует множество факторов, которые следует учитывать при раскрытии вторичных результатов, в частности нынешнее

состояние здоровья человека, в каком возрасте выявленный вариант генетической мутации становится актуальным (в детстве или во взрослом возрасте) и насколько сильно он выражен, какой тип медицинского вмешательства или лечения возможен. Представляется, что только после тщательного изучения названных обстоятельств допустимо информировать заинтересованное лицо о вторичных результатах нейрогенетического тестирования.

Помимо этого, нужно иметь в виду, что в отсутствие семейного анамнеза нейрогенетического состояния интерпретация значимости обнаруженной генетической мутации может быть крайне сложной в части определения уровня ее влияния на здоровье, сроков развития заболевания и степени его тяжести¹⁸. Стоит принимать во внимание, что для некоторых когнитивных и неврологических нарушений до сих пор не существует эффективного лечения. Всё сказанное свидетельствует о том, что при обнаружении вторичных результатов их раскрытие должно предваряться оценкой потенциального вреда, который может последовать за подобным сообщением, в виде ухудшения психологического состояния и/или излишнего стресса. Сообразно этому наложение обязанности по информированию о вторичных результатах явится нарушением таких трех фундаментальных положений биоэтики, как уважение автономии пациента, принципы «не навреди» и «делай благо»¹⁹. В контексте нейрогенетического тестирования содержание названных положений сводится к следующему:

- принцип автономии, согласно которому каждый человек имеет право самостоятельно определять, какую информацию о собственном нейрогенетическом состоянии желает получить;
- принцип «не навреди», означающий, что медицинские работники должны воздер-

¹⁵ *Botkin J.* Points to consider: ethical, legal and psychosocial implications of genetic testing in children and adolescents // *American journal of human genetics.* 2015. Vol. 97. No. 1. P. 6–21.

¹⁶ *Берг Л. Н.* Конфиденциальность геномной информации и право на доступ к научным знаниям: вопросы соотношения // *Lex russica (Русский закон).* 2024. Т. 77. № 10. С. 93–101.

¹⁷ *McLean N.* Op. cit. P. 345–353.

¹⁸ *Riedijk S.* A decade of genetic counseling in frontotemporal dementia affected families: few counseling requests and much familial opposition to testing // *Journal of Genetic Counseling.* 2009. Vol. 18. No. 4. P. 350–356.

¹⁹ *Ashcroft R.* Op. cit. P. 7.

живаться от причинения вреда, возникающего в результате раскрытия нейрогенетической информации;

— принцип «делай благо», исходя из которого медицинские работники должны действовать в наилучших интересах пациентов, включая защиту конфиденциальности их нейрогенетической информации.

Несмотря на обозначенную серьезность вопроса о вторичных результатах нейрогенетического тестирования, в российском законодательстве отсутствует соответствующее регулирование. Представляется, что устранение данного пробела необходимо начинать с установления требования о включении в содержание информированного согласия сведений о возможности выявления вторичных результатов и предоставления тестируемым лицам права отказаться от получения соответствующей информации.

Неинвазивное пренатальное тестирование на нейрогенетические состояния

Неинвазивное пренатальное тестирование (НПТ) проводится с целью определения хромосомных аномалий плода и предполагает взятие у беременной женщины образца крови, которая начиная с 10-й недели беременности уже содержит элементы ДНК будущего ребенка. Результаты НПТ могут указывать на наличие врожденных нарушений, в том числе нейрогенетического характера. Большинство ученых-генетиков отмечает, что НПТ является одним из самых современных методов генетического исследования, и в некоторых государствах (например, в Бельгии и Нидерландах) оно используется для скрининга всех беременных женщин²⁰.

Вместе с тем применение НПТ сопряжено с рядом проблем. Во-первых, в России данная

процедура не включена ни в программу раннего комбинированного пренатального скрининга, предусмотренного приказом Министерства здравоохранения РФ № 1130н²¹, ни в систему обязательного медицинского страхования. Кроме того, для проведения НПТ и анализа его результатов нет специальных методических рекомендаций, отсутствуют требования о сертификации соответствующего оборудования и реагентов. Таким образом, статус НПТ в российском законодательстве недостаточно детализирован. Это стоит признать негативным явлением, особенно в свете того, что НПТ проводится частными медицинскими организациями, которые в условиях отсутствия надлежащей нормативной регламентации не могут гарантировать высокую точность тестирования, исключая случаи как ложноположительных, так и ложноотрицательных результатов. Это критически важная характеристика для НПТ, поскольку информация о выявленной патологии может послужить причиной принятия решения об искусственном прерывании беременности.

Обеспокоенность вызывают и ситуации проведения НПТ для обнаружения нейрогенетических заболеваний, проявляющихся лишь в зрелом возрасте (например, болезнь Гентингтона — наследственное нейродегенеративное заболевание, характеризующееся прогрессирующей деменцией, моторными нарушениями и иными психическими патологиями). По справедливому замечанию ряда авторов, НПТ, направленное на выявление «взрослых» заболеваний, допустимо только для целей дальнейшего нормального ведения беременности²². В противном случае нарушается право будущего ребенка самостоятельно принимать решение о тестировании в зрелом возрасте. В связи с этим целесообразно введение генетического консультирования для будущих родителей по вопросу о необходимо-

²⁰ Hercher L. Prenatal testing for adult-onset conditions: the position of the National Society of Genetic Counselors // *Journal of genetic counseling*. 2016. Vol. 25. No. 6. P. 1139–1145.

²¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20.10.2020 № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “акушерство и гинекология”» // URL: <https://base.garant.ru/74840123/> (дата обращения: 15.06.2025).

²² Tassicker R. Problems assessing uptake of Huntington Disease predictive testing and a proposed solution // *European Journal of Human Genetics*. 2009. Vol. 17. No. 1. P. 66–70.

сти НПТ, направленного на диагностику нейрогенетических заболеваний, проявляющихся лишь во взрослом возрасте²³.

Риски генетической дискриминации

Существуют опасения, что результаты тестов на определение нейрогенетических состояний могут быть использованы дискриминационным образом. Применительно к нейрогенетике генетическая дискриминация предполагает использование информации о результатах нейрогенетических тестов конкретного человека или членов его семьи в разных аспектах жизни, включая трудоустройство, страхование и здравоохранение²⁴. Проявлениями подобного дискриминационного отношения могут быть отказ в трудоустройстве или страховом покрытии, взимание более высоких страховых взносов. Например, одно из исследований показало, что людям с генетической мутацией, ассоциирующейся с болезнью Гентингтона, чаще других отказывают в заключении договора страхования жизни²⁵. В контексте нейрогенетики генетическая дискриминация особенно опасна, так как связанные с ней стресс и беспокойство могут привести к ухудшению психоэмоционального состояния лиц, столкнувшихся с генетической дискриминацией. Так, обнаружено, что они сильнее остальных подвержены депрессивным и тревожным расстройствам²⁶.

Для предотвращения случаев генетической дискриминации, в том числе основанной на нейрогенетической информации, в законодательстве некоторых государств предусмотрены

специальные нормы. В Израиле принят Закон о генетической информации, согласно которому запрещаются любые формы генетической дискриминации в трудовых правоотношениях и страховании²⁷. Похожее положение существует в законодательстве Южной Кореи. В частности, Закон о биоэтике и безопасности устанавливает, что дискриминация по признаку генетической информации в отношениях, касающихся образования, трудоустройства, страхования или иных видов социальной деятельности, является незаконной, так же как и любое принуждение к прохождению генетического тестирования или представлению его результатов²⁸. Более того, указанный Закон предусматривает меры уголовной ответственности за совершение актов генетической дискриминации в виде тюремного заключения на срок до двух лет или наложения штрафа в размере до 30 млн южнокорейских вон.

В российском законодательстве отсутствуют положения относительно запрета генетической дискриминации, в том числе связанной с данными о нейрогенетическом статусе человека. Отмеченный выше негативный характер генетической дискриминации может быть преодолен посредством введения соответствующей уголовной ответственности и принятия норм, предусматривающих эффективные меры защиты лиц, пострадавших от несправедливого обращения, основанного на обладании их генетической и нейрогенетической информацией. То есть решение проблемы генетической дискриминации требует совершенствования законодательства как в части обеспечения справедливого доступа к нейрогенетическому тестированию, так и в части

²³ Ross L. Technical report: Ethical and policy issues in genetic testing and screening of children // *Genetics in medicine* : official journal of the American College of Medical Genetics. 2013. Vol. 15. No. 3. P. 234–245.

²⁴ Hoge S. Ethics and neuropsychiatric genetics: A review of major issues // *The International Journal of Neuropsychopharmacology*. 2012. Vol. 15. No. 10. P. 1547–1557.

²⁵ Morrison P. Uptake of Huntington disease predictive testing in a complete population // *Clinical Genetics*. 2011. Vol. 80. No. 3. P. 281–286.

²⁶ Uhlmann W. *Op. cit.* P. 89–101.

²⁷ Закон Израиля о генетической информации, принятый 13 декабря 2000 г. // URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Health/GeneticInformationLaw.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁸ Закон Южной Кореи о биоэтике и безопасности, принятый 1 февраля 2012 г. // URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=33442&type=part&key=36 (дата обращения: 15.06.2025).

установления комплексной защиты получаемой информации о нейрогенетическом статусе лица.

Кроме правовой регламентации, большую роль в предотвращении актов генетической дискриминации играет генетическая грамотность населения, его осведомленность о современном уровне развития генетических исследований и их прикладном значении, а также о важности защиты персональной генетической информации²⁹. Представляется, что повышению уровня информированности граждан о современном состоянии генетики будут способствовать массовые образовательные мероприятия, уже доказавшие свою эффективность³⁰. Целям предотвращения генетической дискриминации могут служить и некоторые технологии. Огромный потенциал в части безопасного хранения и управления генетической информацией показала система блокчейн³¹.

Предложения по совершенствованию правового регулирования нейрогенетики в Российской Федерации

В российском законодательстве не предусмотрено отдельного правового режима для нейрогенетических исследований, а защита данных, полученных в ходе их проведения, осуществляется лишь через общие нормы. Например, статья 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»³² устанавливает требование повышенной защиты генетических данных, являющихся отдельной категорией персональных данных. Вместе с тем в указанном Законе нет легального определения

нейрогенетической информации или нейрогенетических данных. Специфика нейрогенетической информации в части ее прогностического характера и связи с когнитивно-поведенческими характеристиками личности не охватывается и Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³³, устанавливающим, что к медицинской тайне относятся сведения о состоянии здоровья, диагнозах и иных данных, полученных в рамках медицинского обследования и/или тестирования.

Для порядка проведения нейрогенетических исследований характерно фрагментарное регулирование, затрагивающее лишь их биоэтическую сторону, определенную Федеральным законом от 31.12.2020 № 492-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»³⁴. При этом важнейший вопрос о порядке хранения и использования результатов нейрогенетических исследований фактически не регламентирован. Здесь потенциально могут применяться положения постановления Правительства РФ от 12.04.2018 № 447 «Об утверждении Правил взаимодействия иных информационных систем, предназначенных для сбора, хранения, обработки и предоставления информации, касающейся деятельности медицинских организаций и предоставляемых ими услуг, с информационными системами в сфере здравоохранения и медицинскими организациями»³⁵. Однако они более ориентированы на ДНК-профилирование для целей идентификации личности, а не на установление ее когнитивно-поведенческих характеристик. Неясно, распространяются ли нормы УПК РФ³⁶, допускающие принудительный

²⁹ Lynch D. *Op. cit.* P. 106.

³⁰ McConkie-Rosell A. Genetic counseling for fragile X syndrome: updated recommendations of the national society of genetic counselors // *Journal of Genetic Counseling*. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 249–270.

³¹ Haibo T. Medical Data Management on Blockchain with Privacy // *Journal of Medical Systems*. 2019. Vol. 43. No. 10. P. 2–6.

³² СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

³³ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

³⁴ СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3849.

³⁵ СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2491.

³⁶ Ст. 179 и 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

отбор образцов для экспертиз, на результаты нейрогенетического тестирования.

Отсутствие легальной дефиниции категории «нейрогенетическая информация», а также особого режима ее хранения и трансграничной передачи, порядка получения информированного согласия при проведении нейрогенетического тестирования, запрета дискриминации на основе нейрогенетического профиля человека свидетельствует о том, что в российском законодательстве пока не выработано системного подхода к правовой регламентации нейрогенетических исследований и тестирования. В связи с этим наиболее перспективным видится совершенствование правового регулирования нейрогенетики в Российской Федерации по следующим ключевым направлениям:

— установление отдельной категории «нейрогенетическая информация» в вышеупомянутых законах: о персональных данных и об основах охраны здоровья граждан — с отнесением ее к особой категории генетической информации, охватывающей сведения о генетически обусловленной специфике функционирования нервной системы, воздействующей на когнитивные, эмоциональные и поведенческие характеристики личности;

— закрепление гарантий повышенной защиты нейрогенетической информации, соответствующих режиму медицинской тайны, но с дополнительными ограничениями в части обработки и использования нейрогенетических данных исключительно при наличии информированного согласия субъекта, кроме случаев, предусмотренных законом (например, по решению суда);

— регламентация порядка использования нейрогенетической информации в качестве доказательств при рассмотрении и разрешении гражданских и уголовных дел. В процессуальном законодательстве следует закрепить специальные правила назначения нейрогенетической экспертизы — исключительно на основании определения суда, а также ее проведения — только в аккредитованных учреждениях и экспертами, обладающими надлежащей квалификацией;

— установление административной и уголовной ответственности за незаконный сбор и/

или использование нейрогенетической информации, проявления дискриминации на основе данных о нейрогенетическом статусе человека или его родственников, а также передачу нейрогенетических данных без согласия и вне установленных законом процедур.

Заключение

Гены и центральная нервная система активно взаимодействуют, при этом генетические факторы оказывают заметное влияние на структуру, функционирование и здоровье мозга. Но гены не действуют изолированно. Факторы окружающей среды могут модулировать экспрессию генов и влиять на когнитивные показатели, эмоциональное благополучие и развитие мозга. Такое взаимодействие генов и окружающей среды подчеркивает динамическое отношение между природой и воспитанием в формировании индивидуальных черт в познании и психическом здоровье. Нейрогенетика предлагает новый взгляд на это сложное сопряжение генетики и окружающей среды, предоставляя ценную информацию о генетической основе неврологических расстройств и индивидуальных различий в познании и восприятии. По мере продвижения нейрогенетических исследований открываются впечатляющие возможности для углубления современных представлений о природе человеческого разума, разработки передовых методов лечения неврологических расстройств, их предупреждения и укрепления психического здоровья населения.

Вместе с тем сфера нейрогенетики, являясь относительно новой областью исследований, недостаточно урегулирована, особенно в части проведения нейрогенетического тестирования. Это может негативно сказаться не только на дальнейшем ходе нейрогенетических исследований, но и в целом на системе здравоохранения и жизни многих людей, столкнувшихся с проблемой неврологических расстройств. Существенную роль здесь играет тот факт, что нейрогенетические состояния наследуются и, таким образом, диагноз имеет значение не только для отдельного человека, но и для его

родственников. В этой связи требуется законодательная регламентация таких аспектов нейрогенетического тестирования, как получение информированного согласия, раскрытие вторичных результатов теста, реализация права на отказ от получения информации о нейрогенетическом профиле, сообщение близким родственникам о выявленных нейрогенетических состояниях. Правовые проблемы, возникающие в сфере нейрогенетики, имеют многоуровневый характер, охватывая все виды нейрогенетического тестирования и все этапы его проведения.

Поэтому соответствующий правовой режим должен носить комплексный характер, предполагающий учет фундаментальных положений

биоэтики, персонализированной медицины и значимости нейрогенетических исследований для выяснения генетических основ неврологических нарушений. Адекватное правовое регулирование должно способствовать исследовательскому потенциалу нейрогенетического тестирования, результаты которого могут стать базисом для разработки новейших диагностических, профилактических и клинических инструментов, адаптированных к индивидуальным нейрогенетическим профилям. Кроме того, надлежащая нормативная регламентация достижений нейрогенетики приведет к повышению доступности нейрогенетического тестирования и лечения, критически важных для уменьшения бремени неврологических расстройств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берг Л. Н. Конфиденциальность геномной информации и право на доступ к научным знаниям: вопросы соотношения // *Lex russica (Русский закон)*. — 2024. — Т. 77. — № 10. — С. 93–101.
2. Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Правовые аспекты использования эпигенетической информации: вопросы конфиденциальности, дискриминации и личной ответственности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2024. — № 3. — С. 373–381.
3. Ashcroft R. *Principles of Health Care Ethics*. — Wiley, 2007.
4. Beattie B. Consent in Alzheimer's Disease Research: Risk/Benefit Factors // *The Canadian journal of neurological sciences. Le journal canadien des sciences neurologiques*. — 2007. — Vol. 34. — P. 27–31.
5. Botkin J. Points to consider: ethical, legal and psychosocial implications of genetic testing in children and adolescents // *American journal of human genetics*. — 2015. — Vol. 97. — No. 1. — P. 6–21.
6. Carrillo M. Can we prevent Alzheimer's disease? Secondary «prevention» trials in Alzheimer's disease // *Alzheimer's & dementia : the journal of the Alzheimer's Association*. — 2013. — Vol. 9. — No. 2. — P. 123–131.
7. Gandy S. APOE e4 status and traumatic brain injury on the gridiron or the battlefield // *Science Translational Medicine*. — 2012. — Vol. 4. — No. 134. — P. 1–3.
8. Haibo T. Medical Data Management on Blockchain with Privacy // *Journal of Medical Systems*. — 2019. — Vol. 43. — No. 10. — P. 2–6.
9. Hedera P. Ethical principles and pitfalls of genetic testing for dementia // *Journal of geriatric psychiatry and neurology*. — 2001. — Vol. 14. — No. 4. — P. 213–221.
10. Hercher L. Prenatal testing for adult-onset conditions: the position of the National Society of Genetic Counselors // *Journal of genetic counseling*. — 2016. — Vol. 25. — No. 6. — P. 1139–1145.
11. Hoge S. Ethics and neuropsychiatric genetics: A review of major issues // *The International Journal of Neuropsychopharmacology*. — 2012. — Vol. 15. — No. 10. — P. 1547–1557.
12. Lautenbach D. Communicating genetic risk information for common disease in the era of genomic medicine // *Annual Review of Genomics and Human Genetics*. — 2013. — Vol. 14. — No. 1. — P. 491–513.
13. Lynch D. *Neurogenetics: Scientific and Clinical Advances*. — CRC Press, 2006.
14. Mariotti C. Predictive genetic tests in neurodegenerative disorders: A methodological approach integrating psychological counseling for at-risk individuals and referring clinicians // *European Neurology*. — 2010. — Vol. 64. — No. 1. — P. 33–41.

15. *McConkie-Rosell A.* Genetic counseling for fragile X syndrome: updated recommendations of the national society of genetic counselors // *Journal of Genetic Counseling*. — 2005. — Vol. 14. — No. 4. — P. 249–270.
16. *McLean N.* Ethical dilemmas associated with genetic testing: which are most commonly seen and how are they managed? // *Genetics in medicine: official journal of the American College of Medical Genetics*. — 2013. — Vol. 15. — No. 5. — P. 345–353.
17. *Morrison P.* Uptake of Huntington disease predictive testing in a complete population // *Clinical Genetics*. — 2011. — Vol. 80. — No. 3. — P. 281–286.
18. *Riedijk S.* A decade of genetic counseling in frontotemporal dementia affected families: few counseling requests and much familial opposition to testing // *Journal of Genetic Counseling*. — 2009. — Vol. 18. — No. 4. — P. 350–356.
19. *Ross L.* Technical report: Ethical and policy issues in genetic testing and screening of children // *Genetics in medicine : official journal of the American College of Medical Genetics*. — 2013. — Vol. 15. — No. 3. — P. 234–245.
20. *Schneider S.* Genetic testing for neurologic disorders // *Seminars in neurology*. — 2011. — Vol. 31. — P. 542–552.
21. *Scult M.* A brief introduction to the neurogenetics of cognition-emotion interactions // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. — 2018. — Vol. 19. — P. 50–54.
22. *Tassicker R.* Problems assessing uptake of Huntington Disease predictive testing and a proposed solution // *European Journal of Human Genetics*. — 2009. — Vol. 17. — No. 1. — P. 66–70.
23. *Uhlmann W.* Genetic susceptibility testing for neurodegenerative diseases: Ethical and practice issues // *Progress in Neurobiology*. — 2013. — Vol. 110. — P. 89–101.

Материал поступил в редакцию 31 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berg L. N. Konfidentsialnost genomnoy informatsii i pravo na dostup k nauchnym znaniyam: voprosy sootnosheniya // *Lex russica (Russkiy zakon)*. — 2024. — T. 77. — № 10. — S. 93–101.
2. Berg L. N., Golubtsov V. G. Pravovye aspekty ispolzovaniya epigeneticheskoy informatsii: voprosy konfidentsialnosti, diskriminatsii i lichnoy otvetstvennosti // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. — 2024. — № 3. — S. 373–381.
3. Ashcroft R. *Principles of Health Care Ethics*. — Wiley, 2007.
4. Beattie B. Consent in Alzheimer's Disease Research: Risk/Benefit Factors // *The Canadian journal of neurological sciences. Le journal canadien des sciences neurologiques*. — 2007. — Vol. 34. — P. 27–31.
5. Botkin J. Points to consider: ethical, legal and psychosocial implications of genetic testing in children and adolescents // *American journal of human genetics*. — 2015. — Vol. 97. — No. 1. — P. 6–21.
6. Carrillo M. Can we prevent Alzheimer's disease? Secondary «prevention» trials in Alzheimer's disease // *Alzheimer's & dementia: the journal of the Alzheimer's Association*. — 2013. — Vol. 9. — No. 2. — P. 123–131.
7. Gandy S. APOE e4 status and traumatic brain injury on the gridiron or the battlefield // *Science Translational Medicine*. — 2012. — Vol. 4. — No. 134. — P. 1–3.
8. Haibo T. Medical Data Management on Blockchain with Privacy // *Journal of Medical Systems*. — 2019. — Vol. 43. — No. 10. — P. 2–6.
9. Hedera P. Ethical principles and pitfalls of genetic testing for dementia // *Journal of geriatric psychiatry and neurology*. — 2001. — Vol. 14. — No. 4. — P. 213–221.
10. Hercher L. Prenatal testing for adult-onset conditions: the position of the National Society of Genetic Counselors // *Journal of genetic counseling*. — 2016. — Vol. 25. — No. 6. — P. 1139–1145.

11. Hoge S. Ethics and neuropsychiatric genetics: A review of major issues // *The International Journal of Neuropsychopharmacology*. — 2012. — Vol. 15. — No. 10. — P. 1547–1557.
12. Lautenbach D. Communicating genetic risk information for common disease in the era of genomic medicine // *Annual Review of Genomics and Human Genetics*. — 2013. — Vol. 14. — No. 1. — P. 491–513.
13. Lynch D. *Neurogenetics: Scientific and Clinical Advances*. — CRC Press, 2006.
14. Mariotti C. Predictive genetic tests in neurodegenerative disorders: A methodological approach integrating psychological counseling for at-risk individuals and referring clinicians // *European Neurology*. — 2010. — Vol. 64. — No. 1. — P. 33–41.
15. McConkie-Rosell A. Genetic counseling for fragile X syndrome: updated recommendations of the national society of genetic counselors // *Journal of Genetic Counseling*. — 2005. — Vol. 14. — No. 4. — P. 249–270.
16. McLean N. Ethical dilemmas associated with genetic testing: which are most commonly seen and how are they managed? // *Genetics in medicine: official journal of the American College of Medical Genetics*. — 2013. — Vol. 15. — No. 5. — P. 345–353.
17. Morrison P. Uptake of Huntington disease predictive testing in a complete population // *Clinical Genetics*. — 2011. — Vol. 80. — No. 3. — P. 281–286.
18. Riedijk S. A decade of genetic counseling in frontotemporal dementia affected families: few counseling requests and much familial opposition to testing // *Journal of Genetic Counseling*. — 2009. — Vol. 18. — No. 4. — P. 350–356.
19. Ross L. Technical report: Ethical and policy issues in genetic testing and screening of children // *Genetics in medicine: official journal of the American College of Medical Genetics*. — 2013. — Vol. 15. — No. 3. — P. 234–245.
20. Schneider S. Genetic testing for neurologic disorders // *Seminars in neurology*. — 2011. — Vol. 31. — P. 542–552.
21. Scult M. A brief introduction to the neurogenetics of cognition-emotion interactions // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. — 2018. — Vol. 19. — P. 50–54.
22. Tassicker R. Problems assessing uptake of Huntington Disease predictive testing and a proposed solution // *European Journal of Human Genetics*. — 2009. — Vol. 17. — No. 1. — P. 66–70.
23. Uhlmann W. Genetic susceptibility testing for neurodegenerative diseases: Ethical and practice issues // *Progress in Neurobiology*. — 2013. — Vol. 110. — P. 89–101.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.150-164

М. А. Малина*

Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в деятельности следователя

Аннотация. Автор изучает возможности использования информационных технологий при производстве предварительного следствия, обосновывает позицию, согласно которой любая нейросеть способна оперировать только формализованными, математически представленными данными. Искусственный интеллект не может обладать нравственными качествами, столь необходимыми правоприменителю в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем в статье описаны преимущества искусственного интеллекта применительно к криминалистической методике, к доказыванию по уголовным делам. Предложенный подход может быть реализован только после разрешения концептуальных и нормативных проблем в действующей модели уголовного процесса и предварительного следствия. Они рассматриваются с учетом опыта дореволюционного и советского периодов развития нашей страны, анализируются в преломлении к смешанному и состязательному типам (формам) уголовного процесса. Сделан вывод об опасности формирования вектора развития российского уголовного судопроизводства в рамках англосаксонской системы координат, а также о целесообразности разработки и внедрения аутентичной модели предварительного следствия (и уголовного процесса в целом) в духе континентальных правовых традиций. Только после этого следует использовать возможности искусственного интеллекта применительно к криминалистической методике, к доказательственной деятельности следователя, что послужит повышению качества его работы и укреплению гарантий справедливости правосудия в целом.

Ключевые слова: уголовный процесс; предварительное следствие; следственные действия; криминалистическая методика; следователь; искусственный интеллект; математическая модель; цифровизация; нейросеть; доказательства

Для цитирования: Малина М. А. Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в деятельности следователя // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 150–164. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.150-164

© Малина М. А., 2026

* Малина Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета
М. Горького ул., д. 88, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344002
bestar@yandex.ru

Problems and Prospects of Artificial Intelligence Application in the Investigator's Activities

Maksim A. Malina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
bestar@yandex.ru

Abstract. The author studies the possibilities of using information technologies in the production of preliminary investigations. The conclusion is substantiated that any neural network is capable of operating only with formalized, mathematically represented data. Artificial intelligence cannot possess the moral qualities that are so necessary for a law enforcement officer in criminal proceedings. At the same time, the advantages of artificial intelligence in relation to forensic methods and evidence in criminal cases are described. The proposed approach can be implemented only after resolving the conceptual and normative problems in the current model of criminal procedure and preliminary investigation. These are examined considering the experience of the pre-revolutionary and Soviet periods of our country's development, and are analyzed through the lens of the mixed and adversarial types (forms) of criminal procedure. Consequently, a conclusion is drawn regarding the danger of shaping the developmental trajectory of Russian criminal proceedings within the framework of the Anglo-Saxon framework, and the expediency of developing and implementing an authentic model of preliminary investigation (and criminal procedure as a whole) in the spirit of Continental legal traditions. Only after this should the capabilities of artificial intelligence be applied to forensic methods and to the investigator's evidentiary work, which will serve to improve the quality of his work and strengthen the guarantees of fair justice in general.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; investigative actions; forensic methods; investigator; artificial intelligence; mathematical model; digitalization; neural network; evidence

Cite as: Malina MA. Problems and Prospects of Artificial Intelligence Application in the Investigator's Activities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):150-164. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.150-164

В настоящее время вопрос использования информационных технологий в деятельности следователя крайне актуален. Компьютерные системы обладают целым рядом возможностей, реализация которых могла бы повысить качество работы ведущего судопроизводства лица и эффективность предварительного следствия. Действительно, сегодня очевидны преимущества процесса цифровизации: обработка гигантских объемов данных, создание программ, способных к самообучению

и самостоятельному принятию решений (искусственный интеллект¹, нейросеть), высокая производительность, отсутствие пресловутого человеческого фактора и многое другое. И речь идет не только о программном обеспечении. В целях повышения эффективности противодействия преступности в мировой практике используются разнообразные технические устройства и системы, например программно-аппаратный комплекс для электронного мониторинга подконтрольных лиц². Еще пример. На весь мир

¹ Искусственный интеллект — это программные системы, способные к самообучению и осуществлению на этой основе соответствующих действий, принятию решений. Нейросеть является одним из методов реализации технологий искусственного интеллекта, его инструментом. Это математические модели и построенные на них алгоритмы, способные к самообучению. Они создаются под решение конкретных задач и в своем программном воплощении имитируют работу человеческого мозга. Поэтому, несмотря на то что искусственный интеллект представляет собой более широкое понятие, чем нейросеть, благодаря их единой сущности, природе, эти понятия далее будут использоваться нами как тождественные.

² См., например: *Marklund F.* Effects of Early Release from Prison Using Electronic Tagging in Sweden // *Journal of Experimental Criminology*. 2009. Vol. 5. No. 1. P. 41–61 ; *Renzema M.* Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-Risk Offenders? // *Journal of Experimental Criminology*. 2005. Vol. 1. No. 2. P. 215–237.

прогремела история о том, как в Китае мужчина, задушив девушку, попытался снять с ее банковского счета деньги через приложение Money Station в ее смартфоне — он продемонстрировал на камеру лицо убитой. Но искусственный интеллект просигнализировал персоналу о необходимости самостоятельно посмотреть на подозрительно неподвижное лицо женщины. В итоге злоумышленник был задержан³. Всё это создает серьезные предпосылки к повышению роли информационных технологий в правоохранительной деятельности в целом и в уголовном судопроизводстве в частности.

При этом потенциал развития программного обеспечения, совершенствования соответствующих аппаратно-технических средств еще далеко не полностью раскрыт, не всё воплощено в жизнь. Скорее наоборот. Мы находимся в начале этого сложного и во многом опасного пути. По большому счету речь идет о совершенно новом вызове, и какого-либо опыта для достоверной оценки всех возможных здесь рисков мы не имеем. Например, И. Маск обращает внимание на грядущую угрозу замены человека искусственным интеллектом⁴. И здесь он не одинок: об опасности феномена замещения (в том числе и в правовой сфере), то есть о потенциально возможной замене людей на роботов, непредсказуемости результатов их тесного взаимодействия, взаимовлияния давно уже пишут видные зарубежные ученые⁵. Поэтому на первый план выходит необходимость глубокого теоретического осмысления соответствующих проблем, прогнозирование и аксиологическая оценка на этой основе возможных перспектив цифровизации уголовного судопроизводства.

Если говорить об информационных технологиях⁶ как об искусственном интеллекте, срав-

нивать его с познавательными возможностями человека, то в уголовно-процессуальной системе координат неизбежно встает вопрос: сможет ли компьютер когда-нибудь взять на себя функции правоприменителя? При положительном на него ответе мы получаем следователя с энциклопедическими знаниями, невероятной памятью и практически неограниченным ресурсом трудоспособности. Перед нами безупречный аналитик, работник дисциплинированный, исполнительный и неподкупный. Выглядит заманчиво, соблазнительно, вдохновляюще. Но это только на первый взгляд. И дело здесь вот в чем.

Несмотря на то что информатика насыщена такими популярными терминами, как «цифровизация», «искусственный интеллект», «нейросеть» и др., не стоит забывать: здесь в основе лежит системообразующее понятие — «программирование». Оно сейчас звучит крайне редко, но этот феномен наиболее точно отражает суть исследуемых явлений. Поэтому правильным представляется возврат к его использованию в авторитетной научной литературе⁷. Раскроем в общих чертах ключевую идею. Для того чтобы компьютер выполнил поставленные задачи, на понятном ему языке составляется программа. В итоге искусственный интеллект получает к выполнению четкую последовательность действий, операций для организации соответствующего вычислительного процесса. Чтобы формально представить, описать объект вычислений, нужно построить математическую модель. Здесь мы имеем дело с ее алгоритмическим воплощением в компьютерной программе. Это позволяет, если угодно, формализовать реальность, вывести ее познание на определенный уровень абстракции, то есть оцифровать ее

³ Искусственный интеллект раскрыл убийство, взглянув на лицо жертвы // URL: <http://myhitechdom.ru/iskusstvennyj-intellekt-raskryl-ubijstvo-vzglyanuv-na-lico-zhertvy/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁴ Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // Wall Street Journal. 2017. Vol. 7. P. 19–23.

⁵ См., например: Balkin J. M. The Path of Robotics Law. California : Yale Law School, 2015. P. 45–60 ; Calo R. Robotics and the Lessons of Cyberlaw // California Law Review. 2015. Vol. 103. No. 3. P. 548–549.

⁶ Оставим в стороне вопросы цифровой оптимизации механических, рутинных процессов в деятельности следователя. Они сегодня вполне успешно решаются без какого-либо существенного научного погружения.

⁷ См., например: Головки Л. В. М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 29–36.

для искусственного интеллекта. Отсюда термин «цифровизация», означающий преобразование действительности в цифровой, доступный для компьютера формат. Очень точно об этом высказался технический директор компании Crionet, известный разработчик и архитектор программного обеспечения Д. Эспозито, указав в интервью международному журналу Shiftmag, что «искусственный интеллект — это всего лишь программное обеспечение... он получает числа и возвращает числа»⁸.

Таким образом, мы приходим к выводу: запрограммировать можно лишь то, что подлежит формализации. Другими словами, искусственный интеллект понимает только формализованные, математически представленные данные. Поэтому в новомодном научном дискурсе о возможности правового очеловечивания нейронных сетей⁹ и наделяния их правосубъектностью¹⁰ следует учитывать, что искусственный интеллект эффективен, жизнеспособен исключительно в сферах, поддающихся математическому представлению. Поэтому он не может обладать нравственными качествами (которые так ценны, востребованы в уголовном судопроизводстве), ведь какая-либо их формализация невозможна в принципе — это всё равно что пытаться взвесить невесомое.

Да и стоит ли пытаться создать математическую модель совести, любви, милости, справедливости, чести? Эти категории неизмеримы, они не подлежат регламентации. Если подвергнуть такие феномены оцифровке, формальному представлению, неизбежно произойдет выхолащивание их духовного содержания. В итоге мы получим лишь цифровой симулякр нравственного правоприменителя. Соответственно, гарантированы ошибки в его деятельности, роковые просчеты, ведь машине незнакома справедливость. Но, как метко заметил М. И. Клеандров, «без справедливых судей справедливое правосудие не может быть в принципе»¹¹. Действительно, речь идет о системообразующем начале уголовного процесса, его нравственной идее¹². Не стоит забывать, что здесь решаются судьбы людей, вопросы жизни и смерти. А. Н. Савенков очень точно указал, что уголовная политика направляет деятельность «публичной власти в сфере защиты наиболее значимых для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений»¹³.

Теперь рассмотрим утверждение о моральной недееспособности искусственного интеллекта применительно к миссии следователя. Начнем с доказывания. Сегодня актуальность

⁸ Pavelich M. Dino Esposito: AI is software // Shiftmag, 2023. № 11. URL: <https://shiftmag.dev/dino-esposito-2031/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁹ Повторим, нейронная сеть есть не что иное, как математическая модель, построенная и получившая свое программное воплощение по аналогии с биологической нейронной сетью (нейронные связи, обмен информацией между клетками, нейропластичность и др.). Она получает вводную информацию, проводит ее анализ, обработку и выдает конечный результат, при этом используется заложенная в нее (или, лучше сказать, запрограммированная) способность к самообучению. Поэтому нейронные сети (искусственный интеллект) часто сравнивают с мозгом человека в сфере их когнитивных компетенций.

¹⁰ См., например: Гаджиев Г. А., Войничанис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48; Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 94–109; Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2. С. 131–139.

¹¹ Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 9.

¹² Васильев О. Л. Является ли справедливость уголовно-процессуальным принципом? // Государство и право. 2017. № 12. С. 70.

¹³ См.: Савенков А. Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. 2018. № 3. С. 9.

принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) никем под сомнение не ставится. Но предположим, что нейросеть сможет создать шкалу их предустановленной силы, способную охватить, вместить в себя всё многообразие жизни. Даже в этом фантастическом случае успеха здесь достичь не получится: самая передовая версия неинквизиционной доказательственной арифметики не сможет учесть нравственно-психологических особенностей уголовно-правового казуса. Здесь просто другой уровень восприятия действительности, иная система координат. Можно вспомнить слова И. Я. Фойницкого о том, что правила формальной теории доказательств не в состоянии «обнять всего разнообразия духовной жизни человека и потому вредны для правосудия»¹⁴. А. Ф. Кони писал о правоприменителе, который в своей познавательной деятельности «призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела»¹⁵. Повторим, у нейросети нет и не может быть совести, ее знания и опыт питаются лишь цифрами, сухими статистическими данными, ей недоступна житейская правда дела. Приходим к выводу: искусственный интеллект неприменим к оценке доказательств.

В вопросах квалификации преступления ситуация представляется нам не более оптимистичной. Здесь речь идет о правильной юридической оценке установленных в ходе доказывания обстоятельств дела. Но безошибочно выбрать подходящую к этому случаю уголовно-правовую норму не получится без ее тщательной всесторонней проверки и толкования. А здесь уже на первый план выходит правосознание следователя. При этом ключевой его составляющей является правовая психология. Именно она играет роль движущей силы для второго компонента в структуре правосозна-

ния — правовой идеологии. Обобщенно говоря, правовая психология включает в себя чувства, эмоции субъекта по отношению к праву. Происходит оценка духа юридической нормы, ее понимание, толкование не умом, но сердцем. Еще И. А. Ильин отмечал, что правосознание — это «естественное чувство права», «инстинктивная воля к духу, к справедливости»¹⁶. Вновь перед нами область, формализации не подлежащая, недоступная для оцифровки, а значит, и неподвластная искусственному интеллекту. Исходя из этого, резюмируем: нейросеть не способна быть носителем правосознания, поэтому она не может быть компетентна в вопросах толкования правовых норм и квалификации деяний.

Таким образом, заменить следователя искусственный интеллект не сможет никогда. Его роль может быть исключительно вспомогательной, это своеобразная техническая поддержка: оптимизация рутинных процедур, информационное обеспечение, управление специальной аппаратурой и т.д. В целом искусственный интеллект может только имитировать процесс познания реальности — за счет анализа статистических выборок из соответствующих массивов данных. Эта информация не отражает всестороннего, глубокого исследования действительности, она представляет лишь самый поверхностный ее пласт.

Так, за сенсационными известиями о том, что в США действует система, предсказывающая решения Верховного суда, кроется довольно простая логическая конструкция: нейросеть предвидит верный результат в 70 % случаев, опираясь на результаты анализа информации из банка данных решений Верховного суда США (начиная с 1952 г.)¹⁷. Современные китайские технологии способны заблаговременно оценить перспективы судебного процесса для его потенциальных участников, основываясь на

¹⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб. : Альфа, 1996. С. 13.

¹⁵ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. М. : Госюриздат, 1956. С. 19–20.

¹⁶ Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Парогъ, 1993. С. 82.

¹⁷ В США разработали программу, угадывающую 7 из 10 решений Верховного суда // URL: <https://pravo.ru/review/view/124329/> (дата обращения: 03.09.2025).

данных многочисленных судебных решений и примерно 7 тыс. законов¹⁸. В Великобритании программисты так обучили нейросеть предугадывать решения Европейского суда по правам человека (на основе 584 его постановлений), что в 79 % случаев был получен правильный результат¹⁹. Полицейские Скотленд-Ярда используют искусственный интеллект в расследовании преступлений из-за его широких возможностей по обработке больших массивов данных (быстрый просмотр огромного количества сообщений в мессенджерах, изучение тысяч компьютерных файлов и др.)²⁰. При всей пользе нейросетевых информационных технологий ясно, что и здесь речь идет о механических процедурах, об операциях рутинного характера.

По нашему мнению, в криминалистической плоскости — в отношении криминалистической методики искусственный интеллект может быть очень полезен. Производство предварительного следствия — процесс творческий. Стратегия и тактика здесь в руках следователя. Вместе с тем перечень следственных действий закреплен в законе исчерпывающим образом, то есть мы имеем конечное множество их возможных комбинаций. Из этой совокупности формируются определенные выборки. Из года в год такой опыт накапливается, анализируется, и на этой основе выстраиваются оптимальные сочетания следственных действий в привязке к следственным ситуациям. Выявляются, крепнут соответствующие корреляционные связи. Рождаются, так сказать, эталонные следственные траектории для типичных случаев. По большому счету на этом и основана криминалистическая методика. Происходит аккумуляция средств и приемов криминалистической техники и так-

тики с учетом проявившихся на практике и доктринально осмысленных закономерностей, особенностей расследования отдельных видов преступлений. И чем больше такой массив данных, чем обширнее этот опыт, тем надежнее частные криминалистические методики.

Представляется, что именно здесь применение искусственного интеллекта крайне целесообразно. Это накопление, хранение огромных массивов сведений, их обработка, анализ и формирование математически выверенных выводов, рекомендаций. Применительно к конкретному случаю может быть получен некий образец, типовой алгоритм расследования²¹. Если же какое-либо его предложение проверку практикой не пройдет, то он исключит эту неудачную комбинацию следственных действий из соответствующего реестра. В обратном случае будет зафиксирован положительный результат — ранг такой директивы повысится. Запустится новый цикл перенастройки приоритетов, корректировка рейтинга результативности выдаваемых искусственным интеллектом методических рекомендаций. Перед нами динамичная саморазвивающаяся система, подвергающаяся сама себя перманентной онтологической ревизии. Здесь на первый план выходит ключевая сущностная характеристика искусственного интеллекта — его способность к анализу полученных результатов и самообучению на этой основе, к имитации деятельности человеческого мозга. В силу таких когнитивных способностей эти системы и называют искусственным интеллектом.

Перспективно также использование в расследовании уголовных дел систем генеративного искусственного интеллекта — в части их стремительно развивающихся возможностей

¹⁸ McKenzie B. Adoption of AI in Chinese Courts Paves the Way of Greater Efficiencies and Judicial Consistency // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=02b0a616-b3f6-4c11-8fd9-74f0076c51e8> (дата обращения: 03.09.2025).

¹⁹ Искусственный интеллект научился предсказывать решения ЕСПЧ // URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6820998> (дата обращения: 03.09.2025).

²⁰ Британская полиция привлекла ИИ для помощи в раскрытии преступлений // URL: <https://habr.com/ru/news/466471/> (дата обращения: 03.09.2025).

²¹ Но оценивать эффективность, жизнеспособность представленных системой инструкций — дело следователя.

работы с текстом²². Уголовное дело состоит из разного рода документов, это протоколы следственных действий, заключения эксперта и специалиста, иные документы (ст. 84 УПК РФ), письменно оформленные результаты оперативно-розыскной деятельности (если они удовлетворяют требованиям ст. 89 УПК РФ) и др. Мы предлагаем следующее. Письменные материалы уголовного дела можно представить в виде текста²³. То есть речь идет о создании текстовой модели материалов уголовного дела. Затем она подлежит тщательному анализу со стороны искусственного интеллекта на предмет наличия логических противоречий в доказательственной базе уголовного дела. Необходимо выявить, например, противоречия в показаниях допрошенных лиц (путем сопоставления названных ими примет, адресов, дат, описаний местности, метеоусловий и др.), несоответствия выводов эксперта результатам иных следственных действий, несостыковки при воссоздании событий в ходе следственного эксперимента, в общем и целом — все возможные смысловые расхождения, несогласованности и неувязки в обоснованности обвинения, в обоснованности уголовного преследования. Ясно, что в ходе анализа текстовой модели материалов расследования нейросеть не понимает, что читает, но

она очень успешно устанавливает закономерности, шаблоны, связи между словами. И здесь могут выявляться разнообразные логические противоречия. В результате нейросеть сможет указать следователю на слабые места в текстовой модели, в текстовой проекции процесса доказывания²⁴. Проверив представленные искусственным интеллектом данные и убедившись в существовании каких-либо изъянов в доказывании, следователь может осуществить производство соответствующих следственных действий для устранения обнаруженных недостатков. То есть правоприменитель получает от нейросети информацию ориентирующего характера и использует ее в своей познавательной деятельности. Например, при выявлении системой расхождений в показаниях участников уголовного процесса следователь может устранить их далее в рамках очной ставки.

Вместе с тем необходимо понимать, что предлагаемые нами информационно-технологические направления оптимизации деятельности следователя в любом случае могут опираться только на действующую сегодня модель предварительного следствия, эти процессы неразрывно с ней связаны, возможны исключительно в границах ее, так сказать, концептуального каркаса. Они вбирают, впитывают

²² Сегодня нейросети (ChatGPT, DeepSeek, Qwen, российская GigaChat от компании «Сбер» и др.) создают уникальные, оригинальные тексты, осуществляют проверку, улучшение текста и изменение его стилистики, переводы, его суммаризацию, генерируют осмысленные диалоги, аннотации, рецензии на произведения и др. Всё это возможно благодаря применению больших языковых моделей, обучаемых на огромных объемах текстовых данных (big data). Используются миллиарды параметров для выявления разнообразных закономерностей, взаимосвязей, сложных информационных паттернов. Естественно, в целях безопасности для исследуемой предметной области применяться должны исключительно российские системы текстового искусственного интеллекта. Более того, необходимо обеспечить защиту данных от несанкционированного доступа (хранение данных на зашифрованном сервере, использование криптографических инструментов при передаче файлов и др.), особенно в случае проведения закрытого судебного разбирательства.

²³ Сведения, содержащиеся на бумажных и иных носителях (распечатанные документы, свидетельства, дипломы, паспорта, фотографии текста, рукописи и др.), без труда можно перевести в текстовый формат с помощью онлайн-сервисов для распознавания текста (NewOCR, OnlainOCR, ImagetoText и др.). Естественно, для представленных здесь задач применяться должны исключительно отечественные разработки.

²⁴ Конечно же, искусственный интеллект оценку доказательств не осуществляет, система проверяет устойчивость корреляционных связей текстовой модели конкретного уголовного дела, ее логическую целостность и представляет результаты анализа следователю.

в себя как положительные, так и отрицательные черты этой модели, дают им развитие. В итоге мы получаем продвижение, укоренение в нашей правовой действительности не только ее преимуществ, но и недостатков, дефектов.

Обратимся к российской модели предварительного следствия. Во главе угла здесь — фигура следователя, его статус, его миссия. Это системообразующие начала, определяющие направление развития соответствующей уголовно-процессуальной инфраструктуры. Следователь наделен властными полномочиями для достижения своей главной цели — в полной мере обеспечить суд достоверными сведениями о произошедшем, о выявленных и предварительно доказанных обстоятельствах (*thema probandi*). Только опираясь на этот доказательственный фундамент, суд сможет выполнить дальше свою работу по отправлению правосудия. Поэтому от качества проведенного предварительного следствия, от его полноты, всесторонности, объективности во многом зависит дальнейшая судьба уголовного дела. А как же иначе? О какой справедливости может идти речь, если в суд поступает дело, расследованное односторонне, предвзято, неполно. Да, в судебном разбирательстве осуществляется новый виток доказывания, но следственный инструмент здесь крайне ограничен²⁵ (в отличие от предварительного расследования). Сложно себе представить, как в рамках судебного следствия в открытом и гласном судебном заседании могут быть произведены обыски, выемки, контроль и запись переговоров и др.²⁶ На этих

аксиомах и строится идея предварительного следствия в континентальном уголовном процессе смешанного типа, к которому относится и российское уголовное судопроизводство. Соответственно, если роль следователя, его предназначение определены здесь законодателем так, что их воплощение в жизнь приближает нас к вышеуказанной цели, то это — благо. Если нет, то мы от успеха далеки. Рассмотрим эту мысль подробнее.

Проведенная Александром II в 1864 г. судебная реформа кардинально изменила вектор развития отечественной уголовной юстиции. Взамен архаичного инквизиционного процесса мы получили уголовное судопроизводство смешанного типа: обновленная модель предварительного следствия розыскного характера и состязательное, гласное судебное разбирательство. Принципиально изменился и статус следователя. Теперь это не представитель полиции, а должностное лицо власти судебной. Иные участники процесса, без которых суд не мог самостоятельно отправлять правосудие (вспомогательные для суда органы), также раньше относились к судебным установлениям, были подконтрольны суду. В доктрине такой подход назван концепцией полноты судебной власти²⁷. Как писал И. Я. Фойницкий, «суд должен быть силой, а для этого необходимо, чтобы в руках судебной власти сосредоточивались все мероприятия, обеспечивающие возможность судебного разбирательства и действительное осуществление судебных решений»²⁸.

²⁵ Речь идет не только о функциональной эффективности судебно-следственных действий, но и о праве суда инициировать *ex officio* их производство в принципе. Это вопрос о роли российского суда в состязательном судебном разбирательстве, о степени его активности в судебном следствии, к которому мы еще вернемся далее.

²⁶ Эта же логика применима и к оперативно-розыскным мероприятиям. Мы не рассматриваем сейчас вопрос о доказательственном значении их результатов, но бесспорной представляется польза оперативно-розыскной деятельности для следователя (дознателя) и в качестве источника ориентирующей информации, расширяющей его познавательные возможности. В досудебном производстве этот эффект очевиден, в судебном разбирательстве ни концептуально, ни институционально использовать этот инструмент не представляется возможным.

²⁷ См., например: Романов С. В. Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. Т. 2 : Устав уголовного судопроизводства. М. : Юстицинформ, 2014. С. 177–189.

²⁸ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 189.

В результате судебный следователь должен был «с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 265 УУС). В научной литературе тех лет очень точно по этому поводу высказался С. И. Викторский, указав на обязанность следователя оставаться на высоте беспристрастного судьи, «одинаково ревностно отыскивая данные за и против обвиняемого», постоянно при этом «озабочиваясь собиранием доказательств для выяснения уголовно-судебной истины»²⁹. Соответственно, доказывание по уголовному делу приобрело судебный характер и находилось под контролем судебной власти. В итоге при рассмотрении дела по существу суд оперировал судебными доказательствами³⁰ и направлял ход дела к раскрытию истины (ст. 613 УУС). Поэтому, несмотря на состязательный характер судебного разбирательства, роль суда здесь была активна: обеспечивая сторонам возможность полноценно отстаивать свою позицию, он не обязан был опираться лишь на представленные ими сведения и мог сам собирать доказательства по делу. В целом отечественное уголовное судопроизводство тех лет вполне соответствовало высоким классическим континентальным стандартам.

После Октябрьской революции 1917 г. уголовный процесс прошел нелегкий путь в поисках своего места в принципиально новых условиях, испытал множество пертурбаций аксиологического, телеологического, юридико-технического свойства. Ситуация стабилизировалась с принятием УПК РСФСР 1960 г. С этого момента можно говорить о классическом советском уголовном процессе, о его автономной модели. Естественно, по отношению к дореволюционно-

му периоду³¹ здесь произошла тотальная институциональная перестройка, серьезных реформ и модификаций можно отметить немало: введена стадия возбуждения уголовного дела, предварительное следствие утратило судебную природу, приблизившись к полицейскому дознанию, теперь это две формы предварительного расследования, установлен строгий и полномочный прокурорский надзор³² за досудебным производством, в ходе которого осуществляется и руководство расследованием³³, в системе прокуратуры создан свой следственный аппарат, упразднен суд с участием присяжных и учрежден институт народных заседателей, исключен апелляционный пересмотр приговоров и т.д.

С другой стороны, несмотря на все многочисленные правовые метаморфозы, советское уголовное судопроизводство всё же сохранило основные континентальные черты (Франция, дореволюционная Россия и др.). Здесь так же представлены ключевые атрибуты смешанного процесса: единое и неделимое уголовное дело, система сменяющих друг друга при производстве по уголовному делу стадий, предварительное следствие розыскного характера, следственное действие³⁴, институт гражданского иска, судебное состязание сторон в устном и гласном процессе, судебное следствие и активная роль суда, направленность предварительного следствия и судебного разбирательства на отыскание материальной (объективной) истины по делу и др. Исходя из этого, можно говорить об определенной степени преемственности при смене парадигмы развития нашей страны.

Представленные модели отвечали духу времени, сохраняли приверженность правовым традициям, адекватно вписывались в отечественные правовые системы тех лет и в рома-

²⁹ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 359.

³⁰ См.: Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство — судопроизводство. СПб., 1913. С. 376.

³¹ Здесь и далее мы имеем в виду период от начала судебной реформы Александра II и до революции 1917 г.

³² По сути, он был призван восполнить, скомпенсировать несудебный характер предварительного следствия.

³³ См. подробнее об этом: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 118.

³⁴ В дореволюционный период следственные действия именовались процессуальными.

но-германскую правовую систему координат в целом. Чего нельзя сказать о современном российском уголовном процессе. Он словно соткан из сущностных противоречий, институционально и концептуально рассинхронизирован. Поэтому сейчас очень остро стоит вопрос о его легитимности, аксиологической состоятельности, жизнеспособности.

С одной стороны, на постсоветском этапе какого-либо системного, коренного демонтажа континентальной уголовно-процессуальной архитектуры не произошло. Здесь явно просматриваются контуры классической смешанной модели процесса, видно наследие дореволюционного и советского периодов. Сохранились стадия возбуждения уголовного дела, формы предварительного расследования, механизм привлечения лица в качестве обвиняемого. Ведущему судопроизводству лицу вверен инструментарий следственных действий, применяется принцип свободной оценки доказательств, действуют презумпция невиновности, институты предмета и пределов доказывания, гражданского иска. Правосудие отправляется преимущественно профессиональным составом суда, но возрожден суд с участием присяжных заседателей. Список примеров можно продолжить, но и так ясно, что настоящая модель уголовного процесса в своей основе континентальную природу сохранила.

Вместе с тем в действующий УПК РФ были заложены такие нормативные конструкции, которые создали предпосылки для развития уголовного судопроизводства в прямо противоположном направлении. Дело в том, что изначально при его подготовке сформировалось два подхода к определению развития нового российского уголовного судопроизводства. Первый вариант предполагал радикальную смену парадигмы. Предлагался полный переход от традиционной смешанной формы отечественного уголовного процесса, его классических континентальных оснований к модели чистой состязательности в духе англосаксонских правовых канонов. Согласно второму подходу, модернизация российского уголовного судопроизводства должна

была проходить в рамках смешанной инфраструктуры, без кардинальных расхождений с континентальной системой координат. В итоге ни один из этих вариантов полностью реализован не был. В результате разнонаправленности влияний, политической конкуренции, идеологического противоборства (смена рабочих групп, хаотичные изменения проектов УПК, активное включение в эту работу американских экспертов и др.) получилась эклектичная модель уголовного процесса. Здесь собраны элементы разной правовой природы, концептуально взаимоисключающие, несовместимые между собой³⁵.

Обратим внимание: теперь дознаватель, следователь и прокурор причислены к стороне обвинения. Более того, согласно ч. 1 ст. 15 УПК РФ состязательным объявлено уголовное судопроизводство, то есть и его досудебные стадии. Но как всё это соотносится с обязанностью следователя в ходе доказывания устанавливать исключающие преступность и наказуемость деяния обстоятельства, обстоятельства, смягчающие наказание, влекущие за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ)? К тому же если говорить о состязательном досудебном производстве, то и сторона защиты должна выступать здесь в качестве полноценного субъекта доказывания. Это логично, это аксиома. Действительно, в ч. 3 ст. 86 УПК РФ говорится о том, что защитник вправе собирать доказательства. Но он при этом не уполномочен (и не может быть уполномочен в принципе) на производство следственных действий, а это основной способ получения доказательств. Не упоминается защитник и в числе субъектов доказывания в ст. 74 УПК РФ (их перечень здесь закреплен исчерпывающим образом). Парадокс. Поэтому предварительное расследование в реальности состязательным не является. Оно не может быть таковым в принципе, иначе распадаются все его несущие конструкции: единое уголовное дело, следственное действие, предмет доказывания, уголовно-процессуальное решение и др.

Далее. Очевиден отказ от активной роли суда в судебном разбирательстве. Согласно ч. 3 ст. 15

³⁵ Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. М.: Статут, 2021. С. 172–181.

УПК РФ теперь он лишь создает необходимые условия сторонам для отстаивания своих позиций. Суд не уполномочен определять порядок исследования доказательств, что соответствует англосаксонской процессуальной логике. Буквальное толкование закона позволяет заключить, что он не может по собственной инициативе осуществлять многие судебно-следственные действия: производить осмотр вещественного доказательства (ч. 1 ст. 284 УПК РФ), вызывать на допрос свидетеля (ч. 3 ст. 278 УПК РФ) и др. Да и сам алгоритм допроса сконструирован по состязательным лекалам (ст. 275, 277, 278 УПК РФ). С другой стороны, сохранение этапа прений сторон — признак континентальной модели. И вообще непонятно, как пассивная роль суда может соотноситься с возложенной на него миссией по установлению предмета доказывания (ст. 73, ч. 1 ст. 74, ст. 85, ч. 1 ст. 86 УПК РФ и др.), с его правом по своей инициативе проводить ряд судебно-следственных действий (ст. 282, 283, 286 УПК РФ), признавать доказательство недопустимым и т.д.

Еще отметим, что пассивная роль суда в англосаксонском уголовном процессе во многом обусловлена максимально широкой компетенцией суда присяжных (практически ординарный порядок) и наличием сдерживающего его механизма сделок о признании вины (*plea bargaining*)³⁶. При таком подходе судопроизводство проходит по формуле «нет спора — нет процесса», решающую роль здесь играет позиция сторон. У нас же в духе континентальных традиций подавляющее количество уголовных дел рассматривается профессиональным составом суда. И концепция сделок с правосудием по своей природе не вписывается в классический российский процессуальный контекст. Вместе с тем явной попыткой изменить такое положение дел в сторону англосаксонских образцов было

введение особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Здесь признательные показания обвиняемого в первую очередь выступают в качестве критерия для дифференциации уголовного судопроизводства³⁷. Этот подход противоречит континентальной логике, согласно которой форма судебного разбирательства не может зависеть от признания обвиняемым своей вины. Такое признание рассматривается исключительно в гносеологическом ключе — это рядовое доказательство.

Список противоречий и несостыковок можно продолжить, но и так ясно, что в действующем УПК РФ мы видим принципиальное столкновение двух мировоззренческих систем, политико-правовых идеологий: англосаксонской и континентальной (применительно к российскому опыту). Особый накал этой борьбе за власть придает упразднение принципа материальной истины. Это системообразующее начало дореволюционного, советского уголовного процесса, на нем построена и континентальная модель в целом. Здесь следователь не представляет сторону обвинения, он должен всесторонне, полно, объективно исследовать и устанавливать обстоятельства дела, а суд активен в судебном разбирательстве и уполномочен собирать доказательства по собственной инициативе. Суть этого принципа очень точно раскрыл выдающийся советский процессуалист М. С. Строгович: «Установление в соответствии с действительностью события преступления, всех составляющих его фактов, действий совершивших его лиц есть достижение материальной истины»³⁸. То есть речь идет о соответствии выводов суда тому, что было в действительности.

В противовес такому подходу вместо принципа материальной истины у нас был учрежден принцип состязательности в его чистом

³⁶ Ввиду чрезвычайной ресурсозатратности этой формы судопроизводства во всех правовых порядках предусмотрены способы ограничения ее компетенции. Превратить ее в общий порядок судопроизводства невозможно: такой нагрузки не выдержит ни один бюджет в мире. В континентальной модели уголовного процесса подсудность суда присяжных четко устанавливается в законе (ограничивается нормативно). У англосаксов для этого используется институт сделок о признании вины.

³⁷ Курс уголовного процесса. С. 1060–1065.

³⁸ *Строгович М. С. Избранные труды* : в 3 т. Т. 3 : Теория судебных доказательств. М. : Наука, 1991. С. 17.

англосаксонском варианте. Как было показано, полноценного, адекватного воплощения и развития в нашем нормативном контексте он не получил, мы видим здесь лишь фрагментарные его вкрапления. Иначе и быть не может, так как законодатель в действующей уголовно-процессуальной кодификации попытался совместить несовместимое — совершенно разные по своей правовой природе конструкции. Это породило множество проблем, вопросов и дилемм.

Обобщить их можно следующим образом. В реальности мы имеем несостязательное досудебное производство, где сторона защиты доказательства собирать не может. При этом предварительное расследование ведут представители стороны обвинения (дознаватель или следователь), не связанные требованием всесторонне, полно и объективно устанавливать обстоятельства уголовного дела. В итоге оно передается в суд, который лишен возможности действовать активно и по большому счету только создает необходимые процессуальные условия для состязания сторон. Но что представит в судебном разбирательстве сторона защиты? Ясно, что такое состязание пройдет в принципиально разных весовых категориях. Это может очень серьезно ослабить право обвиняемого на защиту и препятствовать справедливому разрешению дела.

Итак, в нормативном смысле ситуация патологическая. На практике этот уголовно-процессуальный конфликт интересов в какой-то мере преодолевается благодаря правосознанию правоприменителя, его естественному чувству права, чувству справедливости. Поэтому сегодня искусственный интеллект в уголовном процессе не только бессилен, но и вреден. Выше мы доказали, что он не способен быть носителем правосознания. Он может лишь зафиксировать, оцифровать действующую модель предварительного следствия и уголовного процесса в целом (со всеми представленными здесь противоречиями, несоответствиями и парадоксами) и далее бездушно «совершенствовать», оптимизировать, механически закрепляя, укореняя,

развивая всю ее противоречивость и несостоятельность. В итоге с каждым новым циклом это будет лишь отдалять следователя от правильных действий и решений. Об опасности такого подхода говорить излишне.

Возникает вопрос: как найти выход из сложившейся ситуации? Полагаем, что представленные проблемы требуют решений радикального характера: следует устранить разновекторность, взаимоисключаемость уголовно-процессуальных начал, в нормативном поле нивелировать эффект лоскутного одеяла.

Вариант первый: сделать окончательный выбор в пользу англосаксонских образцов и полностью заимствовать состязательную модель. Отметим сразу, что такой шаг представляется нам очевидной утопией. Он противоречит российским правовым традициям, нашей социальной памяти, правовому менталитету. Здесь налицо «генетическая» несовместимость правовых культур, правосознания, совершенно иная уголовно-процессуальная наследственность. Для англосаксонской модели просто нет правового, идеологического, психологического, социального фундамента, духовной почвы. В итоге под угрозой окажется вся наша правовая система.

Поэтому мы предлагаем второй вариант: возврат к аутентичности российского уголовного процесса, его развитие в рамках континентальной системы координат, полное упразднение всех англосаксонских конструкций. И здесь мы не одиноки, об этом пишут многие авторитетные ученые. Так, Л. В. Головкин отмечает, что «восстановление континентальной логики в ее современном понимании и должно стать программой нашего развития»³⁹. В первую очередь необходимо вернуться к принципу материальной (объективной) истины — это ключевая идея концепции смешанного процесса, ее лейтмотив. На передний край выходит также проблема определения статуса следователя: нужно ли восстановить фигуру судебного следователя и передать предварительное следствие судебной власти или сохранить несудебное следствие и вернуть прокуратуре традиционные надзорные

³⁹ Головкин Л. В. Спор об истине — это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. 2014. № 10. С. 4.

полномочия в духе советских уголовно-процессуальных начал? Ясно, что работы здесь немало.

Но в любом случае следует сделать однозначный вывод: искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве — это не цель, а средство, средство его совершенствования и адекватного развития. Поэтому сначала необходимо разработать и внедрить аутентичную модель российского предварительного следствия, уголовного процесса континентального типа в целом, а затем уже использовать компьютерные технологии для повышения качества работы правоприменителя. Тогда предложенные нами выше программная аккумуляция, обработка средств и приемов криминалистической техники и тактики, модернизация системы дока-

зывания в рамках предварительного следствия будут развиваться в логически и аксиологически целостной процессуальной системе координат, в основе которой — континентальные, российские уголовно-процессуальные начала и традиции.

При таком положении дел представленные здесь рекомендации по использованию искусственного интеллекта для развития криминалистической методик, привлечению к доказательственной деятельности следователя нейросетевых языковых моделей послужат совершенствованию его правосознания, повышению качества предварительного следствия и укреплению на этой основе гарантий справедливости правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильев О. Л.* Является ли справедливость уголовно-процессуальным принципом? // Государство и право. — 2017. — № 12. — С. 64–71.
2. *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. — М., 1997. — 448 с.
3. *Гаджиев Г. А., Войничанис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2018. — № 4. — С. 24–48.
4. *Головко Л. В. М. С.* Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. — 2021. — № 3. — С. 29–36.
5. *Головко Л. В.* Спор об истине — это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. — 2014. — № 10. — С. 4–10.
6. *Зыков С. В.* Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 2. — С. 131–139.
7. *Ильин И. А.* О сущности правосознания. — М. : Рарог, 1993. — 235 с.
8. *Клеандров М. И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 7–23.
9. *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. — М. : Госюриздат, 1956. — 888 с.
10. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головко. — М. : Статут, 2021. — 1 328 с.
11. *Малина М. А.* Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. — 2022. — № 1. — С. 91–97.
12. *Малина М. А.* Нравственные основания российского уголовного процесса // Государство и право. — 2024. — № 1. — С. 141–146.
13. *Малина М. А.* Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. — 2021. — № 2. — С. 29–32.
14. *Романов С. В.* Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. Т. 2 : Устав уголовного судопроизводства. — М. : Юстицинформ, 2014. — 340 с.

15. Савенков А. Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 5–13.
16. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. — СПб., 1913. — 670 с.
17. Строгович М. С. Избранные труды : в 3 т. Т. 3 : Теория судебных доказательств. — М. : Наука, 1991. — 300 с.
18. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1958. — 703 с.
19. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. — СПб. : Альфа, 1996. — 552 с.
20. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 12. — С. 94–109.
21. Balkin J. M. The Path of Robotics Law / J. M. Balkin. — California : Yale Law School, 2015. — 16 p.
22. Calo R. Robotics and the Lessons of Ciberlaw // California Law Review. — 2015. — Vol. 103. — № 3. — P. 513–563.
23. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // Wall Street Journal. — 2017. — Vol. 7. — P. 19–23.
24. Marklund F. Effects of Early Release from Prison Using Electronic Tagging in Sweden // Journal of Experimental Criminology. — 2009. — Vol. 5. — No. 1. — P. 41–61.
25. Renzema M. Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-Risk Offenders? // Journal of Experimental Criminology. — 2005. — Vol. 1. — No. 2. — P. 215–237.

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasilev O. L. Yavlyatsya li spravedlivost ugovovno-protsessualnym printsipom? // Gosudarstvo i pravo. — 2017. — № 12. — S. 64–71.
2. Viktor'skiy S. I. Russkiy ugovovnyy protsess. — M., 1997. — 448 s.
3. Gadzhiev G. A., Voynikanis E. A. Mozhet li robot byt subektom prava (poisk pravovykh norm dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki)? // Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki. — 2018. — № 4. — S. 24–48.
4. Golovko L. V. M. S. Strogovich i «iskusstvennyy intellekt»: o sovremennoy reinkarnatsii starykh teoriy i ikh eticheskoy nichtozhnosti // Sudebnaya vlast i ugovovnyy protsess. — 2021. — № 3. — S. 29–36.
5. Golovko L. V. Spor ob istine — eto spor o vektore razvitiya rossiyskogo ugovovnogo protsessa // Sudya. — 2014. — № 10. — S. 4–10.
6. Zykov S. V. Problema subektnosti iskusstvennogo intellekta // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — № 2. — S. 131–139.
7. Ilin I. A. O sushchnosti pravosoznaniya. — M.: Rarog, 1993. — 235 s.
8. Kleandrov M. I. O napravleniyakh sovershenstvovaniya mekhanizma sudebnoy vlasti v obespechenii spravedlivosti pravosudiya // Gosudarstvo i pravo. — 2021. — № 3. — S. 7–23.
9. Koni A. F. Nравstvennye nachala v ugovovnom protsesse. Izbrannye proizvedeniya. — M.: Gosyurizdat, 1956. — 888 s.
10. Kurs ugovovnogo protsessa / pod red. d. yu. n., prof. L. V. Golovko. — M.: Statut, 2021. — 1 328 s.
11. Malina M. A. Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudiya po ugovovnym delam: problemy i perspektivy // Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 1. — S. 91–97.
12. Malina M. A. Nравstvennye osnovaniya rossiyskogo ugovovnogo protsessa // Gosudarstvo i pravo. — 2024. — № 1. — S. 141–146.
13. Malina M. A. Tsifrovizatsiya rossiyskogo ugovovnogo protsessa: iskusstvennyy intellekt dlya sledovatelya ili vmesto sledovatelya // Rossiyskiy sledovatel. — 2021. — № 2. — S. 29–32.

14. Romanov S. V. Obespechenie polnoty sudebnoy vlasti v ugovnom sudoproizvodstve // Velikaya reforma: k 150-letiyu Sudebnykh ustavov. T. 2: Ustav ugovnogo sudoproizvodstva. — M.: Yustitsinform, 2014. — 340 s.
15. Savenkov A. N. Voprosy sovershenstvovaniya ugovnogo prava, protsessa i ugovno-pravovoy politiki // Gosudarstvo i pravo. — 2018. — № 3. — S. 5–13.
16. Sluchevskiy V. K. Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa. Sudoustroystvo — sudoproizvodstvo. — SPb., 1913. — 670 s.
17. Strogovich M. S. Izbrannye trudy: v 3 t. T. 3: Teoriya sudebnykh dokazatelstv. — M.: Nauka, 1991. — 300 s.
18. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. — M., 1958. — 703 s.
19. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T. 1. — SPb.: Alfa, 1996. — 552 s.
20. Channov S. E. Robot (sistema iskusstvennogo intellekta) kak subekt (kvazisubekt) prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 12. — S. 94–109.
21. Balkin J. M. The Path of Robotics Law / J. M. Balkin. — California: Yale Law School, 2015. — 16 p.
22. Calo R. Robotics and the Lessons of Ciberlaw // California Law Review. — 2015. — Vol. 103. — № 3. — P. 513–563.
23. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // Wall Street Journal. — 2017. — Vol. 7. — P. 19–23.
24. Marklund F. Effects of Early Release from Prison Using Electronic Tagging in Sweden // Journal of Experimental Criminology. — 2009. — Vol. 5. — No. 1. — P. 41–61.
25. Renzema M. Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-Risk Offenders? // Journal of Experimental Criminology. — 2005. — Vol. 1. — No. 2. — P. 215–237.

Несообщение о преступлении: критический анализ уголовно-правовой нормы

Аннотация. В исследовании анализируется ст. 205.6 «Несообщение о преступлении» Уголовного кодекса РФ. Дается социально-политическая и юридическая оценка предусмотренного ею преступления. Обосновывается мнение о том, что привлечение к уголовной ответственности за несообщение о преступлении проблематично рассматривать в качестве надлежащего инструмента противодействия угрозам террористического характера. Отмечается, что адресатом государственно-принудительного воздействия данной нормы выступают не лица, причастные к террористической или экстремистской деятельности, а не участвующие в ней граждане, по тем или иным причинам не сообщившие о соответствующих криминальных фактах в органы власти. Акцентируется внимание на несоответствии несообщения о преступлении критерию общественной опасности как необходимому условию криминализации. Отражены квалификационные сложности при применении этой уголовно-правовой нормы, высказано суждение о ее несоответствии принципу определенности уголовно-правового запрета. Проанализирована связь между привлечением к уголовной ответственности за несообщение о преступлении и целями уголовного наказания. Сделан вывод о целесообразности пересмотра законодательного подхода к уголовной ответственности граждан за несообщение о преступлении.

Ключевые слова: несообщение о преступлении; террор; терроризм; противодействие актам терроризма; преступления террористического характера; преступления экстремистской направленности; правовая определенность; криминальная общественная опасность; преступное бездействие; квалификационные проблемы

Для цитирования: Синцов В. А., Гайдов Д. В. Несообщение о преступлении: критический анализ уголовно-правовой нормы // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 165–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.165-173

© Синцов В. А., Гайдов Д. В., 2026

* Синцов Виктор Андреевич, референт договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации
Житная ул., д. 16, г. Москва, Российская Федерация, 119049
verdi89@mail.ru

** Гайдов Дмитрий Вадимович, главный эксперт договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации
Житная ул., д. 16, г. Москва, Российская Федерация, 119049
lisd@list.ru

Failure to Report a Crime: A Critical Analysis of the Criminal Law Norma

Viktor A. Sintsov, Adviser, Contractual and Legal Department, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
verdi89@mail.ru

Dmitry V. Gaidov, Chief Expert, Contractual and Legal Department, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
lisd@list.ru

Abstract. The study analyzes Article 205.6 «Failure to report a crime» of the Criminal Code of the Russian Federation. A socio-political and legal assessment of the crime it provides for is given. The paper argues that criminal prosecution for failure to report a crime is problematic as an appropriate tool for countering terrorist threats. It is noted that the addressees of the state-coercive impact of this norm are not individuals involved in terrorist or extremist activities, but citizens who are not involved in them and for one reason or another have not reported the relevant criminal facts to the authorities. The focus is on the compliance of failure to report a crime with the criterion of public danger as a necessary condition for criminalization. The classification difficulties in applying this criminal law norm are reflected, and an opinion is expressed about its inconsistency with the principle of certainty of criminal law prohibition. The relationship between criminal liability for failure to report a crime and the goals of criminal punishment is analyzed. Based on the results of the study, it was concluded that it is advisable to revise the legislative approach to criminal liability of citizens for failure to report a crime.

Keywords: failure to report a crime; terror; terrorism; counteracting acts of terrorism; terrorist crimes; extremist crimes; legal certainty; criminal public danger; criminal inaction; classification issues

Cite as: Sintsov VA, Gaidov DV. Failure to Report a Crime: A Critical Analysis of the Criminal Law Norm. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):165-173. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.165-173

Цель обеспечения национальной безопасности диктует необходимость принятия Российской Федерацией комплекса мер по противодействию деструктивному поведению со стороны различных криминальных элементов, которые используют терроризм и экстремизм в качестве инструментов дестабилизации общественно-политической обстановки в стране.

Немаловажным, но всё же далеко не единственным механизмом недопущения террористической и экстремистской деятельности является уголовное законодательство.

В целях эффективного реагирования на преступления, связанные с проявлением экстремизма и терроризма, Уголовный кодекс РФ включает целый ряд статей антитеррористической направленности, сгруппированных по различным разделам (главам). Среди них нормы об

ответственности за преступления, посягающие на фундаментальные конституционные ценности (безопасность, экология, конституционный строй и др.).

Однако любое ли поведение, трактуемое Уголовным кодексом РФ как экстремистское или террористическое преступление, во-первых, действительно является таковым, а во-вторых, имеет уголовное (криминальное) содержание?

В 2016 г. в УК РФ введена статья 205.6, устанавливающая ответственность за несообщение в уполномоченные органы власти о лицах (лице), которые, по достоверной информации, готовят, совершают или совершили хотя бы одно из перечисленных в ней преступлений террористической, экстремистской и диверсионной направленности¹.

Известно, что несообщение (иначе, недонесение) о преступлении наказывалось и по советско-

¹ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополни-

му уголовному законодательству (ст. 88.1 и 190 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.). Однако, как справедливо отмечалось в научной литературе, наличие таких норм не противоречило советской Конституции 1977 г., обязывающей граждан быть непримиримыми к антиобщественным поступкам и всячески содействовать охране общественного порядка². Казалось бы, в условиях нового социально-политического строя, определившего развитие российского уголовного законодательства в демократическом направлении³, отсутствуют предпосылки для уголовного преследования за недонесение (несообщение о преступлении). Тем не менее законодатель посчитал иначе и спустя 20 лет с момента принятия УК РФ 1996 г. реанимировал указанное преступление.

Придание несообщению о преступлении статуса уголовно наказуемого деяния в пояснительной записке к соответствующему законопроекту мотивировалось необходимостью введения дополнительных правовых механизмов противодействия террористическим угрозам. В то же время, не отрицая важности борьбы с антигосударственными преступлениями, полагаем, что столь абстрактное обоснование причины введения в УК РФ рассматриваемой уголовно-правовой нормы нельзя признать достаточно аргументированным.

Апелляция к угрозе наказанием как средству предотвращения терроризма свидетельствует о недооценке иных политико-правовых средств обеспечения антитеррористической защищенности.

Наряду с уголовной ответственностью на правоприменительном уровне реализуются различные социально-экономические, контрольные, профилактические меры против террористов. О приоритете предупредительных мер над карательными еще в XVIII в. писал Ч. Беккариа⁴. В настоящее время идею комплексного воздействия на терроризм при минимальных уголовно-правовых издержках отстаивает Я. И. Гилинский⁵. Действительно, недопущение совершения деяний, представляющих угрозу национальной безопасности, куда важнее, чем реагирование постфактум на преступления с серьезными социальными последствиями.

Цели предупреждения террористических актов с точки зрения ее эффективности в наибольшей степени соответствует не наказание граждан за несообщение о преступлении, а, наоборот, поощрение за информирование уполномоченных государственных органов о деструктивной деятельности потенциально опасных субъектов⁶.

При этом оправданность наказания за несообщение о преступлении сомнительна уже потому, что его правовая оценка как преступления поставлена в зависимость от уголовно наказуемого деяния, совершенного другим лицом. Ввиду отсутствия объективной связи между уголовно наказуемым несообщением и предикатным преступлением террористического характера (экстремистской направленности) не представляется возможным усмотреть в поведении так называемого недонесителя признаков противо-

тельных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

² См.: *Гладких В. И.* Несообщение о преступлении: возврат к уголовной ответственности за недонесение в новых условиях? // *Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития* : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2018. С. 17.

³ *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 490.

⁴ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 230.

⁵ *Гилинский Я. И.* Неокриминология. Криминология постмодерна. СПб. : Алетей, 2025. С. 180.

⁶ Согласно пп. «д» п. 26 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. (СПС «КонсультантПлюс»), в качестве одного из требований, которым должна отвечать нормативно-правовая база противодействия терроризму, названо определение адекватных угрозам террористических актов мер стимулирования и социальной защиты лиц, участвующих в мероприятиях по противодействию терроризму.

правного поведения, повлекшего негативные изменения в общественных отношениях.

Привлечение к ответственности за такое деяние свидетельствует не о борьбе с терроризмом и смежными с ним явлениями, а об имитации таковой. Гражданин, не сообщивший о подготовке или совершении преступления, не является сопричастным к нему, а потому его наказание никоим образом не позволит защитить население РФ от новых угроз национальной безопасности. Нельзя исключать и тот факт, что террорист или экстремист, о деяниях которого потенциальный недоноситель не сообщил в органы власти, так и останется на свободе, продолжит заниматься криминальной, деструктивной деятельностью.

Вследствие этого нетрудно предположить, что при возложении бремени ответственности за чужую антиобщественную деятельность на лицо, не известившее о ней правоохранительные органы, едва ли не единственным направлением административной работы, которая с количественной (формальной) стороны может указывать на «успехи» в противодействии терроризму (экстремизму), оказывается уголовная статистика.

Сказанное подтверждается и судебной практикой. Например, гражданин был привлечен к уголовной ответственности по ст. 205.6 УК РФ за несообщение в правоохранительные органы о лице, которому инкриминировались публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ)⁷.

Таким образом, юридический факт несообщения о преступлении как условие наказуемости лишь отводит внимание от основной проблемы — необходимости выявления реальных преступников, блокирования террористических актов, экстремистского поведения. В установлении уголовной ответственности за указанное деяние в большей степени усматривается не оценка

соответствующего поведения как общественно опасного, а декларативное провозглашение целесообразности борьбы с терроризмом, в основу которой положена сформулированная Н. Макиавелли (1469–1527) политико-правовая формула: «цель оправдывает средства».

Не вызывает сомнений, что подмена комплексного подхода к решению проблемы предупреждения терроризма (экстремизма) уголовным наказанием недоносителей — не более чем фикция. Применение к последним мер государственного принуждения вместо стимулирования их инициативного общественно полезного поведения не согласуется с принципом экономии уголовной репрессии.

К вышеизложенному следует добавить, что применение уголовно-правовой нормы об ответственности за несообщение о преступлении вызывает вопросы не только с позиции ее сомнительной эффективности в противодействии угрозам национальной безопасности, но и в контексте оценки запрещенного этой нормой деяния как общественно опасного.

Полагаем, что данное деяние по своим имманентным свойствам не является опасным, поскольку не находится в причинной связи с деятельностью другого лица (лиц), направленной на совершение преступления террористического характера (экстремистской направленности). Уголовно наказуемые деяния, лишенные криминальной общественной опасности, в науке уголовного права принято именовать квази-, эрзац-, псевдопреступлениями⁸.

С сожалением приходится констатировать, что утверждение Н. С. Таганцева о недопустимости криминализации несообщения о преступлении по-прежнему сохраняет актуальность. Ученый акцентировал внимание на том, что криминализация несообщения о преступлении сродни оправданию доноса. Последний может содействовать раскрытию преступлений, которые не были раскрыты компетентными органами, но ему недопустимо придавать офици-

⁷ Приговоры № 1-292/2024 от 16.04.2024 по делу № 1-292/2024, от 01.04.2024 по делу № 1-292/2024.

⁸ Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.

альную форму, обратив в необходимый элемент общественной жизни⁹.

Прежде чем приступить к анализу возможных квалификационных проблем, касающихся применения ст. 205.6 УК РФ, отметим, что несообщение о преступлении с определенной долей условности может рассматриваться в качестве формы прикосновенности к преступлению, под которой понимается вторичная противоправная деятельность, связанная с первоначальным преступлением, но не находящаяся с ним в причинной связи¹⁰. В отличие от иных форм прикосновенности, предполагающих совершение активных действий по сокрытию факта преступной деятельности (например, ст. 175 и 316 УК РФ), несообщение о преступлении осуществляется путем бездействия. Виновному инкриминируется уклонение от информирования органов государственной власти о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление.

Первая квалификационная сложность состоит в том, что действующим уголовным законодательством не раскрывается содержание термина «несообщение о преступлении». Его уяснение посредством обращения к законодательству иной отраслевой принадлежности сопряжено с трудностями.

В качестве антитезы словосочетанию «несообщение о преступлении» выступает словосочетание «сообщение о преступлении», закрепленное Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Последнее в силу п. 43 ст. 5 УПК РФ содержательно включает в себя конкретные процессуальные документы (заявление о преступлении, рапорт, постановление прокурора) и юридически значимые факты (явка с повинной).

Из этого следует вывод, что несообщение о преступлении выражается в уклонении от доведения до органов государственной власти

информации о фактах противоправной деятельности в предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством формах. Однако возникает вопрос: как оценивать сообщение о преступлении посредством телефонного вызова или анонимного заявления? Ведь в силу части седьмой ст. 141 УПК РФ анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела.

Думается, что законодатель при введении в УК РФ ст. 205.6 вряд ли предполагал, что информация о преступлении должна направляться в правоохранительные органы в предусмотренной УПК РФ процессуальной форме. По-видимому, правовое значение придавалось информации как таковой, но соответствующей критерию достоверности. Так или иначе, четкого ответа на вопрос о содержании термина «несообщение о преступлении» российское законодательство не дает.

С учетом указанного обстоятельства полагаем, что в существующем виде анализируемая уголовно-правовая норма не в полной мере соответствует принципу законности (часть первая ст. 3 УК РФ) и вытекающему из него требованию юридической определенности¹¹.

Вторая квалификационная проблема усматривается в установлении преступного бездействия при вменении несообщения о преступлении.

Правило о том, что в основе преступного бездействия всегда лежит правовая обязанность действовать определенным образом, является хрестоматийным.

Вместе с тем действующим позитивным законодательством не предусмотрена обязанность гражданина информировать правоохранительные органы о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. На конституционном уровне закреплено лишь

⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 631.

¹⁰ О понятии прикосновенности к преступлению см.: Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 24–26 ; Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. С. 11 ; Лапунин М. М. Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации / науч. ред. Н. А. Лопашенко. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 37–58.

¹¹ См. об этом, например, определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 2989-О.

право обращаться в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Этому праву корреспондируют предписания Конституции РФ о гарантированности государственной защиты прав и свобод личности, а также предоставлении правомочий по их защите не запрещенными законом способами (ст. 45).

Таким образом, гражданин может сообщить органам государственной власти о факте противоправной деятельности, реализуя предоставленное ему Конституцией РФ право на обращение, а может и не сообщать.

Стойт отметить, что Уголовный кодекс РФ выступает единственным нормативным правовым актом, из которого следует обязанность гражданина сообщать о криминальной антигосударственной деятельности других лиц. Такой законодательный подход сложно признать удовлетворительным, поскольку обязывает не УК РФ, а норма позитивного права. Уголовный закон формулирует нормы-запреты, а не предписывает правомерное поведение. По справедливому замечанию А. И. Бойко, «обязывающий или предписывающий характер уголовно-правовых норм можно усматривать лишь в общепредупредительном плане, а не в акте индивидуальной процессуальной расправы»¹².

Специальная правовая обязанность действовать в ситуации совершения преступления возложена на специально уполномоченных должностных лиц. В частности, функции выявления, предупреждения и пресечения преступлений — необходимые атрибуты деятельности правоохранительных органов. Это вытекает из ст. 2 и 18 Конституции РФ, закрепившей верховенство прав и свобод личности и обязанность государства по их соблюдению.

Участие граждан РФ в деятельности по предупреждению преступлений допустимо в исключительных случаях (например, при необходимой обороне или задержании преступника). Но такая деятельность осуществляется исключительно на добровольной основе. Гражданин, предупреждающий преступление, исходит из

чувства долга, совести, а не опирается на нормативные предписания.

Возложение на граждан обязанности упреждать преступления формирует квазигосударственные органы правоохранительной направленности, что не соотносится со статьей 2 Конституции РФ, определяющей защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве обязанности государства, а также с пунктом 41 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400¹³, согласно которой важнейшим фактором, способствующим обеспечению государственной и общественной безопасности, выступает реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности.

Инкриминируемое гражданину преступное бездействие должно быть не только сознательным и волевым, но и, как любое преступное деяние, общественно опасным, виновным, противоправным.

Гражданин, уклонившийся от сообщения органам государственной власти о преступной деятельности других лиц, может руководствоваться не только безразличием, но и чувством страха подвергнуться преследованию со стороны преступника или его возможных соучастников. Нельзя исключать и опасение гражданина быть привлеченным к уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) в случае ошибочного истолкования деятельности предполагаемого злоумышленника как уголовно наказуемой.

Наконец, третья квалификационная проблема состоит в определении субъективных признаков несообщения о преступлении, характеризуемого виной в виде прямого умысла. В вопросе о виновности попутно отметим и аспект презумпции невиновности: поскольку в диспозиции ст. 205.6 УК РФ содержится указание на достоверную осведомленность гражданина о фактах противоправной деятельности, предполагается, что любые сомнения в характере в такой деятельности должны толковаться в

¹² См.: Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб., 2003. С. 100.

¹³ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

его пользу (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, ч. 3 ст. 14 УПК РФ). На практике весьма непросто провести границу между достоверным знанием о преступлении и предположением о таковом. Кроме того, гражданин может предполагать, что преступление и вовсе не совершается, а высказанное в той или иной форме намерение злоумышленника является своего рода бравадой.

Учитывая, что ни сообщение о преступлении, ни преступления террористической направленности, поименованные в диспозиции ст. 205.6 УК РФ, не являются самоочевидными деяниями, их правовая оценка как преступных требует специальных юридических познаний. Отсутствие в УК РФ четких критериев достоверной осведомленности как конститутивного признака состава несообщения о преступлении переводит его в разряд оценочных признаков, установление которых зависит от субъективного усмотрения органа правосудия.

Кроме того, интерпретация уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении, приводит к выводу о том, что на гражданина возложена обязанность дать компетентную правовую оценку как своему поведению, так и действиям непосредственного исполнителя преступлений (преступления), перечисленных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ.

Представляется, что такое регулирование не корреспондирует принципу виновной ответственности (ст. 5 УК РФ), согласно которому лицо несет ответственность лишь за лично совершенные общественно опасные деяния, в отношении которых установлена его волевая причастность. Деяние, не опосредованное личным вкладом субъекта преступления, преступным признаваться не должно. По существу, вина гражданина лишь в том, что он не воспрепятствовал наступлению преступного результата или не проинформировал о его наступлении.

Особняком стоит вопрос о возрасте привлечения к уголовной ответственности за несообщение о преступлении.

Согласно УК РФ ответственность за несообщение о преступлении наступает с 14 лет (часть вторая ст. 20), что является чрезмерно репрессивным правовым подходом несмотря на то, что

анализируемое преступление отнесено законодателем к категории небольшой тяжести. Вряд ли несовершеннолетний способен адекватно оценить уровень опасности сложных для квалификации деяний террористического характера (экстремистской направленности). Надлежащая правовая оценка указанных преступлений представляет сложность не только для подростка, но и для взрослого человека, не имеющего юридического образования и, как следствие, не владеющего навыками толкования юридических норм.

Наряду с отмеченными проблемами квалификации несообщения о преступлении актуальным видится вопрос об уголовно-правовой оценке действий недоносителя, если о готовящемся преступлении ему стало известно в связи с так называемым обнаружением умысла. Например, возможна ситуация, когда намерение совершить преступление террористической направленности было высказано в ходе устного диалога, однако в дальнейшем не было реализовано. Аналогичным примером может служить получение информации о таком намерении в электронном виде через мессенджеры («Ватсап», «Телеграм»). Обнаружение умысла по устоявшемуся правилу не обладает признаками преступного деяния, а потому не влечет уголовной ответственности. Еще древнеримскими юристами выработана формула: *cogitationis poenam nemo patitur* (мысли не наказуемы), которая составляет международно-правовые стандарты защиты прав и свобод человека и гражданина и воспринята Конституцией РФ в аспекте закрепления права на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29).

Вопреки обнаружению умысла, приготовление к преступлению террористического характера или экстремистской направленности характеризуется конспиративностью. Виновный, готовящийся совершить, в частности, террористический акт, рассчитывает на то, что о его действиях не будут осведомлены посторонние лица.

Тем не менее в практической деятельности не исключены квалификационные ошибки при разграничении обнаружения умысла, не выраженного в деянии, и ситуации, когда гражданин

становится осведомленным о действительно подготавливаемых фактах преступной деятельности. Конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы такова, что она позволяет привлекать гражданина к уголовной ответственности исходя из презумпции его достоверной осведомленности как о готовящемся, так и о совершенном преступлении.

С учетом вышеизложенного представляется, что существующий законодательный подход к ответственности за несообщение о преступлении нуждается в пересмотре.

Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за несообщение о преступлении является дискуссионным не только с точки зрения ее сомнительной эффективности в противодействии угрозам национальной безопасности, но и в контексте оценки запрещенного этой нормой деяния как общественно опасного.

Осуждение недоносителя вряд ли способно привести к минимизации возможных террористических угроз. В силу безвредного характера данного деяния, а также того, что в качестве его непосредственного причинителя может выступать законопослушный гражданин, не склонный к совершению противоправных деяний, фактическое наказание такого лица как причастного к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности является не только негуманным, но и несправедливым правовым подходом. Соответственно, предусмотренные статьей 43 УК РФ цели уголовного наказания в отношении такого гражданина реализованы не будут. При необходимости привлечения граждан к деятельности по противодействию терроризму (экстремизму) на добровольных

началах логичнее использовать поощрительные механизмы, в том числе материально-правового характера. Это в наибольшей степени позволит стимулировать граждан не оставаться равнодушными к угрозам и рискам, которые представляет для населения деятельность террористов.

К сожалению, предпосылок для декриминализации ст. 205.6 УК РФ в настоящее время не усматривается. Вопрос о соответствии ст. 205.6 Конституции РФ уже становился предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который констатировал ее предупредительный потенциал и пришел к выводу о ее соответствии принципу правовой определенности¹⁴.

21 апреля 2025 г. принят Федеральный закон № 102-ФЗ «О внесении изменения в статью 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁵, установивший ответственность за несообщение в органы власти о преступлениях диверсионной направленности. Не исключено, что в части содержательного наполнения данная норма будет и в дальнейшем претерпевать определенные метаморфозы. В силу абстрактности диспозиции она может расширяться за счет включения в нее указания на любые преступления, в том числе нетеррористической направленности, о совершении которых гражданин не заявил в правоохранительные органы.

Однако авторы выражают надежду, что нахождение нормы о несообщении о преступлении в орбите уголовного законодательства окажется временным и в конечном итоге законодателем будет принято решение о ее декриминализации ввиду несовместимости с основными правами и свободами человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М., 1995. — 303 с.
2. Бойко А. И. Преступное бездействие. — СПб., 2003. — 318 с.
3. Гилинский Я. И. Неокриминология. Криминология постмодерна. — СПб. : Алетейя, 2025. — 234 с.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паталиева Магомеда Сайфудиновича на нарушение его конституционных прав статьей 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁵ СЗ РФ. 2025. № 17. Ст. 2131.

4. *Гладких В. И.* Несообщение о преступлении: возврат к уголовной ответственности за недонесение в новых условиях? // Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — М., 2018. — С. 16–23.
5. *Коробеев А. И., Ширшов А. А.* Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 68–72.
6. *Лапунин М. М.* Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации / науч. ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 221 с.
7. *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 742 с.
8. *Разгильдиев Б. Т.* Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. — 111 с.
9. *Смирнов В. Г.* Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. — М., 1957. — 129 с.
10. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. — М. : Наука, 1994. — 800 с.

Материал поступил в редакцию 4 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. — M., 1995. — 303 s.
2. Boyko A. I. Prestupnoe bezdeystvie. — SPb., 2003. — 318 s.
3. Gilinskiy Ya. I. Neokriminologiya. Kriminologiya postmoderna. — SPb.: Aleteyya, 2025. — 234 s.
4. Gladkikh V. I. Nesoobshchenie o prestuplenii: vozvrat k ugovolnoy otvetstvennosti za nedonesenie v novykh usloviyakh? // Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — M., 2018. — S. 16–23.
5. Korobeev A. I., Shirshov A. A. Ugolovnyy prostupok skvoz prizmu instituta administrativnoy preyuditsii: blago ili zlo? // Ugolovnoe pravo. — 2017. — № 4. — S. 68–72.
6. Lapunin M. M. Vtorichnaya prestupnaya deyatel'nost: ponyatie, vidy, problemy kvalifikatsii, kriminalizatsii i penalizatsii / nauch. red. N. A. Lopashenko. — M.: Volters Kluver, 2006. — 221 s.
7. Naumov A. V. Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast: kurs lektsiy. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Volters Kluver, 2011. — 742 s.
8. Razgildiev B. T. Ugolovno-pravovye problemy prikosnovennosti k prestupleniyu. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1981. — 111 s.
9. Smirnov V. G. Ponyatie prikosnovennosti po sovetскому ugovolnomu pravu. — M., 1957. — 129 s.
10. Tagantsev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii. Chast obshchaya: v 2 t. T. 1. — M.: Nauka, 1994. — 800 s.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.174-188

Н. П. Воронина*,
Тун Гуанфа**

Правовое регулирование сохранения биоразнообразия, генетических ресурсов растительного и животного мира в РФ и КНР: генезис и современное состояние

Аннотация. Сокращение биологического разнообразия является глобальной экологической проблемой. В контексте устойчивого развития ставится цель сохранения экосистем суши и моря, что требует совместных усилий на межгосударственном уровне. Отдельный акцент в стратегировании, государственной политике и правовом регулировании сохранения биоразнообразия в национальных юрисдикциях сделан на определении правового механизма сохранения, доступа, обращения, защиты генетических ресурсов животного и растительного мира. Сравнительный анализ правового регулирования сохранения биоразнообразия, включая генетические ресурсы животного и растительного мира, Российской Федерации и Китайской Народной Республики позволил выявить правовые особенности регулирования и проблемы сохранения биоразнообразия, предложить направления совершенствования правового регулирования этой сферы общественных отношений с учетом опыта обеих стран на основе предложенной авторами модели правового регулирования сохранения биоразнообразия, включая генетические ресурсы животного и растительного мира.

Ключевые слова: Российская Федерация; Китайская Народная Республика; устойчивое развитие; экологическое право; государственный суверенитет; биоразнообразие; биологические ресурсы; генетические ресурсы; биологические коллекции; экологический кодекс; модель правового регулирования

Для цитирования: Воронина Н. П., Тун Гуанфа. Правовое регулирование сохранения биоразнообразия, генетических ресурсов растительного и животного мира в РФ и КНР: генезис и современное состояние //

© Воронина Н. П., Тун Гуанфа, 2026

* Воронина Наталья Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
nvoroninamgua@yandex.ru

** Тун Гуанфа, кандидат юридических наук, профессор юридического факультета Пекинского сельскохозяйственного университета (BUA)

Цинхуасилу ул., д. 10, г. Пекин, Китайская Народная Республика, 100083
tongguangfa@bua.edu.cn

Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 174–188. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.174-188

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания «Научно-методическое и ресурсное обеспечение системы образования» на тему «Научно-правовое обеспечение повышения эффективности международного сотрудничества России в сфере науки и высшего образования», паспорт № 7144-25.

Legal Regulation of Biodiversity Conservation and Genetic Resources of Flora and Fauna in the Russian Federation and the People's Republic of China: Genesis and Current State

Natalya P. Voronina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nvoroninamgua@yandex.ru

Tong Guangfa, PhD in Law, Professor, Faculty of Law, Beijing Agricultural University (BUA), Beijing, People's Republic of China
tongguangfa@bua.edu.cn

Abstract. The loss of biodiversity is a global environmental problem. In the context of sustainable development, the goal is to preserve land and sea ecosystems, which requires joint efforts at the interstate level. A special emphasis in the strategy, public policy, and legal regulation of biodiversity conservation in national jurisdictions is placed on defining the legal mechanism for the conservation, access, circulation, and protection of the genetic resources of animals and plants. A comparative analysis of the legal regulation of biodiversity conservation, including the genetic resources of fauna and flora, in the Russian Federation and the People's Republic of China has made it possible to identify the legal peculiarities of regulation and the problems of biodiversity conservation. The authors propose directions for improving the legal regulation of this sphere of social relations, taking into account the experience of both countries, based on the model of legal regulation of biodiversity conservation, including the genetic resources of fauna and flora, proposed by the authors.

Keywords: Russian Federation; People's Republic of China; sustainable development; environmental law; state sovereignty; biodiversity; biological resources; genetic resources; biological collections; environmental code; legal regulation model

Cite as: Voronina NP, Tong Guangfa. Legal Regulation of Biodiversity Conservation and Genetic Resources of Flora and Fauna in the Russian Federation and the People's Republic of China: Genesis and Current State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):174-188. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.174-188

Acknowledgements. The article was prepared as part of the state assignment «Scientific, methodological and resource support for the education system», the topic title being «Scientific and legal support for increasing the effectiveness of Russia's international cooperation in the field of science and higher education», passport No. 7144-25.

Введение

Сокращение биологического разнообразия является глобальной экологической проблемой. В литературе отмечается, «что биологические ресурсы Земли... представляют огромную ценность для нынешних и будущих поколений и являются жизненно необходимыми для экономического и социально-культурного развития человечества»¹.

Согласно Целям устойчивого развития (цели 14 и 15) перед человечеством в рамках устойчивого развития стоит задача сохранения морских экосистем и экосистем суши².

На международном уровне принят ряд документов, направленных на сохранение биоразнообразия, в частности Конвенция о сохранении биоразнообразия³ (КБР). Нагойский протокол к КБР направлен на определение правового режима генетических ресурсов и обращения с ними⁴.

В настоящее время приоритет в вопросах сохранения биоразнообразия отдан национальному правовому регулированию. Поэтому задача национальных правовых юрисдикций — формирование эффективного правового регулирования сохранения биоразнообразия, включая генетические биологические ресурсы.

Правовое регулирование сохранения биоразнообразия в России

В Российской Федерации сохранение биоразнообразия, в том числе генетических ресурсов животного и растительного мира, находится в фокусе государственной экологической политики и правового регулирования отношений по охране окружающей среды.

Сохранение биоразнообразия признается одним из принципов охраны окружающей среды. На нем основывается экологическое законодательство РФ. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁵ направлен на правовое регулирование охраны окружающей среды, включая сохранение биоразнообразия, в целях устойчивого развития (ст. 5).

Учет сохранения биоразнообразия — это эколого-правовое требование к любой хозяйственной деятельности. В общем виде подобные эколого-правовые требования определены в гл. 7 Федерального закона «Об охране окружающей среды», специальные требования — в отдельных федеральных законах.

В Основах государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 года⁶ отмечено, что потеря биоразнообразия является глобальной экологической проблемой. О сокращении биоразнообразия как глобальном экологическом вызове идет

¹ *Макеева Е. Н.* Правовое регулирование в области обращения с генетическими ресурсами и связанными с ними традиционными знаниями в Республике Беларусь // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 22–23 октября 2024 г. : в 3 ч. Минск : СтройМедиаПроект, 2024. С. 168.

² URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/?ysclid=mhono76ief605985837> (дата обращения: 11.10.2025).

³ Конвенция о биологическом разнообразии (1992) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml?ysclid=mhyoiugdjq576580424 (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии, 2010 г. // URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

⁵ Российская газета. 2002. 12 января.

⁶ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждены Президентом РФ 30.04.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

речь в Стратегии экологической безопасности⁷, поскольку это разрушает целостность экосистем и носит необратимый характер.

Преодоление проблемы сокращения биоразнообразия обуславливает разработку комплекса правовых мер, предпринимаемых на международном и национальном уровнях.

Стратегия экологической безопасности РФ коррелируется с ЦУР 14 и 15 и определяет, что в РФ сохранение биоразнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений — это стратегическая цель государственной политики в области экологического развития. Поэтому среди задач обеспечения экологической безопасности названы сохранение биоразнообразия, экосистем суши и моря (п. 25 Стратегии), а среди основных направлений: расширение мер по сохранению биоразнообразия, включая редкие и исчезающие растения и животные, развитие системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

Правовой режим ООПТ определен Федеральным законом от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»⁸.

Сохранение биоразнообразия взаимосвязано с развитием ООПТ. Об этом прямо говорит КБР, поэтому в России сохранение биоразнообразия стратегически интегрировано в механизм сохранения действующих и создания новых

ООПТ. В период действия национального проекта «Экология» (2019–2024 гг.) было создано 25 новых ООПТ.

7 мая 2024 г. Президент РФ определил дальнейшие цели национального развития РФ⁹. Одна из них — экологическое благополучие. В контексте ее достижения предусмотрено создание туристической инфраструктуры и сохранение природных комплексов в ООПТ, сохранение и восстановление популяции редких видов животных, подготовка специалистов в сфере природоохраны, организация экологического просвещения на ООПТ, повышение экологической грамотности и др.¹⁰

Развитие ООПТ, прежде всего национальных парков, связано с экотуризмом. На развитие экотуризма неоднократно указывал Президент РФ в посланиях к Федеральному Собранию РФ¹¹.

Реализуемый в России с 1 января 2026 г. национальный проект «Экологическое благополучие» предусматривает в своей структуре федеральный проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма»¹², фокус которого направлен на обеспечение охраны биоразнообразия в контексте устойчивого развития, функционирования ООПТ и развития экологического туризма.

Основная особенность модели экотуризма — сочетание экологии, туризма, культуры (экотуризм в широком смысле¹³), поскольку экотуризм

⁷ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 20.04.2017.

⁸ Российская газета. 1995. 22 марта.

⁹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 07.05.2024.

¹⁰ URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/environmental_well-being/federalnyy-proekt-sokhranenie-biologicheskogo-raznoobraziya-i-razvitie-ekologicheskogo-turizma/ (дата обращения: 11.10.2025).

¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. 2 марта ; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета. 2019. 21 февраля ; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Российская газета. 2023. 22 февраля.

¹² URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/environmental_well-being/?ysclid=mhoo8zxd9258285564 (дата обращения: 11.10.2025).

¹³ Васильева М. И. К юридическому определению понятия экологического туризма // Lex russica. 2020. № 4. С. 36–37.

«переплетается с историко-культурным, сельским, этнографическим туризмом»¹⁴. Правовое обеспечение и стратегическое планирование экотуризма должно учитывать эту специфику.

Спецификой экотуризма определяется его значение как инструмента устойчивого развития. Поскольку экотуризм тесно связан с ООПТ, должны учитываться их природная составляющая и пределы антропогенной нагрузки на ООПТ. Определение баланса публичных и частных интересов через сочетание экологических, экономических и социальных начал¹⁵ позволяет реализовать экологическую функцию государства, включающую в том числе сохранение биоразнообразия, экологическое воспитание и просвещение.

В 2023 г. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» был дополнен статьей 5.2 «Туризм на особо охраняемых природных территориях и его критерии, особенности» и разделом III.1 «Рекреационная деятельность в национальных парках»¹⁶. Анализ этих нововведений позволил прийти к выводу о том, что туризм на ООПТ — это «рекреационный туризм», поэтому требуется корректировка документов стратегирования и нормативных правовых актов в этой сфере. Эти новеллы позволят увеличить число посетителей ООПТ и реализовать на территории национальных парков модель экотуризма при сохранении природы, включая биоразнообразие.

Одна из задач государственного управления биоразнообразием — сохранение генетических ресурсов животного и растительного мира, определение условий обращения с ними на национальном уровне.

Среди мер сохранения биоразнообразия отмечается охрана редких и исчезающих животных и растений, занесенных в Красную книгу РФ и красные книги субъектов РФ¹⁷ (ст. 60 Федерального закона «Об охране окружающей среды»). В целях сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения растений, животных и других организмов их генетический фонд подлежит сохранению в низкотемпературных генетических банках, а также в искусственно созданной среде обитания. Запрещается деятельность, ведущая к сокращению численности этих растений, животных и других организмов и ухудшающая среду их обитания.

Специальные правовые меры охраны генетических ресурсов животного мира предусмотрены в Федеральном законе от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»¹⁸. Прежде всего, в нем определено, что биоразнообразие животного мира — разнообразие объектов животного мира в рамках одного вида, между видами и в экологических системах. Предусмотрена дефиниция понятия «генетические ресурсы животного мира» как части биоресурсов, включающей генетический материал животного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности.

Понятие биоразнообразия содержится и в недавно принятом Федеральном законе от 30.11.2024 № 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях и о внесении изменений в статью 29 Федерального закона “О животном мире”»¹⁹. Так, биоразнообразие — варибельность живых организмов и вирусов из всех источников, включая наземные,

¹⁴ Васильева М. И. Указ. соч. С. 37.

¹⁵ Воронина Н. П. Правовое регулирование экологического туризма: новеллы и перспективы // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума : в 3 ч., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6–8 апреля 2023 г. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 373.

¹⁶ Федеральный закон от 18.03.2023 № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 18.03.2023.

¹⁷ См.: Устьянцева О. В. Проблемы правовой защиты редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2022. № 1 (169). С. 37–40.

¹⁸ Российская газета. 1995. 4 мая.

¹⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.11.2024.

морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются, в том числе разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем. Это понятие соответствует дефиниции биоразнообразия, предусмотренной в КБР.

Анализ законодательства отдельных стран демонстрирует разные правовые походы. В одних странах сохранение генетических ресурсов включено в правовое регулирование охраны окружающей среды в целом, в других странах — в законодательство о животном/растительном мире, то есть в природоресурсное законодательство, в третьих странах принимаются отдельные нормативные правовые акты в сфере обращения с генетическими ресурсами. Например, в КНР реализуется первый подход. Республика Беларусь относится в третьей группе — принят Закон от 05.03.2024 № 356-З «Об обращении с генетическими ресурсами»²⁰. В России можно видеть сочетание элементов всех трех подходов: нормы по сохранению генетических ресурсов и обращению с ними включены в федеральные законы «Об охране окружающей среды», «О животном мире» и «О биоресурсных центрах...».

В России отдельное правовое регулирование получило формирование биологических (биоресурсных) коллекций (далее — биокolleкций) в целях сохранения биоразнообразия, в том числе генетических ресурсов, проведения научных исследований, обеспечения образо-

вательной и просветительской деятельности, рационального использования биоресурсов, выполнения условий для обеспечения охраны и защиты прав на интеллектуальную собственность. Эти задачи полностью соответствуют КБР.

В России формируется Фонд биокolleкций²¹. Создаются национальные центры генетических ресурсов²²: Национальный центр генетических ресурсов микроорганизмов, Национальный центр генетических ресурсов автохтонных сортов винограда, Национальный центр генетических ресурсов растений и др.

Предусматривается, что научные организации могут наделяться статусом биоресурсных центров²³, на которые возложены такие функции, как сохранность образцов биокolleкций и единиц хранения; учет образцов биокolleкций и единиц хранения; ведение и сохранность учетной документации, связанной с образцами биокolleкций и единицами хранения.

Отдельная глава Федерального закона «О биоресурсных центрах...» посвящена информационному обеспечению формирования и обращения с биокolleкциями.

В главе 9 Федерального закона «О биоресурсных центрах...» предусматривается юридическая ответственность за правонарушения в этой сфере.

Созданы межведомственные комиссии по вопросам формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов²⁴.

²⁰ Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12400356> (дата обращения: 01.11.2025).

²¹ Он включает, во-первых, национальные коллекции особо ценных образцов генетических ресурсов, а во-вторых, находящиеся на территории РФ биокolleкции, независимо от их происхождения, времени, способа и места хранения. Определен порядок его формирования.

²² Постановление Правительства РФ от 26.07.2025 № 1109 «Об утверждении Правил образования национальных центров генетических ресурсов и организации их деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 31.07.2025.

²³ Постановление Правительства РФ от 23.10.2025 № 1637 «Об утверждении требований к материально-техническому обеспечению биоресурсных центров, включая минимальные требования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 24.10.2025.

²⁴ Указ Президента РФ от 21.10.2024 № 902 «О Межведомственной комиссии по вопросам формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов микроорганизмов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 21.10.2024 ; Указ Президента РФ от 08.08.2022 № 45 «О Межведомственной комиссии по вопросам формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов растений» // Официальный интернет-портал право-

Ввоз в Россию и вывоз за ее пределы биокolleкций и единиц хранения урегулирован постановлением Правительства РФ от 01.11.2025 № 1734 «Об утверждении требований к порядку ввоза на территорию Российской Федерации и вывоза за пределы территории Российской Федерации образцов биологических (биоресурсных) коллекций, единиц хранения и материалов образцов биологической (биоресурсной) коллекции»²⁵. В пункте 5 этого нормативного акта прямо предусмотрено, что в случае, если образцы биокolleкций и единицы хранения и материалы их образцов являются семенами сельскохозяйственных растений, их ввоз на территорию РФ осуществляется в соответствии с постановлениями Правительства РФ от 24.01.2023 № 80 «Об утверждении Правил ввоза в Российскую Федерацию семян сельскохозяйственных растений для проведения экспертиз и научно-исследовательских работ, а также для использования в образовательных целях»²⁶.

Правовое регулирование сохранения биоразнообразия в Китае

Аналогичные задачи в сфере сохранения биоресурсов и их генетического фонда стоят и в КНР. Планируется, что охрана биоресурсов будет осуществляться на основании Кодекса Китайской

Народной Республики по охране окружающей среды (далее — Экологический кодекс).

27 апреля 2025 г. на 15-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва впервые был рассмотрен проект Экологического кодекса²⁷. Данный проект состоит из пяти разделов: общие положения, предотвращение загрязнения, охрана окружающей среды, зеленое низкоуглеродное развитие, юридическая ответственность.

8 сентября 2025 г. на 17-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва во втором чтении были рассмотрены проекты разделов Экологического кодекса: «Общие положения», «Охрана экосистем» и «Зеленое и низкоуглеродное развитие». Разделы «Профилактика и контроль загрязнения», «Юридическая ответственность» и «Заключительные положения» также вступают во второе чтение.

Цель законодательства и ценностная ориентация при разработке проекта Экологического кодекса КНР (далее также — Проект) выражаются в идее устойчивого развития, которая служит фундаментом для достижения «модернизации, основанной на гармоничном сосуществовании человека и природы»²⁸.

В разделе «Охрана экосистем» Проекта предусматриваются положения, касающиеся биологических генетических ресурсов. Раздел

вой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 08.02.2022 ; Указ Президента РФ от 19.03.2024 № 196 «О Межведомственной комиссии по вопросам формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов сельскохозяйственных животных» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 19.03.2024 и др.

²⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.11.2025.

²⁶ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.01.2023.

²⁷ В 2017 г. Исследовательское общество экологического и ресурсного права Китайского общества права начало исследовательский проект по кодификации китайского экологического законодательства. Помимо публикации большого количества научных статей, монографий и переводов зарубежных экологических кодексов, оно организовало и завершило составление «Проекта экспертного предложения по экологическому кодексу», который был предоставлен в качестве справочного материала специальной группе по законодательству по экологическому кодексу при Всекитайском собрании народных представителей. См.: Ван Цзинь. Структура, содержание и совершенствование раздела общих положений кодекса по охране окружающей среды // Китайское обозрение права. 2025. № 4. С. 143–144.

²⁸ См.: Лю Чжунмэй. Условия разработки и основная ориентация Кодекса экологического права Китая // Современное правоведение. 2021. № 6 ; Лю Чжунмэй. Основные положения по разработке Кодекса экологического права // Китайское правоведение. 2023. № 2 ; Ван Цзинь. Концепция и методы разработки

структурирован на 7 глав: «Общие положения», «Охрана экосистем», «Охрана и устойчивое использование природных ресурсов», «Охрана видов», «Охрана важных географических единиц», «Предупреждение и борьба с деградацией экосистем» и «Восстановление экосистем». На первый взгляд, такая главная структура как будто «затмевает» нормы, посвященные охране генетических ресурсов.

Помимо раздела «Охрана экосистем», в других частях Проекта не содержится положений о генетических ресурсах. В разделе «Охрана экосистем» (проект, прошедший второе чтение)²⁹ защита генетических ресурсов регулируется следующими нормами:

— ст. 677: государство осуществляет эффективную охрану важных экосистем, биологических видов и генетических ресурсов, защищает традиционные знания, связанные с биоразнообразием, поощряет их передачу, развитие и инновации, обеспечивает сохранение биоразнообразия;

— ст. 678: государство усиливает охрану генетических ресурсов, предусмотрев, что предоставление иностранцам или совместное с ними исследование и использование генетических ресурсов должно осуществляться с соблюдением установленного порядка получения разрешения и предоставления справедливого и обоснованного плана по обмену выгодами с государством;

— ст. 679: государство совершенствует систему охраны и использования генетических ресурсов, планомерно проводит перепись, сбор, систематизацию, идентификацию, регистрацию, сохранение, обмен и использование генетических ресурсов;

— п. 3 ст. 732: при разработке и использовании морских и прибрежных ресурсов должна осуществляться эффективная охрана важных морских экосистем, биологических видов и генетических ресурсов, должно обеспечиваться сохранение морского биоразнообразия;

— ст. 791: государство охраняет водные генетические ресурсы и их среду обитания, а также учреждает охранные зоны водных генетических ресурсов, обладающих высокой экономической ценностью и ценностью для селекции и разведения, в основных районах их размножения и произрастания;

— ст. 820: государство усиливает охрану генетических ресурсов, определяет меры по охране исчезающих видов. Соответствующий орган разрабатывает планы охраны и использования генетических ресурсов диких животных, создает национальный генный банк генетических ресурсов диких животных, осуществляет приоритетную охрану генетических ресурсов ценных и исчезающих видов диких животных, происходящих из Китая. Запрещено предоставлять уникальные генетические ресурсы диких животных Китая иностранным организациям или лицам. Проведение международных научных исследований должно осуществляться с соблюдением установленного порядка получения разрешения, с существенным участием китайских научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, предприятий и их исследователей, с предоставлением плана по обмену выгодами с государством в соответствии с установленными правилами, а также с соблюдением законов и административных нормативных актов Китая;

— ст. 830: органы государственной власти по охране диких растений соответствующих уровней и соответствующие организации должны принимать меры по спасению для национальных и местных ключевых охраняемых диких растений, находящихся под угрозой, восстанавливать их среду обитания, при необходимости проводить внеареальную охрану, создавать банки семенного материала и осуществлять возвращение в естественную среду;

— ст. 836: запрещено иностранцам собирать или приобретать национальные ключевые охра-

Кодекса об экологической среде — с ориентацией на устойчивое развитие в качестве ценностной цели и логической основы // Хуайцзян лунтань. 2024. № 1.

²⁹ Редакции положений в разделе «Охрана экосистем» об охране биологических генетических ресурсов, подготовленные к первому и второму чтению, полностью идентичны.

няемые дикие растения и их семенной материал на территории КНР.

Правовой анализ этих норм Проекта позволяет прийти к следующим выводам.

В Проекте (ст. 677) предусмотрены три основных аспекта охраны биоразнообразия: 1) охрана экосистем и видов; 2) охрана генетических ресурсов биоразнообразия; 3) охрана традиционных знаний, связанных с биоразнообразием. Это ключевое положение, поскольку оно определяет основные категории, подлежащие охране в разделе об экологической защите. Однако в общей структуре отсутствует отдельная глава, посвященная охране генетических ресурсов.

Положения ст. 678 Проекта касаются правил предоставления китайских генетических ресурсов за рубеж и механизма распределения выгод, предусмотренного Боннскими руководящими принципами о доступе к генетическим ресурсам и справедливом и равноправном распределении выгод, возникающих в результате их использования (далее — Боннские принципы), но в Проекте не рассматривается вопрос о внутреннем использовании генетических ресурсов.

В Проекте (ст. 679) урегулировано обращение с посевным материалом, включая его перепись, сбор, систематизацию, идентификацию, регистрацию, сохранение, обмен и использование. На наш взгляд, посевной материал, являясь важным генетическим ресурсом, заслуживает отдельного правового регулирования. Однако, возможно, более целесообразно сначала установить правила переписи, сбора, систематизации, идентификации, регистрации и сохранения генетических ресурсов в целом, затем публиковать список важных генетических ресурсов и уже после этого устанавливать меры охраны, использования и распределения выгод для важных генетических ресурсов.

Пункт 3 ст. 732 Проекта фактически дублирует содержание статьи 677: положение об охране морского биоразнообразия может быть включено в ст. 677.

Статья 791 в основном затрагивает охранные зоны для водных генетических ресурсов. На наш взгляд, логично установить отдельной статьей порядок создания банков генетических ресурсов, как это сделано в России, охранных зон и охраняемых территорий для генетических ресурсов и уже затем — охранные зоны для водных генетических ресурсов.

В Проекте (ст. 820) устанавливается особая охрана генетических ресурсов диких животных, включая создание их национального банка (как и в России), включая запрет на предоставление генетических ресурсов иностранным организациям или физическим лицам. Одновременно предусматривается возможность международного научного сотрудничества, но только с разрешения и при наличии плана распределения выгод с государством, а также при соблюдении законодательства КНР. Полагаем, что эта норма определяет особую правовую охрану диких животных и их генетических ресурсов и соответствует международной тенденции к усилению охраны диких животных.

В контексте охраны диких животных и их генетического фонда статьи 830 и 836 направлены на особую правовую охрану генетических ресурсов диких растений, включая создание банков семенного материала и запрет на сбор или приобретение иностранцами семенного материала национальных ключевых охраняемых диких растений. По мнению ряда китайских коллег, вопрос о необходимости дифференцированного правового регулирования охраны и использования генетических ресурсов диких растений и диких животных носит дискуссионный характер и пока не имеет окончательного решения. В России также действует только Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире». Закон о растительном мире на федеральном уровне отсутствует, хотя есть опыт регионального нормотворчества³⁰. Есть опыт и других стран: например, в Республике Беларусь действует Закон от 14.06.2003 № 205-З «О растительном мире»³¹.

³⁰ Закон Республики Татарстан от 10.03.2000 № 53-з «О растительном мире» // СПС «Гарант»; Закон Республики Крым от 25.12.2014 № 50-ЗПК/2014 «О растительном мире» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/413904353?ysclid=mi0k3tx58r954405588> (дата обращения: 10.10.2025).

³¹ СПС «КонсультантПлюс».

В КНР в качестве правового пробела можно отметить отсутствие в гл. 2 «Экологические нарушения» юридической ответственности за нарушения в области генетических ресурсов, что затрудняет применение правил охраны и использования генетических ресурсов и соответствующих мер на практике.

Дискуссионным вопросом в КНР является правовая охрана генетических ресурсов человека. Так, статья 53 Закона КНР о биологической безопасности не только устанавливает охрану обычных биологических ресурсов, но и предусматривает, что государство усиливает защиту человеческих генетических ресурсов. Должны ли положения Проекта, касающиеся биологических генетических ресурсов, распространяться также на генетические ресурсы человека? Исходя из объема охраны биологических генетических ресурсов, закрепленного в КБР, а особенно в Боннских принципах, где генетические ресурсы человека прямо исключены из сферы действия КБР, мы считаем, что следует придерживаться аналогичного подхода. Также и в России: Федеральный закон «О биоресурсных центрах...» не применяется к отношениям, связанным с созданием, формированием, сохранением, развитием, изучением и использованием коллекций биологических материалов человека (п. 2 ст. 1).

При определении сферы охраны генетических ресурсов необходимо также учитывать различные термины, используемые в смежном законодательстве, связанном с сельским хозяйством, лесным хозяйством, животноводством и водным хозяйством, в частности «ресурсы семенного материала сельскохозяйственных культур», «генетические ресурсы сельскохозяйственных животных», «ресурсы водных биоресурсов», «лесные генетические ресурсы», «генетические ресурсы лесных и тра-

вянистых растений», «генетические ресурсы диких животных».

КБР определяет биологические ресурсы как материалы растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащие функциональные единицы наследственности (то есть биологические генетические материалы и их производные), а также связанную с ними информацию (в первую очередь цифровую информацию о последовательностях генетических ресурсов).

Статья 19 Закона КНР о семенах определяет, что семенные ресурсы — это базовые материалы, используемые для селекции новых сортов растений, включая репродуктивный материал культурных и диких видов растений, а также искусственно созданные генетические материалы растений, полученные на основе вышеуказанного репродуктивного материала³². Российский Федеральный закон от 30.12.2021 № 454-ФЗ «О семеноводстве»³³ определяет семена сельскохозяйственных растений как части растений, собственно семена, посадочный материал, применяемые для воспроизводства сортов сельскохозяйственных растений. Согласно этому закону в России формируется банк стандартных образцов семян с/х растений.

Согласно законодательству КНР ресурсы семенного материала фактически являются биологическими генетическими материалами и входят в их состав. Таким образом, биологические генетические ресурсы — это общее, а ресурсы семенного материала — частное, поэтому первый объект правовой охраны поглощает второй. В России иной подход: к отношениям, связанным с созданием, формированием, сохранением, развитием, изучением и использованием с/х растений, применяется не Федеральный закон «О биоресурсных центрах...», а Федеральный закон «О семеноводстве».

³² Согласно п. 2 ст. 2 Закона о семенах и разъяснению Министерства сельского хозяйства и сельских районов КНР относительно применения соответствующих положений Закона о семенах (документ № 1 [2019] от канцелярии министерства), под семенами понимаются посадочные или репродуктивные материалы сельскохозяйственных культур и лесных деревьев, включая зерна, плоды, корни, стебли, саженцы, почки, листья, цветы, пыльцу и т.д.

³³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.12.2021.

Полагаем, что в Проекте необходимо выделить правовую охрану биологических генетических ресурсов в отдельную главу, в общих положениях которой использовать понятие «биологические генетические ресурсы»; в других разделах, касающихся таких отраслей, как сельское и лесное хозяйство, можно использовать термин «ресурсы семенного материала».

Важным вопросом является признание суверенитета, или права собственности, на генетические ресурсы.

Признание генетических ресурсов объектом национального суверенитета (государственной собственности) на международном уровне не вызывает правовых препятствий и закреплено в КБР, а также подтверждено Международным договором о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства.

Каким образом принцип национального суверенитета (государственной собственности) над биологическими генетическими ресурсами должен быть реализован в национальном праве? Примером может служить законодательный опыт интеграционных сообществ: согласно ст. 1 Модельного закона Африканского союза 2000 г. «О защите прав местных сообществ, фермеров и селекционеров, а также регулировании доступа к биологическим ресурсам» принцип государственного суверенитета над генетическими ресурсами был трансформирован в право собственности местных сообществ.

В Китае (п. 1 ст. 11 Закона о семенах и ст. 53 Закона о биологической безопасности) государство обладает суверенитетом над ресурсами семенного материала, генетическими ресурсами и биологическими ресурсами. Но вопрос о внутреннем преобразовании суверенитета над биологическими генетическими ресурсами не решен: за государством сохраняется суверенитет, но он не трансформирован в категорию «право собственности» (государственной, коллективной или общинной). Поэтому мы считаем, что в Проекте можно сохранить формулировку о государственном суверенитете над биологическими генетическими ресурсами. В России

Федеральным законом «О биоресурсных центрах...» государственный суверенитет на биологические (биоресурсные) коллекции прямо не предусматривается, но из анализа норм этого нормативного правового акта следует право федеральной собственности на биоколлекции.

Представляет актуальность правовое регулирование системы регистрации сбора и сохранения биологических генетических ресурсов. Эта система включает в себя комплекс мероприятий: перепись и обследование различных видов генетических ресурсов, сбор информации, создание банков или пунктов хранения генетических ресурсов, их сохранение, каталогизацию, формирование баз данных и др. Статья 10 КНР Закона о животноводстве предусматривает меры по обследованию, охране, идентификации, регистрации и мониторингу генетических ресурсов сельскохозяйственных животных и птиц. В статье 9 Закона КНР о семенах закреплены меры по переписи, сбору, систематизации, идентификации, регистрации и сохранению ресурсов семенного материала. Иные законы также устанавливают соответствующие режимы переписи, регистрации ресурсов семенного материала либо биологических генетических ресурсов и режимы их списков (каталогов).

На наш взгляд, в Китае необходимо унифицировать порядок государственной регистрации. Исходя из изложенного, в Проекте следует закрепить обязательства по проведению переписи или обследования, сбору, систематизации, идентификации, регистрации, сохранению и мониторингу биологических генетических ресурсов, а также режим каталогов (списков) важнейших биологических генетических ресурсов.

Дискуссионный интерес вызывает система предварительного информированного согласия в отношении биологических генетических ресурсов. Система предварительного информированного согласия (ПИС) впервые была введена в 1989 г. в Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением³⁴. В 1992 г. КБР перенесла ПИС в сферу охраны генетических ресурсов. Однако в п. 5 ст. 15 КБР содержится норма о необходи-

³⁴ См.: Ван Си. Международное экологическое право. Правовое издательство, 1998. С. 327.

мости предварительного информированного согласия страны — поставщика биологических генетических ресурсов для доступа к ним, если только эта страна не установит иное³⁵.

Создание системы ПИС направлено на уважение суверенитета страны — поставщика генетических ресурсов и закрепленных за ней экономических интересов. Кроме того, данный механизм способствует защите прав развивающихся государств, обладающих богатым генетическим потенциалом, и эффективно сдерживает хищение и незаконное присвоение таких ресурсов.

Здесь важно отметить множественность национальных правовых подходов к применению ПИС. Например, Индия в Законе «О биологическом разнообразии» устанавливает для иностранных пользователей обязательное разрешительное (лицензионное) получение ресурсов, тогда как для внутренних операторов достаточно уведомительной процедуры. Бразилия ввела двухуровневую систему предварительного согласия³⁶. Учитывая, что Китай также является развивающейся страной с богатым генетическим разнообразием, в Проекте целесообразно предусмотреть двухуровневую систему предварительного согласия, что лучше отразит подход, основанный на единых стандартах для внутренних и внешних участников.

Подлежит правовому урегулированию система справедливого и равного распределения выгод от использования генетических ресурсов. Это предполагает, что поставщик, получатель и иные заинтересованные стороны таких ресурсов

добровольно и на справедливой основе делят между собой все блага, возникающие при исследовании и коммерческом использовании соответствующих ресурсов. К таким благам относятся: данные и информация о биологических генетических ресурсах, технологии и оборудование, методы управления, прямые денежные и нематериальные доходы, а также иные результаты, полученные в ходе использования ресурсов.

Субъектами распределения выгод являются: правообладатели биологических генетических ресурсов (государство, собственники или иные законные владельцы); пользователи биологических генетических ресурсов (научные организации, биотехнологические компании и т.д.); заинтересованные третьи стороны (местные общины, коренные народы, исследовательские учреждения, фактические владельцы/держатели ресурсов и др.).

Содержание выгод, согласно ст. 15 КБР и Боннским принципам, включает предоставление образцов ресурса; передачу технологий; финансовую поддержку; долю от прибыли, полученной в результате использования биологических генетических ресурсов.

В связи с изложенным предлагаем в Проекте закрепить:

- 1) круг субъектов распределения выгод;
- 2) процедуру предварительного информированного согласия (с указанием региона сбора, вида ресурса и т.д.);
- 3) права и обязанности сторон (включая вопросы интеллектуальной собственности);

³⁵ Общепринято, что предварительное информированное согласие должно включать три элемента: 1) четко выраженное согласие поставщика или правообладателя генетических ресурсов; 2) согласие, данное на основе полной информационной прозрачности: поставщик должен обладать достоверным пониманием потенциальной ценности будущего использования ресурса, причем эта информация обязательно должна быть представлена стороной, желающей получить ресурс; 3) обязательное получение такого согласия до фактического доступа к ресурсу. См.: Чжэн Ли. Анализ моделей охраны генетических ресурсов в рамках режима Конвенции о биологическом разнообразии // Семенной мир. 2018. № 3. С. 17.

³⁶ Для доступа к биогенетическим ресурсам в первую очередь необходимо получить согласие стороны — поставщика или правообладателя ресурса: заранее согласовать процедуру с землевладельцами, коренными сообществами, компетентным органом охраняемой территории, оборонным советом, морской администрацией и т.д. Затем следует пройти процедуру предварительного информированного согласия Управления по биогенетическим ресурсам, после чего получить выданное им разрешение на доступ и транспортировку. См.: Бразильский закон «О доступе к генетическим ресурсам» и Временное положение «Об охране биологического разнообразия и генетических ресурсов».

4) виды выгод и способы их выплаты/передачи.

Не менее важным является правовое регулирование знаний, связанных с биологическими генетическими ресурсами. Пункт 8(j) ст. 8 КБР предписывает государствам «в соответствии с их национальным законодательством уважать, сохранять и поддерживать знания, инновации и практики местных и коренных обществ, отражающие традиционные образы жизни и имеющие отношение к охране и устойчивому использованию биоразнообразия, способствовать более широкому применению этих знаний, инноваций и практик с одобрения и участия их носителей и поощрять справедливое распределение выгод, возникающих от использования таких знаний, инноваций и практик».

Следовательно, при построении режимов доступа и распределения выгод для указанных традиционных знаний применяются те же подходы, что и для самих генетических ресурсов.

Заявители, чьи результаты, полученные с использованием генетических ресурсов Китая и/или связанных с ними традиционных знаний, подавшие заявление на получение патента, охраны нового растительного сорта или новых средств китайской и западной медицины, обязаны представить юридически действующее доказательство получения биологических генетических ресурсов и распределения выгод. При отсутствии раскрытия сведений орган государства отказывает в выдаче охранных документов и предоставлении патента.

Следовательно, правовые нормы, предусматривающие: 1) обязательное раскрытие сведений о происхождении генетических ресурсов при подаче заявок на патенты или иные права и 2) отказ в выдаче таких прав либо их последующее признание недействительными при нарушении законов и подзаконных актов при получении или использовании генетических ресурсов, обеспечивают «оборонительную» правовую охрану биологических генетических ресурсов.

Поскольку данная область находится на стыке нескольких отраслей права, при закреплении

в Проекте норм, касающихся охраны традиционных знаний, связанных с биогенетическими ресурсами, целесообразно сосредоточить регулирование на выдаче разрешений на доступ к таким ресурсам и знаниям, а также на контроле за этим доступом.

Заключение

Таким образом, правовое регулирование сохранения генетических ресурсов в КНР находится еще в стадии становления и развития. В проекте Экологического кодекса КНР выявлены структурные пробелы, дублирование отдельных норм, логические нестыковки в регулировании биологических генетических ресурсов, в нем отсутствуют нормы об ответственности за правонарушения в этой сфере. В связи с этим предлагаем в Проекте четко закрепить ключевые институты: пределы охраняемых биологических генетических ресурсов, суверенитет (право собственности), систему регистрации сбора и сохранения, процедуру предварительного информированного согласия, механизм распределения выгод и охрану связанных традиционных знаний.

В России правовое регулирование сохранения биоразнообразия носит комплексный правовой характер и, основываясь на Конституции РФ³⁷ и КБР, включает нормы экологического, административного, гражданского и иных отраслей законодательства. При определении государственной политики в сфере сохранения биоразнообразия РФ, учитывая международные обязательства, Россия реализует национальные цели развития, в том числе в сфере экологического благополучия, включая сохранение биоразнообразия.

Подводя итог, подчеркнем, что правовое регулирование сохранения биоразнообразия, включая охрану генетических ресурсов животного и растительного мира, должно основываться, на наш взгляд, на концептуальной модели. В доктринальном смысле под моделью правового регулирования сохранения биоразнообразия, в том числе генетических

³⁷ Российская газета. 2020. 4 июля.

ресурсов животного и растительного мира, авторы понимают систему признаков и характеристик правового воздействия государства на общественные отношения между государством, обществом, правообладателями и пользователями объектов животного и растительного мира, их генетических ресурсов, направленную на обеспечение экологической безопасности, сохранение экосистем суши и морей, сохранение биоразнообразия, формирование экологической культуры. В прикладном значении это совокупность нормативных правовых актов различных отраслей права: конституционного

(государственного), экологического, фаунистического, флористического, гражданского и др., направленных на реализацию ЦУР, сохранение биоразнообразия, в том числе генетических ресурсов растительного и животного мира, решение иных глобальных экологических проблем. Определение модели правового регулирования позволит избежать правовых пробелов и коллизий и повысить эффективность системы правового регулирования отношений по сохранению биологического разнообразия, включая генетические ресурсы животного и растительного мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ван Си. Международное экологическое право. — Правовое издательство, 1998.
2. Ван Цзинь. Концепция и методы разработки Кодекса об экологической среде — с ориентацией на устойчивое развитие в качестве ценностной цели и логической основы // Хуайцзян лунтань. — 2024. — № 1.
3. Ван Цзинь. Структура, содержание и совершенствование раздела общих положений кодекса по охране окружающей среды // Китайское обозрение права. — 2025. — № 4. — С. 143–144.
4. Васильева М. И. К юридическому определению понятия экологического туризма // Lex russica (Русский закон). — 2020. — Т. 73. — № 4 (161). — С. 34–52.
5. Воронина Н. П. Правовое регулирование экологического туризма: новеллы и перспективы // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6–8 апреля 2023 года : в 3 ч. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — С. 372–376.
6. Лю Чжунмэй. Основные положения по разработке Кодекса экологического права // Китайское правоведение. — 2023. — № 2.
7. Лю Чжунмэй. Условия разработки и основная ориентация Кодекса экологического права Китая // Современное правоведение. — 2021. — № 6.
8. Макеева Е. Н. Правовое регулирование в области обращения с генетическими ресурсами и связанными с ними традиционными знаниями в Республике Беларусь // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Минск, 22–23 октября 2024 г. : в 3 ч. — Минск : СтройМедиа-Проект, 2024. — С. 167–172.
9. Устьянцева О. В. Проблемы правовой защиты редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных // Использование и охрана природных ресурсов в России. — 2022. — № 1 (169). — С. 37–40.

Материал поступил в редакцию 17 декабря 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Van Si. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo*. — Pravovoe izdatelstvo, 1998.
2. Van Tszin. *Kontsepsiya i metody razrabotki Kodeksa ob ekologicheskoy srede — s orientatsiyey na ustoychivoe razvitie v kachestve tsennostnoy tseli i logicheskoy osnovy* // *Khuaytszyan luntan*. — 2024. — № 1.
3. Van Tszin. *Struktura, sodержanie i sovershenstvovanie razdela obshchikh polozheniy kodeksa po okhrane okruzhayushchey sredy* // *Kitayskoe obozrenie prava*. — 2025. — № 4. — S. 143–144.
4. Vasileva M. I. *K yuridicheskomu opredeleniyu ponyatiya ekologicheskogo turizma* // *Lex russica (Russkiy zakon)*. — 2020. — Т. 73. — № 4 (161). — S. 34–52.
5. Voronina N. P. *Pravovoe regulirovanie ekologicheskogo turizma: novelly i perspektivy* // *Ustoychivoe razvitie Rossii: pravovoe izmerenie: sbornik dokladov X Moskovskogo yuridicheskogo foruma, Universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 6–8 aprelya 2023 goda: v 3 ch.* — M.: Izdatelskiy tsentr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. — S. 372–376.
6. Lyu Chzhunmey. *Osnovnye polozheniya po razrabotke Kodeksa ekologicheskogo prava* // *Kitayskoe pravovedenie*. — 2023. — № 2.
7. Lyu Chzhunmey. *Usloviya razrabotki i osnovnaya orientatsiya Kodeksa ekologicheskogo prava Kitaya* // *Sovremennoe pravovedenie*. — 2021. — № 6.
8. Makeeva E. N. *Pravovoe regulirovanie v oblasti obrashcheniya s geneticheskimi resursami i svyazannymi s nimi traditsionnymi znaniyami v Respublike Belarus* // *Intellektualnaya sobstvennost v sovremennom mire: vyzovy vremeni i perspektivy razvitiya: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Minsk, 22–23 oktyabrya 2024 g.: v 3 ch.* — Minsk: StroyMediaProekt, 2024. — S. 167–172.
9. Ustyantseva O. V. *Problemy pravovoy zashchity redkikh i nakhodyashchikhsya pod ugrozoy ischeznoeniya vidov zhivotnykh* // *Ispolzovanie i okhrana prirodnykh resursov v Rossii*. — 2022. — № 1 (169). — S. 37–40.

Правовые отношения в сфере применения труда курьеров в КНР

Аннотация. В правовой теории и судебной практике по вопросу о квалификации правоотношений между курьерами и платформенными компаниями (платформами) имеются существенные противоречия. Действующие в КНР Гражданский кодекс и Закон о труде не могут обеспечить надлежащего правового регулирования деятельности различных субъектов права в условиях новой ситуации платформенной торговли. На практике курьеры не могут нести обоснованную ответственность за возмещение ущерба при причинении вреда другим лицам во время работы, права и интересы курьеров как работников платформы не защищены. На основе анализа текущих судебных споров между платформами и курьерами авторами обобщены подходы, используемые народными судами Китайской Народной Республики для установления баланса между юридической ответственностью платформ, курьеров и потерпевших с целью максимального повышения защиты прав всех гражданских субъектов в рамках модели платформенной торговли. Сделаны выводы о необходимости развития концепции неполных трудовых отношений применительно к служебной деятельности курьеров и некоторых шагов по развитию законодательства КНР в этой сфере.

Ключевые слова: курьер; платформенная компания (платформа); ответственность платформы; законы Китайской Народной Республики; права курьеров в сфере труда; трудовые правоотношения; концепция неполных трудовых отношений; отношения подряда по договору; посреднические правоотношения; деликтная ответственность

Для цитирования: Вэй Дэпэн, Зубович М. М. Правовые отношения в сфере применения труда курьеров в КНР // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 189–201. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.189-201

© Вэй Дэпэн, Зубович М. М., 2026

* Вэй Дэпэн, преподаватель юридического факультета Шэньянского педагогического университета, адвокат Китайской Народной Республики
Северная Хуанхэ ул., д. 253, г. Шэньян, Китайская Народная Республика, 110034
1161961567@qq.com

** Зубович Михаил Мстиславович, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, самозанятый исследователь
а/я 126, г. Краснодар, Российская Федерация, 350002
mzubov@mail.ru

Legal Relations in the Sphere of Courier Labor in the People's Republic of China

Wei Depeng, Lecturer, Faculty of Law, Shaanxi Normal University, Lawyer, People's Republic of China, Shenyang, People's Republic of China
1161961567@qq.com

Mikhail M. Zubovich, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Self-Employed Researcher, Krasnodar, Russian Federation
mzubov@mail.ru

Abstract. There are significant contradictions in legal theory and judicial practice regarding the classification of legal relations between couriers and platform companies (platforms). The Civil Code and Labor Law currently in force in the PRC cannot ensure adequate legal regulation of the activities of various legal entities in the new context of platform trading. In practice, couriers cannot be held liable for compensation for damages caused to others during their work; the rights and interests of couriers as platform employees are not protected. Based on an analysis of current litigation between platforms and couriers, the authors summarize the approaches used by the people's courts of the People's Republic of China to establish a balance between the legal liability of platforms, couriers, and victims in order to maximize the protection of the rights of all civil parties within the platform trading model. Conclusions are made regarding the need to develop the concept of part-time employment relationships in relation to the official activities of couriers and some steps to develop Chinese legislation in this area.

Keywords: courier; platform company (platform); platform liability; laws of the People's Republic of China; couriers' labor rights; labor relations; concept of atypical employment relations; contractual relations; agency relations; tort liability

Cite as: Wei Depeng, Zubovich MM. Legal Relations in the Sphere of Courier Labor in the People's Republic of China. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):189-201. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.189-201

Согласно отчету китайского информационного агентства «Синьхуа» за январь 2025 г., общее число курьеров всех платформенных компаний¹ в Китае превысило 10 млн, при этом платформы занимают огромный рынок и играют важную роль в цифровой экономике. В контексте текущей эпохи курьеры играют важную социальную функцию обеспечения товаропотоков между коммерческими организациями и потребителями. Одновременно количество судебных дел о нарушениях прав курьеров в сфере применения их труда имеет тенденцию к росту.

Дилемма защиты прав и интересов курьеров как работников

В Китайской Народной Республике (КНР) в настоящее время существует три основных метода управления отношениями между курьерами и платформами:

1. Платформы создают собственные курьерские подразделения, то есть сами нанимают курьеров на полный (или неполный) рабочий день по трудовому договору и управляют организацией отправки и доставки товаров, а курьеры несут ответственность за все трудовые операции по курьерской доставке перед платформой-работодателем.

2. Модель платформы краудсорсинга «из онлайн в офлайн» (Online to Offline, O2O-мо-

¹ Далее — платформы, платформенные компании (предприятия).

дель)². Позволяет задействовать платформы, продавцов, а также курьеров, перемещающих товары (после их покупки онлайн) в офлайн-магазины и обратно. Главная особенность данной модели в том, что курьер самостоятельно выбирает в приложении задачу по заказу и осуществляет доставку, он имеет возможность работать неполный рабочий день на нескольких платформах.

3. Агентская платформенная модель аутсорсинга курьерского бизнеса. Платформа передает функцию экспресс-доставки стороннему агенту, который объединяет управление курьерами и организует услуги экспресс-доставки в соответствующем районе.

Всё больше новых платформ в КНР используют сочетание модели краудсорсинговой платформы и агентской модели. В связи с разнообразием бизнес-моделей платформ Китай использует дифференцированный подход к выработке нормативных положений на основе документов Международной конференции труда. В частности, Китаем было заявлено: «Платформы используют различные бизнес-модели и, следовательно, не должны нести одинаковые обязанности по защите работников»³.

В 2021 г. Пекинский центр юридической помощи и исследований трудящихся-мигрантов «Чжичэн» опубликовал Отчет о правовом исследовании модели трудоустройства на платформах доставки на дом⁴, в котором отмечалось, что на ранней стадии развития рынка доставки на дом платформы нанимали собственных курьеров, с которыми заключали трудовые договоры и предоставляли им социальное обеспечение. Таких курьеров называли

профессиональными, или штатными, курьерами, а их трудовые отношения подлежали полному регулированию трудовым законодательством. По мере роста конкуренции платформы начали использовать модель найма сотрудников на неполный рабочий день, а агентства по трудоустройству и платформы в этот период, активно сотрудничая между собой, стали переводить трудовые отношения всех курьеров в сторонние компании. Эти компании из соображений максимизации прибыли также начали направлять работников для выполнения заданий через различные виды платформ гибкой занятости: курьер регистрирует себя в качестве индивидуального предпринимателя, после чего отношения между курьером и платформой становятся рискованными с юридической точки зрения «отношениями сотрудничества», каждое задание по доставке при выполнении курьером становится предметом заключенного с платформой гражданско-правового договора. В сентябре 2021 г. различные правительственные ведомства Китая провели совместное административное совещание по защите прав и интересов работников в новых формах занятости и своей директивой запретили использование модели, которая предполагает регистрацию курьеров в качестве индивидуальных предпринимателей и предприятий в сфере экспресс-доставки⁵. Многие компании приняли эту директиву к исполнению. Так, начиная с сентября 2021 г. платформенная компания Meituan выпустила внутренний документ относительно «строгого запрета на побуждение и принуждение работников к регистрации в качестве индивидуальных промышленных и

² Концепция краудсорсинга была предложена Джеффом Хоу (Jeff Howe) в июне 2006 г. Краудсорсинг определяется как практика компании по передаче рабочих задач, которые ранее выполнялись сотрудниками, неопределенно большой сети людей на добровольной основе.

³ Обеспечение достойного труда в платформенной экономике. Доклад ILC.113/Доклад V (2). Международная конференция труда. 113-я сессия, 2025 г. Женева : Международное бюро труда, 2025. С. 35.

⁴ 外卖平台用工模式法律研究报告 (Отчет о правовом исследовании модели трудоустройства на платформах доставки на дом) // URL: https://mp.weixin.qq.com/s/T5_dwjv-p70_6_ZWVBqvMA (дата обращения: 28.05.2025).

⁵ 外卖送餐员、快递员...你的权益有这些保障! (Доставщик еды, курьер... Таким образом защищены ваши права! 02.09.2021) // URL: https://www.gov.cn/fuwu/2021-09/02/content_5634984.htm (дата обращения: 28.05.2025).

коммерческих домохозяйств с целью уклонения от выполнения трудовых обязанностей», который действует по сей день⁶.

Вместе с тем китайские платформы продолжили заключать с курьерами договоры на оказание услуг фрилансеров, чтобы исключить трудовые правоотношения. В этих договорах указывается, что отношения между платформой и курьером являются сотрудничеством, а не трудовыми отношениями. Кроме того, платформа позволяет курьерам работать неполный рабочий день на нескольких платформах, она не обязана выплачивать социальное страхование за курьеров и предоставлять им компенсации и льготы в рамках трудовых отношений (оплачиваемый отпуск, оплата сверхурочной работы, трудовые премии и т.д.); если платформа за качественные курьерские услуги выдает курьеру финансовые поощрения и бонусные баллы, это не означает, что платформа признает трудовые правоотношения с курьером. Такие соглашения не освобождают курьера при нарушении им правил дорожного движения в ходе доставки от возмещения вреда, причиненного здоровью третьих лиц, или экономического ущерба по возникшим претензиям, судебным разбирательствам о выплате компенсаций. Если договоры на оказание услуг фрилансеров изначально заключались в КНР для сотрудничества с целью использования гибкой модели занятости, то в настоящее время многие платформенные компании злоупотребляют этой моделью как средством обхода трудовых прав работников и избегания компанией юридических рисков.

В феврале 2025 г. в целях выполнения требований новой политики правительства основные платформенные компании Китая объявили⁷, что

будут выплачивать социальное страхование курьерам с полной или стабильной частичной занятостью на своих платформах, однако на данный момент основные платформы не объявили масштабы выплат социального страхования. Однако, по нашему мнению, если платформа будет выплачивать все социальные страховки за курьеров в соответствии с законом, она не будет иметь достаточных возможностей нести расходы на оплату труда курьеров и операционные расходы компании. Целью передачи платформой курьерского бизнеса третьей стороне или косвенного распределения его с курьером является максимизация интересов платформы. Если она будет отвечать за управление курьерами, платформа понесет огромные юридические риски и бремя расходов, серия судебных исков из-за споров о зарплате и деликтов окажет на нее значительное негативное влияние, всё это будет препятствовать коммерческому будущему платформ. Таким образом, существуют важные факторы для исключения курьерского бизнеса из коммерческих операций платформы.

Как показывают социологические опросы, сегодня курьеры, занимающиеся доставкой еды по всей стране, как правило, не имеют полноценной системы социального обеспечения. Значительную часть этой группы курьеров составляют сотрудники, работающие на аутсорсинге. Большинство из них не платят взносы по социальному обеспечению, и лишь немногие приобрели страховку от несчастных случаев или новую страховку от производственных травм. Уровень охвата социальным страхованием в отрасли экспресс-доставки различается. Компании, работающие напрямую, такие как JD.com и SF Express, в основном выплачивают «пять стра-

⁶ 2021年以来美团坚决治理«骑手注册个体工商户»的情况说明 (Заявление Meituan о строгом запрете в отношении «регистрации работников в качестве индивидуальных владельцев бизнеса» с 2021 г. 26.12.2024) // URL: <https://www.meituan.com/news/NN25011704801764X> (дата обращения: 28.05.2025).

Эта же компания выплачивает курьерам «премию за ожидание светофора», которая позволит им получать дополнительно более 400 юаней в неделю, не проезжая на красный свет (美团向骑手推出«等灯等灯奖», 不闯红灯一周可增收400多元. 30.04.2025 // URL: <https://www.meituan.com/news/NN250506099001895> (дата обращения: 28.05.2025).

⁷ 多平台宣布: 为外卖骑手缴纳社保 (Анонсировано множество платформ: оплата социального страхования для курьеров. 22.02.2025) // URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1824743998525171356&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.05.2025).

ховок и один фонд»⁸ за своих сотрудников, в то время как большинство курьеров в франчайзинговых компаниях экспресс-доставки вовсе не имеют социального обеспечения⁹.

Различные виды и сложные бизнес-модели затрудняют определение правоотношений между платформой и курьером, а судебная практика дает пока образцы противоречивых решений. Решения по состоявшимся судебным разбирательствам квалифицируют отношения между курьерами и платформенными компаниями следующим образом:

1. *Трудовые отношения.* Платформа обычно требует от курьеров при выполнении заказа носить рабочую форму платформы, на платформе курьерская доставка заказов имеет четкие временные рамки, а платформа на основе оценок от потребителей выставляет курьеру баллы за классификацию. Платформа определяет приоритет распределения заказов и распределение бонусов, а при нарушении курьером правил платформы списываются баллы или накладывается штраф. Этот ряд мер доказывает, что между платформой и курьером сложились отношения управления и руководства в существенном смысле, при этом платформа получала выгоду

и пользовалась результатами услуг курьера, то есть между двумя сторонами существовали трудовые отношения¹⁰;

2. *Посреднические отношения.* Платформа и курьер не связаны существенными персональными управленческими отношениями, курьер выполняет доставку в соответствии с поручениями пользователя платформы, плата за курьерские услуги также взимается курьером напрямую с пользователя платформы, поэтому трудовые отношения между ним и платформой не возникают. Однако платформа задает характеристики посреднической услуги, по этой причине курьер и платформа по закону находятся в отношениях оказания посреднической услуги¹¹.

3. *Отношения подряда по договору.* Платформа утверждает, что целью размещения заказов потребителей на платформе является получение результата о завершении доставки курьером. Курьер самостоятельно подготавливает и использует собственное транспортное средство, а также выбирает маршрут перевозки. Такая ситуация соответствует нормативным положениям о регулировании подрядных отношений по договору¹².

⁸ Под «пятью страховками и одним фондом» имеются в виду: медицинское страхование, пенсионное страхование, страхование по безработице, страхование от производственных травм, страхование по беременности и родам и жилищный накопительный фонд.

⁹ 平台和小哥谁更需要社保? 一财记者对话一线打工人 (Кому больше нужна социальная защита: платформе или курьеру? Репортер Yicai.com беседует с работниками первой линии. 26.02.2025) // URL: <https://www.yicai.com/news/102488501.html> (дата обращения: 28.05.2025).

¹⁰ Второй промежуточный народный суд Тяньцзиня (2017). Цзинь 02. Уголовное окончательное решение № 62 (天津市第二中级人民法院 (2017) 津02刑终62号判决书) // URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=uRWyTIZjqeGjgETpHQyzjrO929jEG5m5i550aXFPzv0Z+8lCpIxE5JO3qNaLMqsJhSsiCqHskKlFIsQyxXao+Kmvv73JGBuNM0smPnGSjWQwID215WYHoPaGv1R1w5Uc> (дата обращения: 27.05.2025).

¹¹ Народный суд промежуточной инстанции Чанчжоу провинции Цзянсу (2020). Су 04. Гражданское окончательное решение № 4622. Решение второй инстанции (江苏省常州市中级人民法院 (2020) 苏04民终第4622号二审判决书) // URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=nQaEQdsLTgvYdx7myl2GeybqNjyDw/l2cmbDLlOp55DJS7dp4PbvT5O3qNaLMqsJhSsiCqHskKlFIsQyxXao+Kmvv73JGBuNM0smPnGSjWQI/AOW5CDVK2aaY53ODGoB> (дата обращения: 27.05.2025).

¹² Народный суд промежуточной инстанции города Ньянчэн провинции Цзянсу (2020). Су 09. Гражданское окончательное решение № 4801. Решение второй инстанции (江苏省盐城市中级人民法院 (2020) 苏09民终第4801号二审判决书) // URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=nDOPmgTtekxMK+p8lHFqHKbSoPkooUWxXtn+N80xN3p+BE+v6qT3tpO3qNaLMqsJhSsiCqHskKlFIsQyxXao+Kmvv73JGBuNM0smPnGSjWR+bsFxfj1rNjflV7mJs55Fj> (дата обращения: 27.05.2025).

4. *Рассмотрение отношений на основе принципов гражданского права.* В этих случаях суд считает, что между платформой, курьерами и сторонними агентами не существует трудовых отношений, однако суд не определяет конкретный вид правоотношений, вместо этого на платформенную компанию возлагается частичная ответственность в соответствии с принципами справедливости и добросовестности в гражданском праве¹³. На самом деле такое решение является техническим подходом судей с целью избежать социальных противоречий при обнародовании судебных решений.

Таким образом, при защите прав и интересов курьеров приходится сталкиваться с дилеммой определения правоотношений и юридической ответственности, а суть этого результата заключается в бизнес-стратегии платформы на основе собственных коммерческих интересов. Даже если платформа в целях выполнения требований государственной политики по защите прав и интересов курьеров проводит пилотные попытки реформ, но система социального налогообложения, система занятости и другие вспомогательные меры не соответствуют реальному положению курьеров, это по-прежнему не стимулирует платформу к активному выполнению своих обязательств в отрасли, а вопрос защиты прав курьеров до сих пор не может быть разумно решен.

Модель ответственности при защите прав и интересов курьеров

В настоящее время курьеры платформ считаются в Китае «работниками новой формы занятости». Данный тип занятости имеет особенности:

1. *Между курьерами и платформой существуют свободные рабочие отношения.* С точки зрения традиционных трудовых отношений и обязанностей работодателя между курьером и платформой нет тесных управленческих отношений. Курьер может свободно выбирать рабочее время и принимать заказы на платформе, требование уникальности субъектной идентичности между платформой и курьером не выполняется, и платформа применяет только свободный метод надзора за поведением курьера, поэтому нет основы для формальных трудовых отношений между ними.

2. *Курьеры обладают высокой степенью личной самостоятельности.* Курьеры могут самостоятельно определять свое рабочее время и объем работы, они могут свободно выбирать одну или несколько платформ одновременно для выполнения заказов, при этом выполнение курьером по пути следования задания другой платформой не будет мешать поведению курьера.

3. *Работа курьера связана с высоким риском.* Курьеры обычно слишком много работают, при этом их права на отдых как работников не могут быть гарантированы. Бывают случаи, когда курьеры, желая получить больше заказов, не выделяют достаточно времени для отдыха, что приводит к внезапной смерти от истощения¹⁴. Кроме того, в процессе работы курьера с высокой вероятностью возникают ДТП, однако курьер не может своевременно получить компенсацию от платформы в существующих многослойных субподрядных отношениях, в итоге права курьера оказываются незащищенными¹⁵.

На данном этапе необходимо уточнить, являются ли правоотношения между курьером и

¹³ Народный суд района Цзяньань города Ухань провинции Хубэй (2024) E0102 Гражданское первое гражданское решение № 1227. (湖北省武汉市江岸区人民法院 (2024) 鄂0102民初1227号民事判决书) // URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=48Erh84j6ykv+99aLSuYxcAb6Pbp81g2FVIWq9ORZoknXXxWyo4XSpO3qNaLMqsJhSsiCqHskKIFIsQyxXao+KmvY73JGBuNM0smPnGSjWT58g4fHK3txMqJyGG1Lkdr> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁴ 逆行人生! 每天16-18小时赚500块, 余杭单王猝死电动车上, 值吗 (6 сентября 2024 г. курьер в провинции Чжэцзян был найден внезапно мертвым на своем мотоцикле из-за работы по 16-18 часов в день) // URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1809550322344330719&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁵ В 2021 г. в Пекине курьер по дороге на работу попал в ДТП, ему была диагностирована инвалидность девятой степени, после двух трудовых арбитражей и трех судебных процессов в течение двухлетнего

платформой трудовыми отношениями, отношениями по оказанию услуг, посредническими отношениями или подрядными договорными отношениями.

По мнению некоторых китайских ученых-юристов, онлайн-платформы должны находиться в нейтральном положении, а гражданское законодательство должно способствовать уменьшению ответственности платформ в целях стимулирования быстрого развития платформенной экономики¹⁶. Однако эта точка зрения подвергается критике со стороны многих исследователей права, которые считают, что снижение правовой ответственности платформы приведет к незащищенности интересов курьеров. Так, Чжан Цзе совместно с группой исследователей-юристов считают, что платформа должна нести дополнительную ответственность как минимум наряду с определением деликтной ответственности курьера¹⁷. Эти ученые выдвигают и обосновывают правовую категорию «неполные трудовые отношения».

Концепция неполных трудовых отношений способна заполнить институциональный пробел в правовой теории. Однако, поскольку эта концепция еще не в полной мере применима к трудовому законодательству КНР и ее сложно полностью урегулировать в соответствии с Граж-

данским кодексом КНР, необходимо создать более четкую правовую основу для определения обязанностей по выплатам по социальному обеспечению, а законодательная межотраслевая связь нуждается в совершенствовании¹⁸.

Аналогом неполных трудовых отношений, по сути, являются трудовые отношения с неполной занятостью. Закон о трудовом договоре КНР¹⁹ предусматривает три правовые формы трудовой занятости: а) полная занятость; б) трудоустройство по направлению рабочей силы; в) неполная занятость. Во всех этих случаях возникают трудовые отношения, однако правовой режим их различается. Так, согласно ст. 68–72 Закона о трудовом договоре КНР при неполной занятости неполный рабочий день по продолжительности рабочего времени в компании не должен превышать 4 часов в день и 24 часов в неделю. Компании не нужно заключать письменный трудовой договор, а заработная плата выплачивается на 15-й день. Законодательных ограничений, связанных со сверхурочной работой, ежегодным отпуском, больничным и прекращением трудовых отношений, не существует. Нет необходимости приобретать социальную страховку (за исключением случаев производственных травм). Компания может в любое время расторгнуть трудовые отношения с ра-

периода до сих пор не установлена юридическая ответственность работодателя, потому что в прошлом разные юридические лица по отдельности предоставляли страховку, выплачивали заработную плату и платили личные налоги за этого курьера. См.: URL: <https://chinajob.mohrss.gov.cn/c/2021-10-09/326174.shtml> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁶ 丁晓东.网络中立与平台中立——中立性视野下的网络架构与平台责任 (Дин Сяодун. Сетевой нейтралитет и нейтральность платформы: сетевая архитектура и ответственность платформы с точки зрения нейтралитета) // URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/E9omzhNH1bmMxNlglm2w> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁷ 白小平,张婕.网约车平台与司机之法律关系认定及法律责任划分 (Бай Сяопин, Чжан Цзе. Определение правовых отношений и разграничение юридической ответственности между онлайн-платформами по заказу автомобилей и водителями) // URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/zzxk201806008> (дата обращения: 28.05.2025).

¹⁸ 张丹丹.经济观察家/如何破除外卖骑手社保难题? /劳动经济学 (Чжан Дандан. Как решить проблему социального обеспечения курьеров, доставляющих еду? // Экономика труда. 10.05.2025). URL: <https://www.takungpao.com/finance/236134/2025/0510/1085305.html> (дата обращения: 28.05.2025); 灵活用工模式下全面的用工类型解析 (Комплексный анализ типов занятости в рамках гибкой модели занятости) // URL: <https://www.xinlinggong.top/news/zhishi/202.html> (дата обращения: 28.05.2025).

¹⁹ 中华人民共和国劳动合同法 (Закон о трудовом договоре КНР) // URL: https://www.mohrss.gov.cn/xxgk2020/fdzdgnr/zcfg/fl/202011/t20201102_394622.html (дата обращения: 28.05.2025).

ботниками, занятыми на условиях неполного рабочего времени, без выплаты какой-либо компенсации или возмещения убытков.

Как правильно отмечается в российской литературе, более перспективным является использование подхода к платформенной занятости как неоднородному явлению, требующему учета его сущности, что позволит ввести в перспективе в правовое поле новую гибридную модель занятости, учитывающую специфику работы на платформе и охватывающую работников социальными гарантиями²⁰.

Анализ особенностей организации и регулирования платформенной занятости в КНР показывает: несмотря на широкое распространение цифровых платформ в разных сферах и многолетний опыт их работы, можно говорить только об относительной юридической защищенности платформенных работников и относительном регулировании платформенной занятости в целом²¹.

Руководство КНР считает, что необходимо поддерживать и стандартизировать разработку новых форм занятости, расширять пилотную программу защиты от производственных травм для работников новых форм занятости, гарантировать право работников новых форм занятости знать и участвовать в трудовых правилах платформы, а также упростить каналы для работников по защите своих прав. Тем, кто испытывает трудности с поиском работы, а также выпускникам колледжей, которые не нашли работу в течение двух лет после окончания учебы и ищут гибкую занятость, будут предоставлены

определенные субсидии на социальное страхование в соответствии с правилами²². Так, для работников, которые не могут установить трудовые отношения и не подпадают под систему страхования от производственных травм, в КНР запущен пилотный проект по защите от производственных травм работников в новых формах занятости: компании-платформы организуют страхование от производственных травм для работников в новых формах трудоустройства, они применяют метод взимания платы на основе каждого заказа, а также отчетности и выплат на основе ежемесячного объема заказов. Они не используют общую заработную плату в качестве базы для выплаты, что помогает решить проблему несбалансированного и недостаточного страхования от несчастных случаев на производстве²³.

В российской литературе обоснованно отмечается, что, поскольку трудовые платформы должны обеспечивать эффективный рынок как для работников, так и для потребителей, то адекватным российским экономическим условиям вариантом правового регулирования платформенной занятости должен стать комплексный подход к регулированию платформенной занятости как к особой формы отношений, которые не являются ни трудовыми, ни гражданско-правовыми, но при этом права и обязанности таких работников должны государством регулироваться и защищаться²⁴.

Так же как в Китае, в большинстве стран мира ведется активная дискуссия по вопросу необходимости разработки специальных законода-

²⁰ Забелина О. В., Сергеева М. В. Новации зарубежного опыта нормативно-правового регулирования платформенной занятости // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 10. С. 1563.

²¹ Кутищева А. А., Смирнова Е. А. Оценка развития платформенной занятости в России и за рубежом и особенности ее нормативно-правового регулирования // Экономика труда. 2025. Т. 12. № 4. С. 453–472.

²² 中共中央国务院关于实施就业优先战略促进高质量充分就业的意见. 2024年9月15日 (Мнения Центрального Комитета КПК и Госсовета о реализации стратегии «занятость прежде всего» для содействия качественной и полной занятости. 15.09.2024) // URL: https://www.gov.cn/zhengce/202409/content_6976469.htm (дата обращения: 28.05.2025).

²³ 有效加强新就业形态劳动者权益保障 (Эффективно усилить защиту прав и интересов работников в новых формах занятости) // People's Daily. 07.05.2025. URL: http://www.china.com.cn/txt/2025-05/07/content_117862158.shtml (дата обращения: 28.05.2025).

²⁴ Джиоев Н. С. Интернет-платформы как площадки для применения достойного труда (в аспектах de lege lata и de lege ferenda) // Научная парадигма развития трудового права в информационном обществе :

тельных норм для формализации платформенной занятости и развития системы минимальных социальных гарантий для платформенных работников. Однако конкретные прикладные решения практически нигде не приняты, и работники встраиваются в действующую систему, по сути выбирая между самозанятостью (наиболее распространенный вариант во всех странах) и традиционной занятостью по найму. При этом платформы стараются избежать отношений найма, а спорные ситуации разрешаются в суде. Существенные противоречия в квалификации правовых отношений наблюдаются также в судебных решениях по спорам платформ с работниками в разных странах²⁵.

Определение правовых отношений между курьерами и платформами имеет огромное влияние на ответственность за компенсацию в случаях гражданских деликтов. Согласно ст. 1191 Гражданского кодекса КНР, если работник причиняет вред другим лицам при исполнении своих трудовых обязанностей, то ответственность за вред несет работодатель. В пункте 2 ст. 1191 Кодекса также предусмотрено, что если в период предоставления услуг по трудоустройству командированный работник причиняет вред другим лицам при выполнении своих рабочих задач, то ответственность за причинение вреда несет подразделение-работодатель, принявшее эту командировку; если вина лежит на подразделении по трудоустройству, оно несет соответствующую ответственность²⁶. Это показывает, что ответственность за деликты в связи с трудовыми отношениями или предоставлением услуг по трудоустройству обычно несут платформы и сторонние компании, предоставляющие услу-

ги по трудоустройству. Кроме того, статья 1193 Гражданского кодекса КНР предусматривает, что если подрядчик при выполнении работ причинит ущерб третьему лицу или себе, то заказчик не несет ответственности за причинение вреда. Данное положение закона означает, что платформа не несет ответственности за деликты, возникшие по вине курьера в случае подрядных отношений. К сожалению, некоторые курьеры пытаются всеми возможными способами ускорить доставку еды и увеличить количество заказов, включая езду в неправильном направлении, превышение скорости и проезд на красный свет. Хотя платформа и устанавливает напоминания об усталости, многие курьеры обходят ограничения, например меняя платформу после завершения фиксированных смен. Кроме того, согласно ст. 961 Гражданского кодекса КНР о посредническом договоре, посредник (платформа) информирует принципала о возможности заключить договор или предоставляет посреднические услуги для заключения договора; когда посредник (платформа) правдиво информирует договаривающуюся сторону о соответствующей ситуации и не умышленно скрывает важные факты о заключении договора, у платформы нет оснований нести какой-либо деликтный ущерб по вине договаривающейся стороны. Иными словами, курьер сам несет все договорные обязательства и ответственность за последствия деликтного ущерба.

Большинство народных судов КНР при рассмотрении дел об определении трудовых отношений между курьерами и платформами опираются не только на договоры на оказание услуг фрилансеров или какой-либо пункт формы об

сборник статей IX Международной научно-практической конференции (Гусовских чтений), посвященной 75-летию со дня рождения академика РАН К. Н. Гусова. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 55–62.

²⁵ Подробнее см.: Платформенная занятость: определение и регулирование : доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. М. : НИУ ВШЭ, 2021. С. 22–23 ; Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. Апрель 2022. М. : Фонд «Центр стратегических разработок», 2022. С. 22–41.

²⁶ 中华人民共和国民法典 (Гражданский кодекс Китайской Народной Республики) // URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202006/t20200602_306457.html (дата обращения: 28.05.2025).

отказе от ответственности, но и на принцип единства прав и обязанностей²⁷ для подтверждения фактических трудовых отношений между курьерами и платформами. Некоторые суды считают, что договоры и заявления об освобождении от ответственности между курьерами и платформами не имеют юридической силы, поэтому платформы должны нести определенную долю ответственности в зависимости от степени вины. Кроме того, отдельные суды устанавливали трудовые отношения между курьерами и платформами на основании ч. 2 ст. 16 Закона о труде КНР²⁸ и циркуляра Министерства труда и социального обеспечения²⁹. В частности, когда работодатель принимает на работу работника без заключения письменного трудового договора, но при этом существуют следующие обстоятельства, трудовые отношения будут подтверждены:

1. Работодатель и работник соответствуют квалификационным требованиям в соответствии с законами и правилами.

2. Работодатель устанавливает правила трудового распорядка для работников, а работники выполняют оплачиваемую работу в соответствии с требованиями работодателя.

3. Трудовая деятельность работников является неотъемлемой частью деятельности работодателя.

Например, 5 июля 2021 г. Народный суд района Сонцзян в Шанхае вынес решение по гражданскому делу, в котором установил, что между курьером и платформой существовали трудовые отношения, несмотря на то что курьер и платформа подписали договор о подрядном сотрудничестве³⁰.

В Министерстве трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР сообщили, что на начало 2025 г. число работников нескольких новых форм занятости, участвующих в страховании в пилотных регионах, превысило 10 млн, и следующим шагом станет расширение сферы внедрения страхования занятых от производственных травм³¹.

Модели ответственности курьеров за причинение ущерба третьим лицам

В гражданских делах третье лицо, полагая, что если курьер одет в униформу платформы и несет рюкзак с логотипом платформы, то поведение курьера есть выполнение задания платформы, предъявляет платформе исковые требования об ответственности работодателя. На основании этого третье лицо в целях защиты своих прав и интересов вправе указать в судеб-

²⁷ Статья 131 Гражданского кодекса КНР устанавливает, что при осуществлении гражданских прав субъекты должны исполнять обязанности, предусмотренные законом и согласованные сторонами. Данное положение именуется принципом единства гражданских прав и обязанностей, то есть осуществление прав субъектами гражданского оборота должно обеспечивать реализацию прав других правообладателей и не должно в одностороннем порядке подчеркивать права отдельных лиц без исполнения своих обязанностей.

²⁸ 中华人民共和国劳动法 (Закон о труде Китайской Народной Республики) // URL: https://www.gov.cn/banshi/2005-05/25/content_905.htm (дата обращения: 28.05.2025).

²⁹ 关于确立劳动关系有关事项的通知 (Уведомление по вопросам, связанным с установлением трудовых отношений. Циркуляр Министерства труда и социального обеспечения [2005] № 12) // URL: https://www.mohrss.gov.cn/xhgk2020/fdzdgnr/zcfg/gfxwj/ldgx/201407/t20140717_136260.html (дата обращения: 29.05.2025).

³⁰ Народный суд района Сонцзян Шанхая (2021). Ху 0117. Первое гражданское судебное разбирательство № 600. Гражданское решение (上海市松江区人民法院 (2021) 沪0117民初600号民事判决书) // URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXS4/index.html?docId=smlPFwvnnNFoD49L/MvnZcjEsHy0VDqwdi8Rdshsh3Ocz3kAYwjPqGpO3qNaLMqsJhSsiCqHskKIFsQyxXao+ICnM+YhD/9scoAN8CK165rWQfvQAnlu8FMs4RPIGnKX> (дата обращения: 29.05.2025).

³¹ 外卖观察 | 超1000万! 飞奔的外卖骑手 // URL: <https://finance.sina.com.cn/jjxw/2025-01-16/doc-inefcvrz6915967.shtml> (дата обращения: 28.05.2025).

ном иске в качестве ответчиков как курьера, так и платформенную компанию.

Существует два основных подхода китайских судов к рассмотрению исков третьих лиц к платформам о возмещении ущерба:

1. Суд полагает, что основой такого типа дел является определение правовых отношений между платформой и курьером. Если платформа и курьер состоят в трудовых отношениях, то платформа должна нести ответственность как работодатель, в противном случае ответственность за причинение вреда несет только курьер. Анализ судебных решений показывает, что при определении характера работы курьера суд в целом оценивает рабочее время, рабочее место, оплату труда, степень руководства, степень автономии и другие характеристики и в конечном итоге приходит к выводу, что платформа и курьер не состоят в трудовых отношениях, а это означает, что платформа не обязана нести ответственность перед третьим лицом за ущерб по вине курьера.

2. Суд выясняет, является ли курьерская доставка целевой для выполнения задач платформы, тем самым определяя вероятность ответственности платформы. Согласно ч. 1 ст. 1191 Гражданского кодекса КНР если работник причиняет ущерб другому лицу в связи с выполнением своей работы, то ответственность несет работодатель. Однако после того как платформа возьмет на себя ответственность за причинение вреда, она сможет потребовать компенсацию от курьеров, допустивших умышленную или грубую халатность. В подобном процессе суд не будет ограничиваться определением отношений «трудовые отношения», «отношения по предоставлению трудовых услуг» или «подрядные отношения», а будет исследовать доказательства того, что курьер вызвал нарушение результатов работы платформы³². Поскольку поведение курьера по выполнению рабочего задания платформы следует рассматривать как поведение ее явного представителя, то и юри-

дическая сила соглашения между курьером и платформой не должна быть направлена против добросовестного третьего лица.

Заключение

Концепция «неполные трудовые отношения» пока не нашла соответствующей модели в современной правовой практике КНР. На сегодняшний день имеется насущная потребность в создании более четкой правовой основы для определения обязанностей по выплатам по социальному обеспечению. В условиях экономики свободного заработка на платформах готовность работников участвовать в страховании относительно низкая, что оправдывается ими высокой стоимостью многочисленных страховых платежей и другими факторами. Однако мы считаем, что уже сегодня необходимо внести некоторые изменения в традиционную модель юридической ответственности в трудовых отношениях.

Так, чтобы сбалансировать правовые риски платформ, курьеров и третьих лиц, целесообразно введение системы *обязательного страхования* курьеров в отрасли экспресс-доставки, которая позволит снизить правовую нагрузку в отношениях по применению труда курьеров. Объем страхования подлежит обсуждению, уточнить его будет возможно на основе анализа результатов пилотного проекта по защите от производственных травм работников в новых формах занятости, в рамках которого компании-платформы применяют метод взимания платы на основе каждого заказа, а также отчетности и выплат на основе ежемесячного объема заказов. В этом случае курьеры и третьи лица избежат вовлечения в длительные гражданские судебные разбирательства для получения возмещения ущерба, а страховые компании разделят первоначальные правовые риски платформы.

³² 黎明破晓. 2022年度劳动关系管理十大事件 (Dawn Breaks. Десять лучших событий в сфере управления трудовыми отношениями в 2022 г.) // URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=Mzg3NjEwMjUyMw==&mid=2247490417&idx=1&sn=619ef1aaebf32eeb76ad1d41e0a8d51b&scene=21#wechat_redirect (дата обращения: 28.05.2025).

Чтобы не допустить трудовой перегрузки курьеров и нарушения ими при доставке на транспорте правил дорожного движения (в целях получения большого количества заказов), целесообразно возложить на платформенные компании обязанность по электронному отсле-

живанию поведения курьеров с помощью алгоритмов больших данных. При этом платформа будет стремиться снизить количество несчастных случаев и нарушений со стороны курьеров за счет инновационных моделей стимулирования работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Джиоев Н. С.* Интернет-платформы как площадки для применения достойного труда (в аспектах de lege lata и de lege ferenda) // Научная парадигма развития трудового права в информационном обществе : сборник статей IX Международной научно-практической конференции (Гусовских чтений), посвященной 75-летию со дня рождения академика РАН К. Н. Гусова. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — С. 55–62.
2. *Забелина О. В., Сергеева М. В.* Новации зарубежного опыта нормативно-правового регулирования платформенной занятости // Экономика труда. — 2024. — Т. 11. — № 10. — С. 1563–1574.
3. *Кутищева А. А., Смирнова Е. А.* Оценка развития платформенной занятости в России и за рубежом и особенности ее нормативно-правового регулирования // Экономика труда. — 2025. — Т. 12. — № 4. — С. 453–472.
4. Обеспечение достойного труда в платформенной экономике. Доклад ILC.113/Доклад V (2). Международная конференция труда. 113-я сессия, 2025. — Женева : Международное бюро труда, 2025. — 210 с.
5. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. Апрель 2022. — М. : Фонд «Центр стратегических разработок», 2022. — 69 с.
6. Платформенная занятость: определение и регулирование : доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. — М. : НИУ ВШЭ, 2021. — 77 с.
7. 沈维清, 谢曼珍. 论平台企业涉第三方法律纠纷之责任承担—以外包骑手致第三人损害为. 西南石油大学学报(社会科学版), 2024,26(05):96-104 (*Шэнь Вэйцин, Се Маньчжэнь*). Ответственность платформенных предприятий в правовых спорах с участием третьей стороны. Анализ случая причинения ущерба третьей стороне аутсорсинговым курьером доставки // Журнал Юго-Западного нефтяного университета (издание по социальным наукам). — 2024. — № 5. — С. 96–104).
8. 王天玉. 平台骑手致第三人损害的外观主义归责. 中国应用法学, 2021(04):48-61 (*Ван Тяньюй*). Доктрина внешнего вида при возмещении ущерба третьим лицам, причиненного пассажирами платформы // Китайский журнал прикладной юриспруденции. — 2021. — № 4. — С. 48–61).
9. 邹开亮, 谢观弘. 众包骑手送餐中致人损害赔偿责任的认定. 衡阳师范学院学报, 2023,44(05):45-53 (*Цзоу Кайлян, Се Гуаньхун*). Об определении ответственности за возмещение ущерба, причиненного краудсорсинговыми курьерами при доставке еды // Журнал Хэньянского педагогического университета. — 2023. — № 5. — С. 45–53).
10. 潘伟峰. 论众包外卖骑手的权益保障路径. 上海法学研究, 2022;1:8-14 (*Пан Вэйфэн*). На пути к защите прав и интересов курьеров, осуществляющих краудсорсинговую доставку еды // Шанхайские юридические исследования. — 2022. — № 1. — С. 8–14).
11. 陈洪娇. 平台众包骑手交通事故商业保险范围条款法律规制. 武汉交通职业学院学报, 2025,27(01):11-18 (*Чэнь Хунцзяо*). Правовое регулирование положений о сфере коммерческого страхования для дорожно-транспортных происшествий с участием краудсорсинговых пассажиров платформы // Журнал Уханьского технического колледжа коммуникаций. — 2025. — № 1. — С. 11–18).

Материал поступил в редакцию 3 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Dzhioev N. S. Internet-platformy kak ploshchadki dlya primeneniya dostoyrnogo truda (v aspektakh de lege lata i de lege ferenda) // Nauchnaya paradigma razvitiya trudovogo prava v informatsionnom obshchestve: sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Gusovskikh chteniy), posvyashchenoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RASN K. N. Gusova. — M.: Izdatelskiy tsentr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. — S. 55–62.
2. Zabelina O. V., Sergeeva M. V. Novatsii zarubezhnogo opyta normativno-pravovogo regulirovaniya platformennoy zanyatosti // Ekonomika truda. — 2024. — T. 11. — № 10. — S. 1563–1574.
3. Kutishcheva A. A., Smirnova E. A. Otsenka razvitiya platformennoy zanyatosti v Rossii i za rubezhom i osobennosti ee normativno-pravovogo regulirovaniya // Ekonomika truda. — 2025. — T. 12. — № 4. — S. 453–472.
4. Obespechenie dostoyrnogo truda v platformennoy ekonomike. Doklad ILC.113/Doklad V (2). Mezhdunarodnaya konferentsiya truda. 113-ya sessiya, 2025. — Zheneva: Mezhdunarodnoe byuro truda, 2025. — 210 s.
5. Platformennaya zanyatost: vyzovy i vozmozhnye resheniya. Aprel 2022. — M.: Fond «Tsentr strategicheskikh razrabotok», 2022. — 69 s.
6. Platformennaya zanyatost: opredelenie i regulirovanie: doklad / O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, A. P. Aptekar [i dr.]; Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut sotsialnoy politiki. — M.: NIU VShE, 2021. — 77 s.
7. 沈维清, 谢曼珍. 论平台企业涉第三方法律纠纷之责任承担—以外包骑手致第三人损害为. 西南石油大学学报(社会科学版), 2024,26(05):96-104 (Shen Veytsin, Se Manchzhen. Otvetstvennost platformennykh predpriyatiy v pravovykh sporakh s uchastiem tretey storony. Analiz sluchaya prichineniya ushcherba tretey storone outsorsingovym kurerom dostavki // Zhurnal Yugo-Zapadnogo neftyanogo universiteta (izdanie po sotsialnym naukam). — 2024. — № 5. — S. 96–104).
8. 王天玉. 平台骑手致第三人损害的外观主义归责. 中国应用法学, 2021(04):48-61 (Van Tyanyuy. Doktrina vneshnego vida pri vozmeshchenii ushcherba tretim litsam, prichinennogo passazhirami platformy // Kitayskiy zhurnal prikladnoy yurisprudentsii. — 2021. — № 4. — S. 48–61).
9. 邹开亮, 谢观弘. 众包骑手送餐中致人损害赔偿责任的认定. 衡阳师范学院学报, 2023,44(05):45-53 (Tszou Kaylyan, Se Guankhun. Ob opredelenii otvetstvennosti za vozmeshchenie ushcherba, prichinennogo kraudsorsingovymi kurerami pri dostavke edy // Zhurnal Khenyanskogo pedagogicheskogo universiteta. — 2023. — № 5. — S. 45–53).
10. 潘伟峰. 论众包外卖骑手的权益保障路径. 上海法学研究, 2022;1:8-14 (Pan Veyfen. Na puti k zashchite prav i interesov kurerov, osushchestvlyayushchikh kraudsorsingovuyu dostavku edy // Shankhayskie yuridicheskie issledovaniya. — 2022. — № 1. — S. 8–14).
11. 陈洪娇. 平台众包骑手交通事故商业保险范围条款法律规制. 武汉交通职业学院学报, 2025,27(01):11-18 (Chen Khuntszyao. Pravovoe regulirovanie polozheniy o sfere kommercheskogo strakhovaniya dlya dorozhno-transportnykh proisshestviy s uchastiem kraudsorsingovykh passazhirov platformy // Zhurnal Ukhanskogo tekhnicheskogo kolledzha kommunikatsiy. — 2025. — № 1. — S. 11–18).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.



KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!



Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 2 (183) февраль 2026

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 194-1471



9 771994 147002